

Владимир Набоков

Сквозняк из прошлого

Vladimir Nabokov

Transparent Things

Перевел и составил комментарии Андрей Бабилов

First published in 1972

Copyright © 1972, Dmitri Nabokov

All rights reserved

© А. Бабилов, перевод, статья, комментарии, перевод интервью, 2023

© 000 «Издательство АСТ», 2023

Издательство CORPUS®

Сквозняк из прошлого

Посвящаю моей жене

1

Вот персона, которая мне нужна. Салют, персона! – Не слышит.

Если бы будущее существовало, определенно и персонально, как нечто, что мог бы различить более развитый мозг, то прошлое, возможно, не было бы столь соблазнительным: его притязания уравнивались бы притязаниями будущего. Люди в таком случае, рассматривая тот или иной объект, могли бы восседать на середине качельной доски. Было бы, пожалуй, превесело.

Но будущее не имеет такой реальности (какой обладают воспроизводимое прошлое и воспринимаемое настоящее); будущее – всего лишь фигура речи, фантом мысли.

Салют, персона! В чем дело, отстаньте от меня! Нет, я не пристаю к нему. Ну хорошо, хорошо. Салют, персона... (в последний раз, очень тихим голосом).

Когда мы фокусируем внимание на материальном объекте, независимо от его положения, самый акт концентрации способен нас невольно погрузить в его историю. Новички должны научиться поверхностному скольжению по материи, если хотят, чтобы материя оставалась на точном уровне данного момента. Проницаемые предметы, сквозь которые просвечивает прошлое!

Объекты рукотворные, как и природные, сами по себе нейтральные, но много послужившие беспечной жизни (вам пришел на ум, и совершенно справедливо, камень на склоне холма, по которому несчетное число лет снует несметное множество мелких тварей), особенно трудно удерживать в поверхностном поле внимания: новички, радостно мурлыча себе под нос, проваливаются сквозь эту поверхность и вскоре уже с детским самозабвением упиваются историей этого камня и этой пустоши. Поясню. Природное и искусственное вещество покрыто тонкой оболочкой непосредственной реальности, и всякий, кто желает оставаться в настоящем, с настоящим, на настоящем, пусть, пожалуйста, не прорывает ее натянутой плевы. В противном случае неопытный чудотворец обнаружит, что больше не ходит по воде, а стойком идет на дно в окружении глазющих рыб. Вскоре продолжим.

2

Когда наша персона, Хью Пёрсон (искаженное «Петерсон», иные произносят «Парсон»), выпрастывал свое угловатое тело из такси, которое доставило его из Трюкса на этот претенциозный горный курорт, он – со все еще склоненной головой в проеме, предназначенном для появляющихся на свет карликов, – взглянул вверх, – не из признательности за любезность шофера, открывшего ему дверцу, а чтобы сравнить облик отеля «Аскот» («Аскот»!) со своим воспоминанием восьмилетней давности – одна пятая его жизни, полная скорби. Уродливое строение из серого камня и бурого дерева щеголяло вишнево-красными ставнями (не все были закрыты), которые в силу некоего мнемоптического подвоха запомнились ему яблочно-зелеными. Ступени крыльца с двух сторон обрамлялись парой электрифицированных каретных фонарей на стальных опорах. По этим ступеням сбежал лакей в фартуке, чтобы унести два чемодана и (под мышкой) обувную коробку – всё, что шофер проворно выставил из пасти багажника. Пёрсон заплатил проворному шоферу.

Неузнаваемый холл был, несомненно, таким же убогим, как всегда.

Оставляя у стойки подпись и паспорт, он спросил по-французски, по-

английски, по-немецки и вновь по-английски, по-прежнему ли здесь старик Крониг, управляющий, толстое лицо и фальшивую жовиальность которого он так хорошо помнил.

Консьержка (светлые волосы собраны в узел, красивая шея) сказала нет, мосье Крониг стал управляющим, представляете, «Мужестика в Фуле» (во всяком случае, так это прозвучало). В виде иллюстрации или подтверждения она показала открытку с зеленой травой, синим небом и разлегшимися в шезлонгах постояльцами. Подпись была на трех языках, без ошибок лишь на немецком. Английская гласила: Лжачая Лужайка – и как нарочно ложная перспектива растянула лужайку до чудовищных размеров.

«Он умер в прошлом году», прибавила девушка (анфас нисколько не походившая на Арманду), лишая фотохромный снимок «Мажестика в Куре» даже того незначительного интереса, какой он собой представлял.

«Выходит, не осталось никого, кто бы мог меня помнить?»

«Сожалею», сказала она с интонацией его покойной жены.

Девушка, кроме того, сожалела о том, что, поскольку он не помнил, какой именно номер он занимал на третьем этаже, она, в свою очередь, не могла его предоставить, тем более что все номера на третьем этаже заняты. Сжимая лоб ладонью, Пёрсон сказал, что то был один из трехсот пятидесятих, окнами на восток, солнце встречало его на коврик у кровати, хотя никакого вида из комнаты не было. Она ему очень нужна, эта комната, но закон требовал, чтобы записи уничтожались, если управляющий, даже экс-управляющий, совершал то, что сделал Крониг (самоубийство, по-видимому, считалось формой служебного подлога). Ее помощник, красивый юноша в черном, с прыщами на подбородке и горле, сопровождал Пёрсона в комнату на четвертом этаже, с увлеченностью телевизионного зрителя глаза, пока они поднимались в лифте, на скользящую вниз сплошную голубоватую стену, в то время как, с другой стороны, не менее увлеченное зеркало лифта в продолжение нескольких ясных мгновений отражало джентльмена из Массачусетса, с продолговатым, худым, печальным лицом, слегка выступающей челюстью и парой симметричных морщин по сторонам рта, что могло бы создать впечатление сурового, с резкими чертами альпиниста, кабы скорбная сутулость не спорила с каждым вершком его королевской мужественности.

Окно выходило на восток, в самом деле, но вид из него определенно открывался, а именно на громадный кратер, полный землеройных машин (с молжавших с вечера субботы до утра понедельника).

Носильщик в яблочно-зеленом фартуке принес два чемодана и картонную коробку с надписью «Впору» на обертке, после чего Пёрсон остался в одиночестве. Он знал, что гостиница пришла в упадок, но это уже было слишком. *Belle chambre au quatrième*[1], хотя и довольно просторная для одного (но слишком тесная для нескольких человек) была лишена всякого комфорта. Он вспомнил, что комната этажом ниже, в которой он, тридцатидвухлетний крупный мужчина, рыдал чаще и горше, чем даже в годы своего печального детства, тоже была несуразной, но хотя бы

не такой вытянутой и захлавленной, как его новое обиталище. Кровать была ужасна, как дурной сон. В «ванной комнате» имелся подмывальник (такой широкий, что на него мог бы сесть цирковой слон), но самой ванны не было. Стульчак не удерживался в вертикальном положении. Кран некоторое время протестовал, с напором испуская струю ржавой воды, прежде чем уняться и покорно зажурчать приемлемой жидкостью, которую мы недостаточно высоко ценим – а ведь это текучая тайна, заслуживающая того, чтобы в ее честь, о да, возводить монументы, святилища прохлады! Покинув эту жалкую уборную, Хью благовоспитанно прикрыл за собой дверь, но она, как глупое домашнее животное, заскулила и тут же последовала за ним в комнату. А теперь позвольте нам вернуться к проницаемым предметам.

3

Ища комод, чтобы разложить свои вещи, Хью Пёрсон, человек аккуратный, заметил, что средний ящик старого письменного стола, отставленного в темный угол и служащего подставкой для лампы, лишенной лампочки и абажура и похожей на остов сломанного зонтика, не был задвинут как следует постольцем или лакеем (на самом деле ни тем ни другим), – последним, кто проверил, пуст ли он (никто не проверял). Мой добропорядочный Хью расшатывающим движением попробовал вдвинуть его на место; ящик сперва артачился, а затем в ответ на обратное действие случайного рывка (который не мог не воспользоваться накопленной энергией нескольких толчков) резко открылся и выбросил карандаш. Хью оглядел его, прежде чем положить обратно.

Предмет не принадлежал к разряду великолепных шестиугольных изделий из виргинского можжевельника или африканского кедра, с оттиснутым серебряной станиолью именем производителя, а представлял собой круглый, совершенно обыкновенный, технически безликий старый карандаш из дешевой сосны, окрашенный в тускло-лиловый цвет. Его забыл плотник, который не только не починил старый стол, но даже не закончил осмотра, уйдя за инструментом, которого он так и не нашел. Теперь приступим к акту концентрации.

В мастерской плотника и задолго до этого в деревенской школе карандаш потерял две трети своей длины. Голая древесина его конусообразного кончика потемнела до сливово-свинцового цвета, сливаясь таким образом по оттенку с притупленным грифельным острием, матовый блеск которого только и позволял отличить его от дерева. Нож и латунная точилка немало поработали над ним, и, если бы в том была нужда, мы могли бы проследить запутанную участь обрезков, каждый из которых был лиловым с одной и желтоватым с другой стороны, когда они были свежими; теперь же они распались на атомы пыли, от широкого, широчайшего рассеивания которых захватывает в панике дух, но нужно быть выше этого, к этому довольно скоро привыкаешь (есть страхи и похуже). Будучи изготовленным по старинке, он в целом был обструган гладко и без натуги. Возвращаясь на столько-то лет в прошлое (правда, не столь далекое, как год рождения Шекспира, когда был открыт графит), а затем снова прослеживая историю этой вещи в

направлении «настоящего», мы видим мелко перемолотый графит, который девушки и старики смешивают с влажной глиной. Эту массу, эту паусную икру, помещают в металлический цилиндр с голубым глазком, сапфиром, просверленным насквозь, и через это отверстие серая икра проталкивается. Она выходит одним непрерывным аппетитным стерженьком (следите за нашим маленьким другом!), который выглядит так, как будто сохранил форму пищеварительного тракта дождевого червя (но следите, следите, не отвлекайтесь!). Теперь его режут на отрезки той длины, которая предназначена для этих карандашей (мельком мы замечаем резчика, старого Илию Борроудейла, и собираемся разглядеть его предплечье при боковом осмотре, но останавливаемся, останавливаемся и резко отступаем назад, спеша распознать интересующий нас сегмент). Смотри, как он запекается, смотри, как он варится в жиру (кадр с разделяемым шерстистым жиродателем, кадр с мясником, кадр с пастухом, с отцом пастуха, мексиканцем) и вставляется в древесную оболочку.

Теперь, пока мы готовим древесину, не будем терять из виду наш драгоценный отрезок графита. Вот дерево! Та самая сосна! Вот она срублена. В дело идет только очищенный от коры ствол. Мы слышим вой недавно изобретенной мотопилы, мы видим, как сушат и обстругивают бревна. Вот доска, которая послужит интегументом карандаша в неглубоком ящике (все еще открытом). Мы распознаем его присутствие в бревне, как распознаем бревно в дереве, дерево в лесу, а лес в мире, который построил Джек. Мы распознаем это присутствие по чему-то совершенно ясному для нас, но безымянному, что так же затруднительно описать, как улыбку тому человеку, который никогда не видел улыбающихся глаз.

Таким образом вся эта маленькая драма, от кристаллизованного углерода и срубленной сосны до этого скромного орудия, этой сквозистой вещи, разворачивается во мгновение ока. Увы, сам воплощенный в конце концов карандаш, побывавший у Хью Пёрсона в пальцах, почему-то продолжает ускользать от нас! Но Хью не ускользнет, о нет.

4

Это была его четвертая поездка в Швейцарию. Первая состоялась восемнадцать лет тому назад, когда он с отцом провел несколько дней в Трюксе. Десять лет спустя, в тридцать два года, он вновь посетил этот старинный городок на берегу озера, и по пути в гостиницу, в которой они тогда останавливались и которую он хотел снова увидеть, стремился ощутить (что ему удалось) сентиментальный трепет – полуудивленье, полураскаянье. От нижнего, озерного уровня, где находилась безликая станция, на которую его доставил местный поезд, к ней вели крутой проулок и пролет старой лестницы. Он запомнил ее название, «Lосquet», потому что оно походило на девичью фамилию его матери, канадской француженки, которую Пёрсон-старший пережил менее чем на год. Еще Хью помнил, что гостиница была унылой и дешевой и унижительно соседствовала с другим, гораздо лучшим отелем, сквозь rez-de-chaussée[2] окна которого виднелись призраки белых столиков и

подводные официанты. Оба отеля теперь исчезли, а на их месте вырос Banque Bleue[3], громадное строение из стали, сплошь полированные поверхности, зеркальное стекло и растения в кадках.

Он спал в чем-то вроде полуалькова, отделенный аркой и напольной вешалкой от кровати отца. Ночь всегда чудовище, но та была особенно ужасной. Хью, дома спавший в собственной комнате, возненавидел эту общую могилу сна, он мрачно надеялся, что обещание отдельных спален будет исполнено на следующих стоянках их швейцарского путешествия, смутно рисовавшегося впереди в цветистой дымке. Его отец, шестидесятилетний человек ниже его ростом и к тому же более плотный, за время своего недавнего вдовства отталкивающе состарился. Его вещам сопутствовал характерный душок, слабый, но безошибочно узнаваемый, и он всхрапывал и вздыхал, видя во сне громоздкие глыбы тьмы, от которых нужно было расчистить дорогу или через которые приходилось перебираться в страдальческих положениях немоги и отчаяния. Нам не удалось сыскать в анналах европейских туров, рекомендованных семейными докторами пожилым пенсионерам как верное средство развеять скорбь одиночества, ни единой поездки, которая достигла бы этой цели.

Руки у Пёрсона-старшего ловкостью никогда не отличались, но в последнее время то, как он шарил в пенной воде пространства, нащупывая прозрачное мыло ускользающей материи, или тщетно пытался завязать или развязать те части фабричных изделий, которые нужно было застегнуть или отстегнуть, становилось положительно комичным. Хью унаследовал долю этой неуклюжести; ее теперешнее преувеличение раздражало его, как повторная пародия. В то утро последнего дня вдовца в так называемой Швейцарии (т. е. прямо перед тем событием, после которого все для него должно было стать «так называемым») старый увалень схватился с жалюзи, чтобы посмотреть, какая выдалась погода, и, успев лишь мельком увидеть мокрую мостовую, перед тем как пластинчатая штора грохочущей лавиной вновь сошла вниз, решил взять зонтик. Свернут он был кое-как, и старик принялся складывать его заново. Хью с молчаливым отвращением наблюдал за этим, его ноздри раздувались и подрагивали. Презрение не было заслуженным, поскольку существует множество вещей, от живых клеток до мертвых звезд, которые время от времени претерпевают случайные маленькие аварии в не всегда умелых или осторожных руках анонимных формовщиков. Нахлесты черной ткани легли как попало, и рулон пришлось сворачивать по новой, но когда застежка ленточки уже была готова к использованию (крошечный осязаемый кружок между большим и указательным пальцами), кнопка исчезла в складках и бороздах пространства. Понаблюдав некоторое время за беспомощными шарящими движениями отца, Хью так резко вырвал у него зонтик, что старик еще мгновение разминал руками воздух, прежде чем ответить на внезапную грубость мягкой извиняющейся улыбкой. Все так же не говоря ни слова, Хью яростно сложил и застегнул зонтик, который, говоря по чести, едва ли приобрел лучший вид, чем тот, какой в конце концов придал бы ему его отец.

Чем они собирались заняться в этот день? Позавтракать там, где обедали накануне, а потом отправиться за покупками и вдоволь наглядеться на достопримечательности. Местное чудо природы, водопад

Тара, был нарисован на двери ватерклозета в коридоре и вдобавок воспроизведен на громадной фотографии, украшавшей стену вестибюля. Д-р Пёрсон остановился у стойки, чтобы с присущей ему суетливостью спросить, нет ли для него какой-нибудь почты (едва ли он ждал писем). После недолгих поисков нашлась телеграмма для миссис Парсон, но для него не было ничего (кроме легкого потрясения от неполного совпадения). Рядом с его локтем случайно оказалась свернутая портняжная лента, и он принялся обматывать ее вокруг своей бокастой талии, раз за разом теряя конец и объясняя при этом мрачному консьержу, что собирается купить в городе пару летних штанов и намерен взяться за дело с толком. Его болтовня вызвала у Хью такое раздражение, что он направился к выходу еще до того, как серая лента вновь была свернута.

5

После завтрака они подыскивали подходящий с виду магазин. Confections. Notre vente triomphale de soldes[4]. Наши опавшие плоды триумфально распроданы, – перевел отец, и Хью поправил его с усталым презрением. Перед витриной на железной треноге стояла полная корзина сложенных рубашек, не защищенная от дождя, пошедшего пуще прежнего. Раздался раскат грома. Зайдем-ка сюда, нервно сказал д-р Пёрсон, чей страх перед грозowymi разрядами был для его сына еще одним источником раздражения.

Так вышло, что в то утро Ирма, изнуренная и издерганная продавщица, одна заправляла захудалым магазином одежды, в который Хью неохотно последовал за отцом. Двух ее сотрудников, супружескую чету, только что поместили в госпиталь после пожара в их тесных апартаментах, хозяин уехал по делам, а посетителей оказалось больше, чем обычно бывает по четвергам. В эту минуту она помогала трем пожилым дамам (часть полного автобуса из Лондона) совершить покупки, одновременно объясняя блондинке-немке в черном, как пройти к тому месту, где можно сделать снимки для паспорта. Старые англичанки по очереди прижимали к груди одно и то же цветочных узоров платье, и д-р Пёрсон с увлечением принялся переводить их кокни-кудахтанье на плохой французский. Девушка в трауре вернулась за забытым свертком. Раскладывались новые платья, изучались новые ярлычки с ценой. Вошел еще один покупатель с двумя маленькими девочками. Воспользовавшись паузой, д-р Пёрсон попросил подыскать ему пару широких брюк. Он получил несколько пар для примерки в смежной с залом кабине, и Хью выскользнул из магазина.

Он бесцельно прогуливался, прячась под архитектурными выступами, поскольку напрасно ежедневная газета этого дождливого городка настаивала на том, чтобы в его торговых кварталах были возведены пассажи. Он осмотрел предметы в сувенирной лавке. Он нашел довольно привлекательной зеленую фигурку лыжницы, сделанную из материала, который он не смог распознать через витрину (то был «алебастрид», имитация арагонита, вырезанная и раскрашенная в тюрьме Грумбель осужденным мужеложцем, суровым Арманом Рейвом, который задушил сестру своего друга, состоявшую с ним в кровосмесительной связи). А

что сказать об этом гребешке в футляре из настоящей кожи, что сказать о нем? — о, он бы мигом засорился, и пришлось бы битый час вычищать грязь между его частыми зубчиками с помощью одного из самых маленьких лезвий швейцарского складного ножа, который оцетинился чуть дальше, обнажив свои дерзкие внутренности. Миленькие наручные часики с изображением собачонки на циферблате, всего двадцать два франка. Или, может быть, купить (для университетского соседа по комнате) это деревянное блюдо, в середине которого белый крест, окруженный всеми двадцатью двумя кантонами? Хью тоже исполнилось двадцать два, и он всегда был чувствителен к совпадениям символов.

Резкий трезвон и мигающий красный свет на железнодорожном переезде возвестили о надвигающемся событии: неумолимо опускался медленный слагбаум.

Коричневая занавеска кабины была задернута только наполовину, не скрывая стройных ног в прозрачных черных чулках сидящей внутри женщины. Мы страшно спешим возратить этот момент! Занавеска уличной кабины с чем-то вроде рояльного стула (чтобы было удобно и низким и высоким) и торговым или игровым автоматом, позволяющим сделать собственный снимок для паспорта или ради спорта. Хью поглядел на ножки и перевел взгляд на вывеску. Мужское окончание и отсутствие акута испортили непреднамеренный каламбур:

Три фотографии / три позы (фр.).

Пока он, все еще девственник, воображал эти смелые позы, произошло двойное событие: пронесся гром идущего без остановки поезда, и в фотокабине сверкнула магниевая молния. Блондинка в черном, отнюдь не казненная на своем стуле электрическим разрядом, вышла, закрывая сумочку. Чьи бы похороны она ни хотела почтить образом белокурой красавицы, украшенной по случаю крепом, это не имело никакого отношения к третьему одновременному событию, произошедшему по соседству.

Надо пойти за ней, вот был бы славный урок, — пойти за ней, вместо того, чтобы глазеть на водопад: славный урок старику. Выругавшись и вздохнув, Хью пошел на попятную, что когда-то было отменной метафорой, и вернулся в магазин. Ирма позднее рассказывала соседям, что была уверена, что джентльмен ушел вместе с сыном, и поэтому, несмотря на его беглый французский, сначала не могла взять в толк, о чем этот молодой человек говорил. Сообразив наконец, она посмеялась над своей глупостью, быстро провела Хью в примерочную и, все еще от души смеясь, отдернула зеленую, не коричневую, занавеску тем жестом, который лишь в ретроспективе стал драматическим. Неурядица и смещения в пространстве всегда имеют свою комичную сторону, и мало что может быть смешнее, чем три пары брюк, спутанные в застывшем танце на полу, — коричневые штаны свободного кроя, синие джинсы,

старые брюки из серой фланели. Неуклюжий Пёрсон–старший очень старался просунуть обутую ногу в зигзаг узкой штанины, когда почувствовал, что ревущий багрянец наполняет его голову. Он умер еще до того, как коснулся пола, как если бы падал с большой высоты, и теперь лежал навзничь, одна рука вытянута, зонтик и шляпа – вне пределов досягаемости в высоком зеркале.

6

Этот Генри Эмери Пёрсон, отец нашего Пёрсона, может быть описан, в зависимости от угла освещения и положения наблюдателя, как благонамеренный, серьезный, приятный маленький человек или как жалкий мошенник. Немало рук заламывается во мраке угрызений совести, в темнице непоправимого. Школьник, пусть даже такой же сильный, как Бостонский душитель – покажи ладони, Хью, – не может справиться со всеми своими товарищами, когда они то и дело отпускают глумливые замечания в адрес его отца. После двух–трех неловких схваток с самыми отвратительными из них, он стал вести себя хитрее и подлее, заняв позицию молчаливого полусогласия, которая ужасала его, когда он вспоминал те времена; но, по диковинному извороту совести, осознание собственного ужаса утешало его, доказывая, что он все же не совсем чудовище. Теперь ему нужно было что-то сделать с рядом засевших в памяти неблагоприятных поступков, в которых он был повинен до этого самого последнего дня; отделаться от них было так же мучительно, как от зубных протезов и очков, оставленных ему властями в бумажном пакете. Единственный родственник, которого он смог отыскать, дядя из Скрэнтона, дал ему из-за океана совет кремировать тело в Швейцарии, а не отправлять домой; на деле же менее рекомендуемый путь оказался во многих отношениях более легким, главным образом потому, что позволил Хью практически сразу избавиться от жуткого объекта.

Все были очень добры. Хотелось бы выразить особую благодарность Гарольду Холлу, американскому консулу в Швейцарии, усилиями которого нашему бедному другу была оказана всемерная помощь.

Из двух острых ощущений, испытанных молодым Хью, одно было обычным, другое – особенным. Сначала пришло общее чувство освобождения, как сильный бриз, экстатический и чистый, уносящий прочь много жизненной трухи. В частности, он был рад обнаружить в потрепанном, но пухлом бумажнике отца три тысячи долларов. Подобно многим юношам скрытой гениальности, видящим в пачке банкнот всю осязаемую толщу сиюминутных наслаждений, у него не было ни практической сметки, ни стремления заработать больше денег, ни сомнений относительно своих будущих средств к существованию (они оказались ничтожными, когда выяснилось, что наличная сумма превышала десятую часть всего наследства). В тот же день он переехал в гораздо более роскошное жилье в Женеве, заказал на обед *homard à l'américaine*[5] и отправился на поиски своей первой в жизни потаскухи в переулочек за отелем.

По оптическим и плотским причинам половые отношения менее прозрачны,

чем многие другие, гораздо более сложные вещи. Известно, однако, что в своем родном городке он ухаживал за тридцативосьмилетней женщиной и ее шестнадцатилетней дочкой, но был бессилён с первой и недостаточно дерзок со второй. Перед нами банальный случай чрезвычайно продолжительного эротического зуда, уединенных практик, приводящих к обычному облегчению, и памятных снов. Девушка, с которой он заговорил, была коренастой, но с красивым, бледным, вульгарным лицом и глазами итальянки. Она привела его к одной из лучших кроватей в отвратительных старых меблированных комнатах, а именно в тот самый «номер», в котором девяносто один, девяносто два, почти девяносто три года тому назад по пути в Италию останавливался русский писатель. Кровать – другая, с медными шишками, – была застелена, расстелена, накрыта сюртуком и потом вновь застелена; на ней стоит полуоткрытый саквояж в зеленую клетку, а сюртук наброшен на плечи путешественника в ночной рубашке, шея которого обнажена, а темные волосы взъерошены. Мы застаем его за принятием решения: что переложить из саквояжа (который он отправит вперед почтовой каретой) в заплечный мешок (который он сам понесет через горы к итальянской границе)? Он ждет, что с минуты на минуту явится его друг, художник Кандидатов, чтобы отправиться с ним в один из тех беззаботных походов, который романтики не колеблясь предприняли бы даже морозящей августовской порой; в те некомфортные времена лило еще сильнее; его сапоги были все еще мокрыми после десятиимильной прогулки до ближайшего казино. Они стоят за дверью в позиции изгнания, а ступни ног он завернул в несколько слоев немецкоязычной газеты – ему, к слову, на немецком легче читать, чем на французском. Главный вопрос, стоящий перед ним, как быть с рукописями – доверить ли их мешку или отправить почтой в саквояже: черновики писем, незаконченный рассказ в русской тетради, переплетенной в черную ткань, фрагменты философского эссе в синей тетрадке, купленной в Женеве, и разрозненные листы писчей бумаги с набросками романа под рабочим названием «Фауст в Москве». Когда он сидит за этим сосновым столом, тем же самым, на который шлюшка нашего Пёрсона бросила свою набитую сумку, сквозь эту сумку как бы просвечивает первая страница его «Фауста» с энергичными вычерками и неряшливыми вставками фиолетовыми, черными, рептильно-зелеными чернилами. Вид собственного почерка завораживает его; хаос на странице для него – порядок, кляксы – картины, пометки на полях – кулисы. Вместо того, чтобы разбирать бумаги, он откупоривает походную чернильницу и с пером в руке подходит к столу. Но в тот же миг раздается жизнерадостный стук в дверь. Дверь распахивается и снова закрывается.

Хью Пёрсон последовал за своей случайной подругой вниз по крутой лестнице и дошел до ее любимого угла улицы, где они расстались на долгие годы. Он надеялся, что она оставит его до утра и ему не придется ночевать в гостинице, где мертвый Пёрсон-старший маячит в каждом темном углу его одиночества, но, заметив, что Хью склонен остаться, она неверно истолковала его намерения, грубо заявив, что приведение в форму такого никчемного исполнителя займет слишком много времени, и выставила его вон. Уснуть ему, однако, мешал не призрак, а духота. Он распахнул настежь обе оконницы; они выходили на автомобильную стоянку четырьмя этажами ниже; тонкий мениск над головой был слишком тусклым, чтобы освещать крыши домов, сходящих к невидимому озеру; свет гаража выхватывал ступени пустынной лестницы,

ведущей в хаос теней; все это было очень мрачным и очень далеким, и наш страдающий акрофобией Пёрсон почувствовал земное притяжение, приглашающее его воссоединиться с ночью и с отцом. Маленьким голым мальчиком ему нередко случалось ходить во сне, но знакомая обстановка оберегала его, пока, наконец, странная болезнь не отступила. Однако этой ночью, на верхнем этаже незнакомого отеля, он был незащищен. Он закрыл окна и просидел в кресле до рассвета.

7

В те ночи его детства, когда у Хью бывали припадки сомнамбулизма, он выходил из своей комнаты в обнимку с подушкой и спускался по лестнице. Он помнил, что просыпался в самых неожиданных местах, на ступеньках, ведущих в подвал, или в чулане прихожей, среди галош и плащей, и хотя эти босые блуждания не слишком пугали его, мальчик не хотел «вести себя, как привидение» и умолял запирающую дверь его спальни. Но из этого тоже ничего не вышло, потому что он вылезал в окно на покатующую крышу галереи, ведущей к дортуарам школьного пансиона. В первый раз, когда это случилось, холод черепицы, на которую он ступил голыми подошвами, разбудил его, и он вернулся в свое темное гнездышко, обходя стулья и другие предметы скорее на слух, чем иным способом. Старый и недалекий доктор посоветовал родителям Хью обложить пол вокруг его кровати мокрыми полотенцами и расставить тазы с водой в стратегических точках, однако все это привело лишь к тому, что, обойдя в своем волшебном сне все препятствия, мальчик обнаружил, что дрожит от холода подле основания дымохода в обществе школьного кота. Вскоре после этой вылазки припадки призрачности случались все реже и практически прекратились к пятнадцати годам. Предпоследним отголоском стал странный эпизод схватки с ночным столиком. Хью учился в колледже и делил со своим сокурсником Джеком Муром (не родственником) две комнаты в недавно построенном Снайдер-Холле. После утомительного дня зубрежки Джек был разбужен посреди ночи грохотом, доносившимся из спальни-гостиной. Он пошел посмотреть, что происходит. Хью во сне вообразил, будто его ночной столик, небольшой предмет мебели на трех ножках, позаимствованный из-под телефонного аппарата в прихожей, сам собой пустился в воинственную пляску, как на спиритическом сеансе в присутствии Хью сделал другой похожий столик, когда к нему обратились с вопросом, скучает ли вызванный дух (Наполеон) по весенним закатам на острове Св. Елены. Джек Мур увидел, как Хью, энергично свесившись с дивана, схватил и раздавил в своих объятьях безобидный предмет в нелепой попытке остановить его воображаемое движение. Книжки, пепельница, будильник, коробочка леденцов от кашля полетели на пол, а терзаемое дерево стонало и скрипело в руках идиота. Джек Мур разнял их. Хью молча повернулся на другой бок, так и не проснувшись.

8

В течение десяти лет, которым суждено было пройти между первой и

второй поездкой Хью Пёрсона в Швейцарию, он зарабатывал на жизнь всякими скучными занятиями, выпадающими на долю блестящих молодых людей, лишенных каких-либо определенных дарований или амбиций и привыкших применять лишь малую толику своих способностей к рутинным или жульническим задачам. Что они делают с другой, гораздо большей частью, как и где ютятся их настоящие фантазии и чувства, не то чтобы тайна — теперь все стало явным, — но раскрытие этого повлекло бы за собой объяснения и откровения слишком уж печальные и страшные. Только эксперты и для экспертов должны исследовать страдания духа.

Он умел умножать в уме восьмизначные числа и потерял эту способность в двадцать пять лет за несколько серых убывающих ночей во время госпитализации с вирусной инфекцией. Он опубликовал в журнале колледжа стихотворение — длинное и путаное сочинение с довольно многообещающим началом:

Восславим многоточие... Небесный

являет солнце озеру пример...

Он послал в лондонскую «Таймс» письмо, несколько лет спустя перепечатанное в антологии «Господину редактору: Сэр...», и в нем было такое место:

Анакреонт умер в восемьдесят пять лет, удушенный «винным скелетом» (как выразился другой иониец), а шахматисту Алехину цыганка предсказала, что его в Испании убьет мертвый бык.

По окончании университета он семь лет служил секретарем и анонимным помощником известного мошенника, покойного символиста Атмана, и был полностью ответственен за такие подстрочные примечания, как:

Кромлех (соотносится с «млеко», «milch», «milk») явно символизирует Великую Мать, точно так же, как менгир («mein Herr»[6]) явно мужского рода.

Еще некоторое время он подвизался на ниве канцелярских товаров, и авторучка, рекламой которой он занимался, была названа его именем: Перо Пёрсона. Что, впрочем, оставалось его высшим достижением.

В двадцать девять лет угрюмый Пёрсон поступил на службу в крупное издательство, в котором исполнял самые разные обязанности — документалиста, лазутчика, помощника редактора, литературного редактора, корректора, потатчика нашим авторам. Хмурый раб, он был отдан в распоряжение миссис Фланкард, пышной и претенциозной дамы с румяным лицом и глазами осьминога, огромный роман которой под

названием «Олень» был принят к изданию с условием, что он будет радикально переделан, безжалостно сокращен и частично переписан. Заново сочиненные фрагменты, состоящие из нескольких страниц, вставленных здесь и там, должны были заполнить черные кровоточащие пустоты в изрядно покровсанной плоти книги между уцелевшими главами. Эту работу проделывала одна из коллег Хью, милая девушка с «хвостиком», которая вскоре покинула издательство. Писательского таланта у нее было даже меньше, чем у миссис Фланкард, и теперь перед Хью стояла тягостная задача не только выправить испорченные ею места, но и устранить недостатки, которые она проглядела. Он несколько раз пил чай с миссис Фланкард в ее очаровательном загородном доме, украшенном почти исключительно холстами ее покойного мужа: ранняя весна в гостиной, позднее лето в столовой, все великолепие Новой Англии в библиотеке и зима в спальне. Хью не стал задерживаться в этой именно комнате, потому что его не оставляло тревожное чувство, что миссис Фланкард планировала быть изнасилованной под лиловыми снежинками мистера Фланкарда. Подобно многим перезрелым, но все еще красивым дамам из мира искусства, она, казалось, совершенно не сознавала, что большая грудь, морщинистая шея и приглушенный туалетной водой запах несвежей женственности могут оттолкнуть нервного мужчину. Он издал вздох облегчения, когда «наша» книга наконец вышла в свет.

С коммерческим успехом «Оленя» Хью ожидало более престижное задание. «Мистер R.», как его называли в редакции (у него было длинное двухсоставное немецкое имя с дворянской частицей между замком и утесом), писал по-английски намного лучше, чем говорил. В соприкосновении с бумагой его английский приобретал и форму, и богатство, и показной блеск, вследствие чего некоторые менее требовательные рецензенты его приемной страны провозгласили его выдающимся стилистом.

Мистер R. был обидчивым, неприятным и невежливым корреспондентом. Их разделенным океаном отношениям — мистер R. жил преимущественно в Швейцарии или Франции — недоставало сердечности, которой сопровождалось мучительное сотрудничество с миссис Фланкард; однако мистер R., пусть, возможно, и не принадлежавший к мастерам первой величины, был, во всяком случае, настоящим художником, который на своей земле и с собственным оружием отстаивал свое право пользоваться непривычной пунктуацией, отвечающей самобытному ходу его мысли. Нашему уступчивому Пёрсону удалось без лишних хлопот подготовить к изданию одно из его ранних сочинений (в бумажной обложке), но затем последовало долгое ожидание нового романа, который R. обещал закончить до конца весны. Весна не принесла плодов — и Хью на самолете отправился в Швейцарию, чтобы обсудить положение дел с ноншалантным автором. То была его вторая из четырех поездок в Европу.

Он познакомился с Армандой ясным днем в вагоне швейцарского поезда между Куром и Версексом накануне своей встречи с R. Хью по ошибке

сел в обычный, а не скорый поезд, она же выбрала его потому, что он останавливался на полустанке, от которого ходил автобус в Витт, где у ее матери было собственное шале. Арманда и Хью одновременно устроились у окна, напротив друг друга, с той стороны вагона, которая была обращена к озеру. С другой стороны, через проход, четыре места заняла американская семья. Хью раскрыл «Journal de Genève»[7].

О, она была очень хороша собой, и была бы исключительно красивой, если бы не тонкие губы. У нее были карие глаза, светлые волосы, медового оттенка кожа. Две ямочки в форме полумесяца изгибались вдоль ее загорелых щек, обрамляя печальный рот. На ней был черный костюм поверх оборчатой блузки. Она положила на колени книгу, а на нее руки в черных перчатках. Ему показалось, что он узнал это издание в мягкой обложке цвета пламени с копотью. Их знакомство состоялось по идеально банальной схеме.

Они обменялись взглядами вежливого неодобрения, когда трое американских детей принялись вытаскивать из чемодана свитера и штаны в яростных поисках чего-то, что было по глупости забыто в отеле (пачка комиксов, уже убранных шустрой горничной вместе с грязными полотенцами). Один из двух взрослых, поймав холодный взгляд Арманды, ответил на него выражением добродушной беспомощности. Пришел за билетами кондуктор.

Хью, слегка наклонив голову, убедился, что был прав: это действительно было карманное издание «Силуэтов в золотом окне».

«Одна из наших», сказал Хью с указующим кивком.

Она взглянула на книгу, лежавшую у нее на коленях, как если бы ждала от нее каких-то объяснений его замечанию. Юбка у нее была очень короткая.

«Я имею в виду, – сказал Хью, – что работаю на этого самого издателя. На американского издателя, выпустившего эту книгу в твердой обложке. Она вам нравится?»

Она ответила на беглом, но искусственном английском, что терпеть не может сюрреалистические романы поэтического рода. Ей нужен суровый реализм, отражающий наше время. Ей нравятся книги о Насилии и Восточной Мудрости. Станет ли там дальше поинтереснее?

«Ну, там есть довольно драматичная сцена на ривьерской вилле, в которой девочка, дочь рассказчика –»

«Джун».

«Да. Джун поджигает свой новый кукольный домик, и вся вилла сгорает дотла; но, боюсь, насилия там негусто; все это скорее символично, в величавой манере и, в общем, удивительно нежно при этом, как говорится в рекламной аннотации, по крайней мере, говорилось в нашем первом издании. А обложку придумал знаменитый Пол Плам».

Она, конечно, дочитает ее, как бы скучно ни было, потому что все в жизни нужно доводить до конца, как эту новую дорогу над Виттом, где у них дом, шале де-люкс, но, пока ее строят, приходится долго тащиться вверх до фуникулера Дракониты. Это «Пылающее окно», или как там она называется, ей только вчера, на день рождения, уже двадцать третий, подарила падчерица автора, которую он, вероятно –

«Джулия».

Да. Прошлой зимой они с Джулией преподавали в Тичино в школе для иностранных девушек. Отчим Джулии только что развелся с ее матерью, с которой он обращался ужасно. Что они преподавали? О, хорошие манеры, ритмику – такого рода вещи.

Хью и новая неотразимая персона к этому времени перешли на французский, на котором он изъяснялся по крайней мере так же хорошо, как она по-английски. Арманда спросила, угадает ли он, кто она по национальности, и он предположил, что датчанка или голландка. Нет, семья ее отца приехала из Бельгии, он был архитектором, его убило прошлым летом, когда он руководил сносом знаменитого отеля на одном пришедшем в упадок курорте. А ее мать родилась в России, в очень благородной среде, полностью, конечно, уничтоженной революцией. По душе ли ему работа в издательстве? Не мог бы он немного опустить эту черную штору? Похороны заходящего солнца. Такое выражение? Нет, он это только что сочинил.

Той ночью в Версексе Хью в дневнике, который вел от случая к случаю, сделал такую запись:

«Познакомился в поезде с девушкой. Прелестные загорелые голые ноги и золотистые сандалии. Безумное желание школьника и романтическое волнение, которых никогда прежде не испытывал. Арманда Шамар. *La particule aurait juré avec la dernière syllabe de mon prénom*[8]. Кажется, у Байрона встречается “chamar”, что в очень благородной восточной среде значит “павлиний веер”. Очаровательно утонченная, но при этом удивительно наивная. Шале над Виттом, построенное отцом. Если вы окажетесь в этих *parages*[9]. Спросила, нравится ли мне моя работа. Моя работа! Я ответил: “Спроси меня, что я могу делать, а не что я делаю, дивная нимфа, дивный отблеск солнца сквозь полупрозрачную черную ткань. Я могу запомнить целую страницу из справочника за три минуты, но не помню собственного телефонного номера. Я могу сочинять обрывки стихов, столь же странных и новых, как ты или как что-то, что человеку предстоит сочинить лет через триста, но я не опубликовал ни единой стихотворной строчки, кроме какого-то юношеского вздора в колледже. На теннисных кортах в школе моего отца я развил сокрушительный прием сервиса – укороченный задержанный драйв, – но выдыхаюсь после первого же гейма. С помощью чернил и акварели я могу изобразить озеро невиданной прозрачности, с отражением в нем всех райских гор, но не способен нарисовать лодку, или мост, или силуэт охваченного паникой человека в пылающих окнах Пламовой виллы. Я преподавал французский в американских школах, но так и не смог избавиться от канадского акцента моей матери, хотя отчетливо слышу его, когда шепчу французские слова. *Ouvre ta robe, Déjanire*, чтоб я взшел *sur mon bûcher*[10]. Я могу на дюйм подняться

над землей и десять секунд провисеть в воздухе, но не могу взобраться на яблоню. Я получил докторскую степень по философии, но не владею немецким. Я влюбился в тебя, но ничего предпринимать не стану. Словом, я многогранный гений". По совпадению, достойному того другого гения, книгу, которую она читала, ей подарила его падчерица. Джулия Мур, конечно, позабыла, что я переспал с ней года за два до этого. Они с матерью завязанные путешественницы. Посетили Кубу, Китай и другие того же рода унылые и примитивные страны и любовно критиковали многих приятных и странных людей, с которыми там подружились. Parlez-moi de son отчим. Он что, très fasciste?[11] Не могла понять, почему я назвал левачество миссис R. общим местом буржуазной моды. Mais au contraire[12], она и ее дочь обожают радикалов! Что ж, сказал я, сам-то мистер R. равнодушен к политике. Милашка моя сочла, что это его недостаток. Сливочно-ореховая шея с золотым крестиком и grain de beauté[13]. Стройная, спортивная, смертоносная!»

10

Кое-что он все-таки предпринял, несмотря на всю эту любовную самокритику. Он послал ей записку из маститого «Версекс-Паласа» за несколько минут до коктейля с самым ценным нашим автором, лучшая книга которого вам не понравилась. Могу ли я навестить вас, скажем, в среду, четвертого? К тому времени я перееду в отель «Аскот» в вашем Витте, где, как мне сказали, даже летом можно отлично покататься на лыжах. С другой стороны, главная цель моего пребывания здесь — выяснить, когда же старый негодяй закончит работу над книгой. Так странно теперь вспоминать, с каким волнением еще только позавчера я предвкушал, как наконец увижу великого человека во плоти.

Плоти оказалось даже больше, чем наш Пёрсон себе представлял по свежим снимкам. Когда он посмотрел в окно вестибюля и увидел его, выходящего из автомобиля, ни трубный глас славы, ни вскрик светского восторга не тронули его нервной системы, полностью поглощенной девушкой с голыми ляжками в залитом солнцем поезде. И все же какое величественное зрелище являл собой R. — тучный старик, поддерживаемый с одного бока своим красавцем шофером, а с другого — чернобородым секретарем, встречаемый двумя отельными chasseurs[14], имитирующими на ступенях крыльца готовность немедленно и всячески услужить. Репортер в Пёрсоне отметил, что на г-не R. были замшевые туфли цвета какао, лимонная рубашка с сиреневым шейным платком и мятый серый костюм, ничем, кажется, не примечательный, — по крайней мере, на взгляд простого американца. Салют, Пёрсон! Они расположились в холле у бара.

Иллюзорность происходящего подчеркивалась внешним видом и речами двух действующих лиц. Этот монументальный господин, с его глинистым

гримом и фальшивой улыбкой, и мистер Тамуорт с бородой разбойника, казалось, разыгрывали строго размеченную сцену перед невидимой аудиторией, к которой Пёрсон, манекен, все время был обращен спиной, словно его отворачивала вместе с креслом скрытая квартирная хозяйка Шерлока, – как бы он ни сидел и куда бы ни смотрел во время короткой, но изрядно сдобренной алкоголем беседы. Все это и вправду было подделкой и восковыми фигурами по сравнению с реальностью Арманды, чей образ запечатлелся в его мысленном взоре и проступал на протяжении всего представления на разных уровнях – порой вверх ногами, порой на дразнящей границе его поля зрения, но никогда не пропадающий, никогда, истинный и волнующий. Банальности, которыми он с ней обменивался, сверкали подлинностью на фоне принужденных смешков в фиктивном баре.

«Что ж, вы определенно выглядите на редкость подтянутым», с бесстыдным лицемерием заметил Хью после того, как они заказали напитки.

У барона R. были грубые черты, землистый цвет лица, бугристый нос с расширенными порами, косматые воинственные брови, пронизывающий насквозь взгляд и бульдожий рот, полный плохих зубов. Присущая ему отталкивающая изобретательность, столь заметная в его сочинениях, проявилась и в подготовленных частях его речи, к примеру, когда он, как сейчас, сказал, что отнюдь не «выглядит подтянутым» и все больше отмечает незаметно растущее сходство с кинозвездой Рубенсоном, когда-то игравшим во Флориде старых гангстеров; однако такого актера не существовало.

«И все же, как вы себя чувствуете?» – спросил Хью, развивая свой успех.

«Говоря короче некуда, – ответил R. (в присущей ему раздражающей манере не только щеголять затасканными выражениями на якобы разговорном английском, испорченным его иностранным акцентом, но и по-своему коверкать их), – я, знаешь, всю зиму чувствовал себя неважно. Моя печень, знаешь, что-то затаила против меня».

Он сделал большой глоток виски и, прополоскав им рот таким манером, какого Пёрсон никогда не видывал, очень медленно поставил стакан на низкий столик. Затем, *à deux*[15] с заставившей его умолкнуть массой, он проглотил ее и перешел на свой второй английский слог – пышный слог его самых памятных персонажей:

«Инсомния и ее сестра Ноктурия, конечно, донимают меня, но в остальном я крепок, как марочный лист. Ты, кажется, не знаком с мистером Тамуортом. Пёрсон, произносится Парсон, – и Тамуорт: как английская порода свиней с черными пятнами».

«Нет, – сказал Хью, – моя фамилия произошла не от “Парсон”, а, скорее, от “Петерсон”».

«Окей, сынок. А как поживает Фил?»

Они коротко обсудили энергию, обаяние и проницательность издателя.

«За исключением того, что он хочет, чтобы я писал не те книги. Он хочет... – названия романов соперника, тоже опубликованных Филом, он произносил другим, невинно-грудным голосом, – “Мальчика для утех”, но согласился бы на “Стройную блудницу”, тогда как все, что могу предложить ему я, это не “Траляля”, а первый и самый скучный том моих “Траляций”».

«Уверю вас, что он ждет не дождется рукописи. Между прочим –»

Между прочим, скажешь тоже! Должен существовать какой-нибудь риторический термин для этого нелогичного поворота. Между прочим сквозь черную ткань открывался уникальный вид. И я между прочим сойду с ума, если она не будет моей.

«– между прочим, я вчера познакомился с девушкой, которая только что виделась с вашей падчерицей...»

«Бывшей падчерицей, – поправил мистер R. – Давно не видел ее и хотел бы, чтобы так и оставалось. То же самое, сынок» (это к бармену).

«Довольно примечательный случай. Вот сидит девушка и читает –»

«Прошу прощения», тепло сказал секретарь и, сложив записку, которую он только что нацарапал, протянул ее Хью.

«Мистеру R. претят любые упоминания мисс Мур и ее матери».

И я его не виню. Но куда же подевался знаменитый такт Хью? Витающий в облаках Хью хорошо знал положение дел, ему обо всем рассказал Фил, а не Джулия, малышка хотя и порочная, но скрытная.

Эта часть сеанса просвечивания довольно скучна, и все же мы должны закончить наш отчет.

В один прекрасный день мистер R. с помощью нанятого соглядатая установил, что у его жены Марион связь с Кристианом Пайнсом, сыном известного киношника, снявшего «Золотые окна» (будто бы основанные на лучшем романе нашего автора). Мистер R. с радостью принял это известие, потому что он сам тем временем усердно ухлестывал за Джулией Мур, своей восемнадцатилетней падчерицей, и вынашивал планы на будущее, вполне достойные сентиментального развратника, которого три или четыре брака все еще не пресытили. Очень скоро, однако, он узнал от того же сыщика, умирающего сейчас в душном и грязном госпитале на острове Формоза, что молодой Пайнс, красивый повеса с лягушачьим лицом, которому тоже скоро предстояло умереть, спал и с матерью, и с ее дочкой, коих он ублажал два летних сезона в Кавалере (Калифорния). Так что разлука оказалась более мучительной и полной, чем R. ожидал. Посреди всего этого нашему Пёрсону тоже посчастливилось на свой скромный лад (хотя на самом деле он был на полдюйма выше здорового R.) занять место в углу многолюдной картины.

Джулии нравились высокие мужчины с сильными руками и грустными глазами. Хью познакомился с ней на вечеринке в одном нью-йоркском доме. Несколько дней спустя они случайно встретились у Фила, и она спросила, не хочет ли он посмотреть «Умелые штучки», нашумевший «авангардный» спектакль, — у нее есть два билета, она собиралась пойти с матерью, но последней пришлось уехать в Вашингтон по судебным делам (связанным с бракоразводным процессом, как верно предположил Хью): составит ли он ей компанию?

«Авангард» в области искусства означает немногим больше, чем дань какой-нибудь дерзкой мещанской моде, и поэтому, когда поднялся занавес, Хью не удивился, увидев голого отшельника, сидящего посреди пустой сцены на треснувшем унитазе. У Джулии, предвкушавшей восхитительный вечер, вырвался смешок. Хью рискнул обхватить своей робкой лапой ее детскую ручку, которая случайно коснулась его коленной чашечки. Она была на редкость привлекательной с ее кукольным личиком, раскосыми глазами и пронзенными топазами мочками ушей, с ее худеньким телом в оранжевой блузке и черной юбке, изящными суставами рук и ног, экзотически гладкими, ровно подстриженными на лбу волосами. Не менее приятной была мысль о том, что пребывающий в своем швейцарском убежище мистер R., который как-то похвастал репортеру, что одарен изрядной телепатической силой, должен был в этот момент пространства-времени испытать муки ревности.

Ходили слухи, что пьесу могут запретить сразу после премьеры. Группа буйных молодых демонстрантов, возмущенных вероятностью такого развития событий, ухитрилась сорвать представление, в защиту которого они выступали. Разрывы нескольких пущенных петард наполнили зал едким дымом, вспыхнули серпантины развернутых рулонов розовой и зеленой туалетной бумаги, и всех эвакуировали. Джулия заявила, что умирает от разочарования и жажды. Модный бар рядом с театром оказался забит до отказа, и «в свете райского упрощения нравов» (как R. писал по другому поводу) наш Пёрсон отвел девушку в свою квартиру. Он неосторожно спросил себя (после того, как слишком страстный поцелуй в такси заставил его пролить несколько жгучих капель нетерпения), не обманет ли он ожиданий Джулии, которую, по словам Фила, R. растлил еще тринадцатилетней, на самой заре провального брака ее матери.

Холостяцкую квартиру, которую Хью снимал на 65-й Восточной улице, для него подыскало издательство. Так вышло, что за два года перед тем именно в этих комнатах Джулия встречалась с одним из лучших своих молодых самцов. Ей хватило такта ничего не сказать, но призрак того юноши, чья смерть на далекой войне сильно потрясла ее, снова и снова возникал из ванной или рылся в холодильнике и так странно вмешивался в скромное дельце, к которому они приступили, что она не позволила Хью расстегнуть змеевидную застежку и уложить себя на постель. После немалого промежутка времени девочка, конечно, уступила и вскоре стала помогать большому Хью в его неуклюжих любовных занятиях. Однако едва толчки и пыхтение сами собой сошли на

нет и Хью, изображая довольно жалкую веселость, пошел за новой порцией напитков, образ загорелого и крепкого Джимми Мэйджера с белыми ягодицами вновь вытеснил худосочную реальность. Она заметила, что зеркало платяного шкапа, насколько можно было видеть с кровати, отражало точно такой же натюрморт с апельсинами на деревянном блюде, как и во время короткой гирлянды дней, проведенных с Джимом, ненасытным потребителем этих фруктов долгожителей. Ей даже стало немного жаль, когда, оглядевшись, она обнаружила источник видения в складках своих ярких вещей, брошенных на спинку стула.

Она в последний момент отменила их следующее randevu и вскоре после этого уехала в Европу. Их короткая связь оставила в сознании Пёрсона едва ли что-то большее, чем пятно светлой губной помады на бумажной салфетке – и романтическое ощущение, что он держал в объятиях зазную великого писателя. Однако время принимается за работу над этими эфемерными романами, и к воспоминанию добавляется новый привкус.

Теперь мы видим обрывок «La Stampa» и пустую винную бутылку. Шло большое строительство.

12

Вокруг Витта шло большое строительство, изрезавшее и покрывшее грязью весь склон холма, на котором, как ему сказали, он найдет виллу «Настя». Ее ближайшие окрестности были отчасти приведены в порядок, образуя оазис покоя среди лязгающей и стучащей пустыни глинистых котловин и подъемных кранов. Здесь даже сиял магазин модной одежды в торговой галерее, подковой окружившей свежесаженную молодую рябину, под которой уже был оставлен кое-какой мусор, в том числе пустая бутылка рабочего на итальянской газете. Тут Пёрсона подвела его способность ориентироваться, но стоявшая поблизости лоточница, продававшая яблоки, показала, куда идти. За ним неприятно увязалась чрезмерно дружелюбная большая белая собака, и женщина кликнула ее назад.

Он поднялся по крутой асфальтированной дорожке, проходившей вдоль белой стены, за которой высились ели и лиственницы. Решетчатая дверь в стене вела в какой-то лагерь или школу. Доносились крики играющих детей, через стену перелетел волан и опустился у его ног. Он проигнорировал его, будучи не из тех, кто подбирает вещи для незнакомцев – перчатку, покотившуюся монету.

Чуть дальше в проеме каменной стены показался короткий лестничный пролет и дверь побеленного дома с верандой с надписью округлым французским курсивом: Вилла Настя. Как это часто бывает в книгах R., «на звонок никто не ответил». Сбоку от крыльца Хью заметил еще ряд ступенек, сходящих (после всего этого дурацкого подъема!) в колючую

сырость самшита. Они провели его вокруг дома в сад. Обшитый досками, только наполовину построенный детский бассейн примыкал к скудной лужайке, посреди которой в шезлонге, принимая солнечные ванны, возлежала полная дама средних лет с обожженными розовыми конечностями, смазанными маслом. Поверх цельного купального костюма, в который была втиснута ее основная масса, лежало то же, бесспорно, дешевое издание «Силуэтов» со сложенным письмом (мы сочли более разумным, чтобы наш Пёрсон его не узнал), используемым вместо закладки.

Мадам Шамар, вдова Шарля Шамара, урожденная Анастасия Петровна Потапова (вполне респектабельная фамилия, которую ее покойный муж искажил до «Patarouf»[16]), была дочерью богатого торговца скотом, вскоре после большевицкой революции эмигрировавшего с семьей из Рязани в Англию через Харбин и Цейлон. Она давно уже привыкла развлекать молодых людей, которых капризная Арманда оставляла ни с чем, однако новый кавалер был одет как продавец и в нем было что-то такое (твой гений, Пёрсон!), что озадачило и рассердило мадам Шамар. Она предпочитала, чтобы люди соответствовали общепринятым представлениям. Швейцарский юноша, с которым Арманда в это время каталась на лыжах по вечным снегам высоко над Виттом, соответствовал. И близнецы Блейки тоже. И сын старого гида, златовласый Жак, чемпион бобслея. Но мой долговязый и мрачный Хью Пёрсон, с его ужасным галстуком, вульгарно пристегнутым к дешевой белой рубашке, и невозможным каштановым костюмом, не принадлежал к тому миру, который она признавала. Когда ему было сказано, что Арманда развлекается в другом месте и, вероятнее всего, не вернется к чаю, он не потрудился скрыть удивления и недовольства. Он стоял, почесывая щеку. Подкладка его тирольской шляпы потемнела от пота. Получила ли Арманда его письмо?

Мадам Шамар ответила уклончиво-отрицательно, хотя могла бы справиться с красноречивой закладкой, но из инстинктивного материнского благоразумия воздержалась от этого. Вместо того она сунула книжку в садовую сумку. Хью машинально упомянул о своем недавнем визите к ее автору.

«Он живет где-то в Швейцарии, верно?»

«Да, в Дьяблонне, недалеко от Версекса».

«Дьяблонне всегда напоминает мне русское “яблони”. Хороший ли у него дом?»

«Ну, мы встретились в Версексе, в гостинице, а не у него дома. Мне рассказывали, что дом у него очень большой и очень старомодный. Мы обсуждали деловые вопросы. А в доме, конечно, всегда полно его, скорее, гм, легкомысленных гостей. Я подожду немного и потом уйду».

Он отказался снять пиджак и отдохнуть в садовом шезлонге рядом с мадам Шамар. Он пояснил, что на сильном солнце у него закружилась голова.

«Alors allons dans la maison»[17], сказала она, буквально переводя с

русского.

Видя, какие усилия она прилагает, чтобы встать, Хью предложил ей помощь, но мадам Шамар резко велела ему отойти подальше от ее кресла, чтобы его близость не оказалась «психологическим препятствием». Ее неповоротливую тучность можно было сдвинуть с места только посредством одного маленького, но точного импульса; чтобы его спровоцировать, ей нужно было сосредоточиться на мысли о попытке обмануть гравитацию и подождать, пока что-то не сработает внутри, вызывая верный рывок как чудо чихания. Тем временем она продолжала неподвижно лежать в своем кресле, как бы в засаде, а на груди у нее и над лиловыми дугами пастельных бровей блестела храбрая испарина.

«В этом нет никакой нужды, – сказал Хью, – я отлично могу подождать здесь в тени дерева – правда, тень мне необходима. Никогда не думал, что в горах может быть так жарко».

Внезапно все тело мадам Шамар так вздрогнуло, что каркас ее шезлонга издал почти человеческий крик. В следующее мгновение она оказалась в сидячем положении, а обе ее ноги стояли на земле.

«Все хорошо, – по-домашнему объявила она и встала, с внезапностью волшебного превращения закутанная в яркий махровый халат. – Идемте же, хочу угостить вас отличным холодным напитком и показать свои альбомы».

Напиток в высоком граненом стакане оказался тепловатой кухонной водой с толикой домодельного клубничного варенья, окрасившего ее в мальвовый цвет. Альбомы, четыре больших переплетенных тома, лежали на очень низком и очень круглом столике в очень современной гостиной.

«Оставляю вас на несколько минут», сказала мадам Шамар и, полностью доступная всеобщему обозрению, с тяжеловесной энергией взошла по не менее видимой и слышимой лестнице, ведущей на столь же открытый взорам второй этаж, где за одной распахнутой дверью можно было лицезреть кровать, а за другой – биде. Арманда не раз упоминала, что это произведение искусства ее покойного отца служило объектом постоянного внимания туристов из дальних стран, таких как Родезия и Япония.

Альбомы были такими же откровенными, как и дом, хотя и менее удручающими. Серия карточек Арманды, единственная, которая увлекла нашего voyeur malgré lui[18], торжественно начиналась снимком покойного Потапова, семидесятилетнего, выглядящего настоящим щеголем с короткой седой эспаньолкой и в китайской домашней куртке, осеняющего мелким и близоруким православным крестным знаменем невидимое дитя в его глубокой кровати. На снимках Арманда не только прошла через все фазы прошлого и все усовершенствования любительской фотографии, но девочка предстала также в различных состояниях невинной обнаженности. Ее родители и тетки, ненасытные производители миленьких снимков, действительно полагали, что десятилетняя девчушка, мечта лютвиджианца, имеет такое же право на полную наготу, как и младенец. Визитер соорудил из альбомов барьер, дабы скрыть

пламя своего интереса от всякого, кто мог бы взглянуть с верхней лестничной площадки, и несколько раз возвращался к снимкам маленькой Арманды в ванне, прижимающей к своему блестящему животу хоботообразную резиновую игрушку, или обращенной спиной, во весь рост, с ямочками на ягодицах, ждущей, чтобы ее намылили. Еще одно откровение препубертатной мягкости (ее срединная линия была едва отличима от менее вертикальной травинки рядом с ней) явил снимок, на котором она сидела в траве в чем мать родила, расчесывая выгоревшие на солнце волосы и широко расставив, в ложной перспективе, прелестные ноги великанши.

Он услышал, как наверху в клозете спустили воду и, виновато вздрогнув, захлопнул толстый альбом. Стеснившееся в груди сердце капризно разжалось, забило ровнее, но никто не спустился с тех inferнальных высот, и он с ворчанием вернулся к своим глупым снимкам.

К концу второго альбома фотографии заблистали красками, приветствуя яркие покровы ее подростковой линьки. Она появлялась в цветочных платьицах, модных штанишках, теннисных шортах и купальных костюмах среди резких зеленых и синих тонов коммерческого спектра. Он открыл для себя элегантную угловатость ее загорелых плеч, долгую линию ее бедер. Он узнал, что в восемнадцать лет поток ее светлых волос ниспадал до поясницы. Никакое брачное агентство не смогло бы предложить своим клиентам столько вариаций на тему одной-единственной девственности. В третьем альбоме он нашел, с приятным чувством возвращения домой, виды окружавшей его обстановки: лимонные и черные подушки дивана в другом конце комнаты и стеклянный Дентон-маунтовый ящик на каминной полке с бабочкой птицекрылкой на белом гипсе. Четвертый, не до конца заполненный альбом открывался блеском ее самых целомудренных образов: Арманда в теплой розовой куртке с капюшоном, Арманда, яркая, как самоцвет, Арманда, летящая на лыжах сквозь сахарную пыль.

Наконец, мадам Шамар осторожно сошла вниз с верхней части прозрачного дома, желе голого предплечья дрожало, когда она хваталась за перила. Теперь на ней было изысканное летнее платье с воланами, как если бы она тоже, как и ее дочь, прошла через несколько стадий перемен.

«Не вставайте, не вставайте», крикнула она, похлопывая сверху вниз рукой по воздуху, но Хью настоял на том, что ему лучше уйти.

«Скажите ей, – добавил он, – скажите своей дочери, когда она вернется со своего ледника, что я был крайне огорчен. Скажите ей, что я проведу неделю, две недели, три недели здесь, в мрачном отеле “Аскот”, в этом паршивом городке Витт. Скажите ей, что я сам телефонирую, если она не сделает этого. Скажите ей, – продолжал он, шагая по скользкой дорожке среди кранов и экскаваторов, застывших в золоте раннего вечера, – скажите ей, что мой организм отравлен ею, ее двадцатью сестрами, ее двадцатью ретроспективными миниатюрами, и что я погибну, если не смогу заполучить ее».

Он все еще был довольно наивен, как и положено влюбленным. Иной мог

бы сказать толстой и вульгарной мадам Шамар: как вы смеее выставять напоказ своего ребенка перед чувствительными незнакомцами? Однако наш Пёрсон смутно относил этот случай к общему проявлению современного бесстыдства, распространенного в кругу мадам Шамар. Каком «кругу», Боже милостивый? Ее матерью была дочь сельского ветеринара, как и мать Хью (по единственному совпадению, заслуживающему внимания во всей этой довольно печальной истории). Спрячь-ка подальше эти снимки, ты, глупая нудистка!

Она позвонила около полуночи, разбудив его в ложбине мимолетного, но определенно дурного сна (после всего этого плавленого сыра и молодого картофеля с бутылкой зеленого вина в отельном carnetzet[19]). Нашупывая трубку, он другой рукой потянулся к очкам для чтения, без которых по какой-то прихоти косвенно связанных чувств не мог как следует говорить по телефону.

«Ю Пёрсон?», спросил ее голос.

Он уже знал, с тех пор, как она прочитала вслух содержание его визитной карточки, которую он вручил ей в поезде, что она произносит его имя как «Ю».

«Да, это я, то есть “Ю”, то есть вы совершенно очаровательно искажаете мое имя».

«Я ничего не искажаю. Послушайте, я не получила —»

«О, вы искажаете! Вы опускаете начальные “х”, как — как жемчужины в чашку слепого».

«Правильно говорить — в шапку. Я выиграла. Теперь слушайте, завтра я занята, но что вы скажете о пятнице — если сможете быть à sept heures précises?»[20]

Разумеется, он сможет.

Она пригласила «Перси», как она отныне решила его называть, раз ему претит «Хью», немного покататься на лыжах под летним солнцем на склонах Дракониты, или «Жар сокрытый», как ему послышалось, из-за чего у него в голове возник образ густого леса, защищающего романтических путников от синего пламени альпийского полудня. Он сказал, что так и не выучился лыжному спорту во время вакаций в Шугарвуде, Вермонт, но будет счастлив прогуляться рядом с ней по тропе, не только созданной для него фантазией, но и чисто выметенной метлой снеговика — одно из тех мгновенных непроверенных видений, которые могут одурочить даже умнейшего человека.

13

Теперь нам надлежит сосредоточиться на главной улице Витта, какой она была в четверг, на следующий день после телефонного звонка Арманды. Она изобилует прозрачными людьми и явлениями, в которые и

сквозь которые мы могли бы погрузиться с наслаждением ангела или автора, но для настоящего отчета мы должны выбрать лишь одну Персону. Не будучи любителем долгих походов, он ограничил свои шатания скучным осмотром городка. Непрерывно, мрачным потоком катили автомобили, некоторые с громоздкой осторожностью неподатливых механизмов подыскивали место для стоянки, другие двигались со стороны или в сторону Кура, гораздо более фешенебельного курорта в двадцати милях на север. Он несколько раз проходил мимо старого фонтана, журчащего в обсаженном геранью желобе выдолбленного бревна, он осмотрел почтовое отделение и банк, церковь и туристическое агентство, а также знаменитый черный домишко, которому, с его капустной грядкой и распятием-пугалом, все еще было позволено сберечься между пансионом и прачечной.

Он выпил пива в двух разных тавернах. Он помешкал перед магазином спортивных товаров; поколебался еще – и купил красивый серый свитер с высоким воротом и восхитительным крошечным американским флагом, вышитым над сердцем. «Сделано в Турции», шепнул ярлычок.

Он решил, что настало время немного подкрепиться – и увидел ее, сидящую за столиком уличного кафе. «Ю» направился к ней, полагая, что она одна; потом заметил, слишком поздно, вторую сумочку на противоположном стуле. Одновременно из кондитерской вышла ее спутница и, вернувшись на свое место, сказала тем милым нью-йоркским говорком, с нотками гулящей, который он узнал бы даже на небесах:

«Убожество, а не уборная».

Хью Пёрсон, не в силах избавиться от маски приветливой улыбки, тем временем подошел и получил приглашение сесть.

Посетительница за соседним столиком, комично похожая на покойную тетюшку Пёрсона Мелиссу, которую мы очень любим, читала «L'Erald Tribune»[21]. Арманда верила (в вульгарном употреблении этого слова), что Джулия Мур знакома с Перси. Джулия верила, что так и есть. Как и Хью, действительно, да. Разрешит ли дублера его тетушки позаимствовать у нее свободный стул? Пожалуйста, берите. Добрая душа, она жила с пятью кошками в кукольном домике в конце березовой аллеи, в наитишайшей части –

Нас прервал оглушительный грохот: бесстрастная официантка, достойная беднячка, уронила поднос с лимонадами и пирожками и, присев на корточки, с тем же невозмутимым выражением на лице разделилась на множество свойственных ей мелких и быстрых жестов.

Арманда сообщила Перси, что Джулия проделала весь этот путь из Женева, чтобы посоветоваться с ней по поводу перевода на русский язык нескольких фраз, с помощью которых Джулия, уезжавшая завтра в Москву, хотела «произвести впечатление» на своих русских друзей. А Перси, присоединившийся к нам, работает на ее отчима.

«Бывшего отчима, слава Богу, – сказала Джулия. – Кстати, Перси, если это ваш *pot de voyage*[22], вы, возможно, могли бы помочь. Как она объяснила, я хочу сразить кое-каких москвичей, обещавших меня

познакомить со знаменитым молодым русским поэтом. Арманда снабдила меня несколькими ласковыми словечками, но мы застряли на... — достает из сумки лист бумаги. — Я хочу знать, как сказать: “Такая милая церквушка, такая большая куча снега”. Видишь ли, мы начали с французского, и она считает, что “куча снега” это *rafale de neige*[23], но я уверена, что это не *rafale* по-французски и не рафалович по-русски, или как там они называют вьюгу».

«Слово, которое вы ищете, — сказал наш Пёрсон, — это *congère*, женский род, я узнал его от своей матери».

«Тогда по-русски это “сугроб”, — сказала Арманда и сухо прибавила: — Только в августе там будет не так уж много снега».

Джулия рассмеялась. Джулия выглядела счастливой и здоровой. Джулия стала даже еще красивее, чем была два года тому назад. Буду ли я теперь видеть ее во снах с этими новыми бровями, с этими новыми длинными волосами? Насколько быстро сны поспевают за модами? Останется ли следующий сон верен ее образу с прической в стиле японской куклы?

«Я закажу что-нибудь для вас», сказала Арманда, не делая, однако, жеста предложения, каким обычно сопровождают эту фразу.

Перси решил, что он выпил бы чашку горячего шоколада. Необыкновенное очарование встречи на людях со старой возлюбленной! Арманде, разумеется, нечего было бояться. Она была совсем в другом классе, вне конкуренции. Хью вспомнил знаменитую новеллу Р. «Три формы времени».

«Там было что-то еще, Арманда, что мы не до конца прояснили, или нет?»

«Ну, мы два часа на это потратили», довольно сварливо заметила Арманда, возможно, не понимая, что ей бояться нечего. Очарование было совершенно иного, чисто интеллектуального или художественного порядка, что так дивно передано в «Трех формах»: светский человек в темно-синем смокинге ужинает на освещенной веранде с тремя декольтированными красавицами, Алисой, Беатой и Виолеттой, впервые увидевшими друг друга. А. — прошлая любовь, Б. — его настоящая любовница, В. — будущая жена.

Теперь он пожалел, что не взял кофе, как Арманда и Джулия: шоколад оказался отвратительным. Вам приносят чашку горячего молока. Вам, кроме того, отдельно подают немного сахара и что-то вроде изящного конверта. Вы надрываете верхний край конверта. Высыпаете содержащуюся в нем бежевую пыль в безжалостно гомогенизированное молоко в вашей чашке. Вы делаете глоток — и поспешно добавляете сахар. Но никакой сахар не может улучшить нейтрального, удручающего, жутьнического вкуса.

Арманда, следившая за различными стадиями его изумления и недоверия, улыбнулась и сказала:

«Теперь вы знаете, во что превратился “горячий шоколад” в Швейцарии. Моя мать, – продолжила она, повернувшись к Джулии (которая с разоблачительным *sans-gêne*[24] Прошедшего Времени, хотя на самом деле она была горда собой из-за своей сдержанности, потянулась ложечкой к чашке Хью и взяла пробу), – попросту расплакалась, когда ей впервые подали это вещество, потому что она с такой нежностью помнила шоколад своего шоколадного детства».

«Порядочная дрянь, – согласилась Джулия, облизывая бледные пухлые губы, – но все же предпочитаю это нашей американской подделке».

«Это потому, что ты самое непатриотичное создание в мире», сказала Арманда.

Очарование Прошедшего Времени заключалось в его скрытности. Зная Джулию, он был совершенно уверен в том, что она не станет рассказывать случайной подруге об их связи – с ним она только разок пригубила среди дюжин жадных глотков. Таким образом в этот драгоценный и хрупкий момент Джулия и он (*alias*[25] Алиса и рассказчик) заключили пакт о прошлом, нематериальный союз против реальности, представленной мног шумным углом улицы, с его проносящимися со свистом автомобилями, деревьями и незнакомцами. Место Б. в этом трио занимал Болтливый Витт, в то время как главной незнакомкой – что служило источником еще одного волнения – была его возлюбленная завтрашнего дня Арманда, и Арманда так же мало знала о будущем (известном автору, конечно, в мельчайших подробностях), как и о прошлом, вкус которого Хью сейчас вновь испытал, пробуя молоко с бурой пылью. Хью, сентиментальный простака, и почему-то не очень хорошая Персона (хорошие выше этого, он же был только довольно милым), сожалел, что сцена не сопровождалась музыкой, что никакой румынский уличный скрипач не тронул смычком его сердца ради двух сплетенных инициалов. Даже механическое исполнение «Очарования» (вальс) не лилось из динамиков кафе. И все же там имелось, о да, своего рода ритмическое сопровождение, образованное голосами прохожих, звоном посуды и горным ветром в маститой массе углового каштана.

Наконец они встали. Арманда напомнила ему о завтрашней экскурсии. Джулия пожала ему руку и попросила помолиться за нее в тот момент, когда она скажет этому очень пылкому, очень известному поэту *je t'aime* по-русски – слова, которые по-английски звучат как (гортанно произносит фразу) «yellow-blue tibia» (еллоу-блю тибия)[26]. Они расстались. Девушки сели в маленький элегантный автомобиль Джулии. Хью Пёрсон направился в сторону своего отеля, но резко остановился, выругавшись, и вернулся за свертком.

14

Утро пятницы. Быстрый глоток кока-колы. Отрыжка. Поспешное бритье. Он надел свои обычные вещи, накинув для красоты свитер с высоким воротом. Последнее интервью с зеркалом. Он выдернул черный волосок из красной ноздри.

Первое разочарование этого дня ожидало его ровно в семь часов на месте свидания (почтовая площадь), где он обнаружил, что ее сопровождают три молодых атлета, Джек, Джейк и Жак, чьи медные лица ухмылялись вокруг нее на одной из последних фотографий просмотренного им четвертого альбома. Заметив, как угрюмо задвигался его кадык, она весело предположила, что, возможно, он передумает присоединиться к ним, «потому что мы хотим дойти до единственной канатки, которая работает летом, а это довольно нелегкий подъем, если вы к такому не привыкли». Белозубый Жак, приобняв дерзкую девицу, доверительно заметил, что мосье следует надеть ботинки покрепче, однако Хью возразил, что в Штатах отправляются в горы в любой старой паре обуви, даже в мокасинах.

«Мы надеялись, – сказала Арманда, – что сможем убедить вас обучиться горным лыжам: мы держим все снаряжение там, наверху, у парня, который заведует станцией; он непременно подберет что-нибудь для вас. Возьмете пять уроков и начнете выписывать скоростные повороты. Что скажете, Перси? А еще, я думаю, вам понадобится теплая куртка – здесь, на шестистах метрах, может быть, и лето, но там, на трех тысячах, вы окажетесь в Арктике».

«Малышка права», с притворным восхищением сказал Жак, похлопывая ее по плечу.

«Неспешная прогулка минут на сорок, – сказал один из близнецов. – Отличная разминка перед лыжной трассой».

Вскоре выяснилось, что Хью не сможет угнаться за ними и достичь отметки в тысячу двести метров, чтобы сесть в кабину канатной дороги, находящейся севернее Витта. Обещанная «прогулка» оказалась кошмарным испытанием, хуже всего того, что бывало с ним на школьных пикниках в Вермонте или Нью-Гемпшире. Путь, изрезанный старыми колеями, камнями и корнями, состоял из очень крутых подъемов и очень скользких спусков, за которыми шли новые головокружительные подъемы по склону следующей горы. Он очень старался не отстать, взмокнувший, несчастный Хью, от узла светло-русых волос Арманды, в то время как она легко попевала за быстрым Жаком. Близнецы-англичане составляли арьергард. Быть может, если бы они взяли менее спортивный темп, Хью совершил бы это простое восхождение, но его бессердечные и беспечные спутники безжалостно продвигались вперед, практически взмывая на кручи и с задором проскальзывая вниз по спускам, которые Хью одолевал с распростертыми руками, в позе просителя. Он отказался от предложенной ему палки, но в конце концов, после двадцати минут пытки, взмолился о короткой передышке. Он еще больше пал духом оттого, что не Арманда, а Джек и Джейк остались с ним, пока он сидел на камне, опустив голову и тяжело дыша, с жемчужиной пота, повисшей на кончике его острого носа. Близнецы были неразговорчивы и теперь только обменивались в молчании взглядами, пока стояли, подбоченясь, немного выше него на тропе. Он почувствовал, что их сострадание иссякает, и призвал братьев продолжить путь, пообещав скоро за ними последовать. Когда они ушли, он немного подождал, после чего заковылял обратно. На прогалине между двух лесистых участков он сделал еще один привал, на этот раз на скальном отроге, где перед

лишенной глазков, но восторженной скамейкой открывался восхитительный вид. Сидя там и куря сигарету, он заметил очень высоко над собой фигурки своих спутников, голубую, серую, розовую, красную, махавших ему со скалы. Он помахал в ответ и продолжил свое мрачное отступление.

Но Хью Пёрсон отказался признать поражение. Крепко обутый, оснащенный альпенштоком, жующий резинку, он наутро снова присоединился к ним. Он уговорил их позволить ему идти в собственном темпе и нигде его не ждать, и наверняка добрался бы до канатной дороги, кабы не сбил с пути и не забрел в заросли ежевики в конце лесовозной дороги. Следующая попытка через день или два оказалась более успешной. Он почти дошел до верхней границы леса, но там погода изменилась, Хью окутал сырой туман, и он два часа провел в вонючем хлеву, дрожа в одиночестве и дожидаясь, когда из-за клубящейся мглы снова выглянет солнце.

В другой раз он вызвался нести пару новых лыж, только что купленных Армандой, – жутковатого вида рептильно-зеленые штуковины из металла и стекловолокна. Их сложные крепления казались близкими родственниками ортопедических приспособлений, с помощью которых передвигаются калеки. Ему позволили закинуть себе на плечо эти драгоценные лыжи, которые сначала казались сверхъестественно легкими, но вскоре отяжелели, как малахитовые глыбы, под которыми он, шатаясь, брел за Армандой, будто клоун, помогающий менять реквизит на цирковой арене. Это бремя с него сняли, как только он присел отдохнуть. Взамен ему предложили бумажный пакет (четыре небольших апельсина), но он оттолкнул его, не глядя.

Наш Пёрсон был упрям и чудовищно влюблен. Что-то сказочное, казалось, пропитывало своей варварской притворной любезностью все попытки взобраться на зубцы ее Дракона. На следующей неделе ему это удалось, после чего он был сочтен меньшей обузой.

15

Сидя на солнечной террасе «Café du Glacier»[27], пониже «Горного приюта Дракониты», потягивая ром и не без самодовольства созерцая лыжные склоны (что за волшебный вид после всей этой жижи и свалывшихся трав!), он пребывал в приятном возбуждении, вызванном смесью крепкого спиртного с альпийским воздухом. Глядя на глазурь верхних трасс, синие следы подъемов «елочкой» внизу, многоцветные фигурки, очерченные кистью случая на сияющей белизне, словно рукой фламандского мастера, Хью сказал себе, что из этого могла бы выйти восхитительная книжная жакетка для «Кристи и других девчонок» – автобиографии великого лыжника (полностью переписанной и дополненной множеством редакторских рук), типоскрипт которой он недавно правил, подвергая сомнению, как он теперь вспомнил, написание таких терминов, как «годили» и «ведельн»[28] (снять курс.?). Было забавно смотреть поверх третьей рюмки на цветных человечков, скользящих мимо, теряющих то лыжу, то палку, или победоносно кружащих в облачке серебристой пудры. Хью Пёрсон, перешедший теперь на кирш, задавался

вопросом, сможет ли он заставить себя последовать ее совету («такой славный, большой, вальяжно-спортивного вида янки – и не умеет кататься на лыжах!») и превратиться в того или в этого молодчика, который, элегантно полуприсев, несется прямым вниз, или же он навеки обречен снова и снова повторять паузу грузного новичка, растянувшегося на спине в безнадежном, добродушном покое.

Ему никогда не удавалось различить своими ослепленными и слезящимися глазами силуэт Арманды среди других лыжников. Однажды, впрочем, он был уверен, что поймал ее, парящую и мелькающую, в красной куртке, с непокрытой головой, необыкновенно грациозную, там, там, а теперь там, прыжком одолевающую бугор, головокружительно скользящую вниз все ближе и ближе, входящую в поворот – и внезапно становящуюся незнакомкой в защитных очках.

Чуть погода она появилась с другой стороны террасы, в блестящем зеленом нейлоне, с лыжами в руках, но все еще в своих чудовищных ботинках. Он провел довольно времени в швейцарских магазинах за изучением лыжной экипировки, чтобы узнать, что обувную кожу заменил пластик, а шнурки – жесткие зажимы.

«Ты выглядишь как первая девушка на Луне», сказал он, указывая на ее ботинки, и если бы они не были такими тесными, она бы пошевелила внутри пальцами ног, как делают женщины, когда их туфли обсуждают в лестных выражениях (гримаска на лице перенимается улыбающимися пальчиками).

«Слушайте, – сказала она, оглядывая свои “Секси-Мондштейны” (их невероятное торговое название), – я оставляю лыжи здесь, переобуюсь и вернусь в Витт с вами à deux. Я поссорилась с Жаком, и он ушел со своими дорожными друзьями. Все кончено, слава Богу».

Сидя с ним лицом к лицу в гондоле небесной дороги, она изложила сравнительно пристойную версию того, что ей предстояло рассказать ему чуть позже в отвратительно ярких деталях. Жак потребовал ее присутствия на онанистических сессиях, которые он проводил с близнецами Блейками в их шале. Однажды он уже заставил Джека показать ей свой инструмент, но она топнула ногой и призвала обоих вести себя прилично. Теперь Жак предъявил ей ультиматум – либо она присоединяется к ним в их мерзких забавах, либо они больше не любовники. Она готова быть ультрасовременной, как социально, так и сексуально, но это было оскорбительно, вульгарно и старо, как Греция.

Гондола вечно продолжала бы скользить в синей дымке, достаточно райской, если бы крепкий малый не задержал ее прежде, чем она повернула, чтобы вернуться в небо навсегда. Они вышли. На станции, где машинерия выполняла свою скромную и бесконечную работу, была весна. Арманда с чопорным «прошу извинить» на мгновение отлучилась. Снаружи среди одуванчиков паслись коровы, а из buvette[29] напротив доносилась радиомызыка.

В робком волнении ранней влюбленности Хью спрашивал себя, осмелится ли он поцеловать ее во время вероятной паузы на извилистой тропе их

нисходящего пути? Да, он попробует, как только они дойдут до пояса рододендронов, где они могли бы остановиться, она – чтобы снять куртку, он – чтобы вытряхнуть камешек из правого ботинка. Рододендроны и можжевельник сменились ольхой, и голос знакомого отчаяния стал убеждать его отложить на другой раз камешек и «поцелуй бабочки». Они вошли в еловый лес, когда она остановилась, огляделась и сказала (столь же обыденно, как если бы предлагала пособирать грибов или малины):

«А теперь займемся любовью. Я знаю хорошее мшистое местечко сразу за теми деревьями, где нас никто не потревожит, если ты сделаешь это скоренько».

Местечко было отмечено апельсиновой коркой. Он хотел для начала обнять ее, как того требовала его нервная плоть («скоренько» было ошибкой), но она отстранилась, по-рыбьи извернувшись всем телом, и села среди черники, чтобы разуться и снять штаны. Его смятение усилилось при виде рубчатой ткани черных рейтуз плотной вязки, которые она носила под лыжными штанами. Она согласилась приспустить их лишь настолько, насколько это было необходимо. Ни целовать себя, ни ласкать ее бедра она не позволила.

«Что ж, не повезло», сказала Арманда наконец, но когда она повернулась к нему спиной, пытаясь натянуть рейтузы, он тут же обрел силы сделать то, что от него ожидалось.

«Теперь идем домой», сразу после этого сказала она своим обычным нейтральным тоном, и они молча продолжили свой быстрый спуск.

На следующем повороте тропы у их ног раскинулся первый фруктовый сад Витта, а дальше был виден блеск ручья, лесозаготовительный склад, жнивье, коричневые коттеджи.

«Ненавижу Витт, – сказал Хью. – Ненавижу жизнь. Ненавижу себя. Ненавижу эту гадкую старую скамейку».

Она остановилась, чтобы посмотреть, куда указывал его свирепый палец, и он ее обнял. Она сперва попыталась уклониться от его губ, но он отчаянно упорствовал. Внезапно она сдалась, и произошло маленькое чудо. Рябь нежности пробежала по ее чертам, как ветерок по отражению. Ее ресницы увлажнились, плечи вздрагивали в его объятиях. Этому мигу сладкой тоски не суждено было повториться – или, вернее, ему никогда больше не было даровано время, чтобы произойти вновь после завершения цикла, заложенного в его ритме. И все же то короткое дрожание, в котором она растворялась вместе с солнцем, вишневыми деревьями, прощенным пейзажем, задало тон его новому существованию, вселяющему чувство, что «все хорошо» – несмотря на ее худшие настроения, ее самые вздорные капризы, ее самые жестокие требования. Именно этот поцелуй, и ничто другое, предшествовавшее ему, стал настоящим началом их романа.

Она высвободилась, не сказав ни слова. Ведомая вожатым бойскаутов, к ним приближалась длинная вереница мальчиков, поднимавшаяся по крутой тропе. Один из них взобрался на соседний круглый валун и спрыгнул,

издав радостный клич.

«Grüss Gott»[30], сказал их наставник, проходя мимо Арманды и Хью.

«Привет–привет», ответил Хью.

«Он решит, что ты псих», сказала она.

Пройдя буковую рощу и перейдя речку, они достигли окраины Витта. Короткий спуск по грязному склону между недостроенными шале привел их к вилле «Настя». Анастасия Петровна на кухне расставляла цветы в вазы. «Мама, иди сюда, – крикнула Арманда. – Жениха привела».

16

В Витте открылся новый теннисный корт. Однажды Арманда вызвала Хью сыграть партию: кто кого.

С детских лет, наполненных ночными страхами, сон оставался всегдашней напастью нашего Пёрсона. Напасть была двоякой. Ему приходилось, иногда часами, добиваться расположения черного автомата, автоматически повторяя в уме какой-нибудь подвижный образ, – это была одна сторона мучения. Другая заключалась в том, что сон, когда он все-таки наступал, погружал его в полубезумное состояние. Он не мог поверить, что у порядочных людей бывают столь непристойные и абсурдные кошмары, как те, которые отравляли его ночи и продолжали преследовать его в течение всего дня. Ни случайные пересказы дурных снов, которыми делились с ним знакомые, ни истории болезней во фрейдистских сонниках, с их смехотворными толкованиями, не представляли ничего похожего на сложную мерзость его почти еженощного опыта.

В отроческие годы он попытался решить первую часть задачи с помощью остроумного метода, более действенного, чем пилюли (слишком легкие приводили к недостатку сна, а слишком мощные средства усиливали яркость чудовищных видений). Найденный им метод заключался в умозрительном повторении с точностью метронома теннисных ударов в игре на открытом воздухе. Единственной игрой, которой он предавался в юности и в которую все еще мог играть в сорок лет, был теннис. Он играл не просто сносно, со своего рода легкой элегантностью (давным-давно перенятой у лихого кузена, тренировавшего мальчиков в той школе в Новой Англии, директором которой был его отец), но и разработал удар, который ни Гай, ни его шурин, даже еще более высокого класса профессионал, не могли ни повторить, ни отбить. В нем было что-то от искусства ради искусства, поскольку его нельзя было применить к неуклюжим низким мячам, он требовал идеально сбалансированной стойки (которую нелегко принять в спешке) и сам по себе ни разу не принес ему победы в партии. Этот Удар Пёрсона

выполнялся жесткой рукой и сочетал энергичный драйв с цепкой подрезкой, которая следовала за мячом от момента его соприкосновения с ракетой до завершения удара. Соприкосновение (и это был самый чарующий элемент) должно происходить в верхней части ракетных струн, а игрок должен находиться на достаточном удалении от места отскока мяча и как бы тянуться к нему. Отскок должен быть достаточно высоким, чтобы головка ракеты захватила мяч нужным образом, без малейшего «скручивания», а затем пустила «прилипший» мяч по строгой траектории. Если «сцепка» была недостаточно продолжительной или если она начиналась слишком близко, в середине головки, то выходила самая обычная, небрежная, медленно изгибающаяся «галоша», которую, конечно, легко парировать; но при точном выполнении удар отдавался резким треском по всему предплечью и со свистом рассеяемого воздуха посылал мяч в идеально контролируемом, очень прямом скольжении в точку, близкую к задней линии. При ударе о грунт он так же, казалось, лнул к нему, как и к жилам ракеты во время самого удара. Сохраняя свою скорость неизменной, мяч едва отрывался от земли; собственно, Пёрсон верил, что непомерными, всепоглощающими тренировками можно было добиться того, чтобы мяч не отскакивал вовсе, а молниеносно катился бы по поверхности корта. Никто не способен отбить мяч без отскока, и в скором времени такие удары, разумеется, были бы запрещены как нелегальный прием, отравляющий удовольствие другим. Но даже в черновой версии его изобретателя он доставлял восхитительное удовлетворение. Ответный удар неизменно проваливался самым нелепым образом из-за того, что стелющийся мяч не поддавался захвату, не говоря уже о том, чтобы противник мог направить его должным образом. Всякий раз, как Хью удавался его «цепкий драйв», что, к сожалению для него, случалось нечасто, оба Гая бывали заинтригованы и раздражены. Он отыгрывался на том, что не говорил озадаченным профессионалам, пытавшимся воспроизвести его удар (и добившимся лишь слабого «спина»), что фокус не в резаности, а в цепкости, и не только в самой цепкости, но в определенном месте в верхней части струн, где происходит сцепление, как и в жесткости тянущегося движения руки. Хью годами мысленно лелеял свой удар, много позже того времени, как возможности его применить сократились до одного-двух случаев в каком-нибудь беспорядочном обмене. (Собственно, в последний раз он удался ему в тот день в Витте, в игре с Армандой, после чего она покинула корт и наотрез отказалась вернуться.) Он служил ему главным образом как средство самоусыпления. За время своих снотворных упражнений он его значительно усовершенствовал – к примеру, ускорил его подготовку (когда требовалось принять быструю подачу) и научился воспроизводить его зеркальную версию, удар слева («бэкхенд», кисть обращена к мячу тыльной стороной), вместо того, чтобы оббегать мяч, как дурак. Едва он находил удобное место для щеки на прохладной и мягкой подушке, как знакомая упругая дрожь пробегала по его руке, и он начинал громить одного соперника за другим. Наслаждение усиливали приятные дополнения – пояснение сонному репортеру: «Режь сплеча, но удерживай целым»; или выигрыш в тумане эйфории Кубка Дэвиса, наполненного до краев маком.

Почему он отказался от этого необычного средства против бессонницы, когда женился на Арманде? Уж не потому ли, что она раскритиковала его горячо любимый удар как оскорбительный и скучный? Была ли в том

повинна новизна общей постели и присутствие иного мозга, гудящего поблизости и нарушающего уединение гипнотической – и довольно инфантильной – рутины? Возможно. Так или иначе, он оставил попытки, убедил себя, что одна-две бессонные ночи в неделю составляют для него безвредную норму, а в другие ночи довольствовался просмотром событий дня (автомат на свой лад), забот и *misères*[31] обыденной жизни с редким и скудным павлиньим пятном, именуемым тюремными психиатрами «половым актом».

Он сказал, что помимо трудностей с засыпанием испытывал страдания во сне?

Страдания во сне, именно! В том, что касается повторения определенных кошмарных тем он мог бы затмить наиболее сумасшедших. В некоторых случаях он мог произвести первый грубый набросок, с различными версиями, следующими друг за другом через равные промежутки времени, в которых менялись мелкие детали, шлифовался сюжет, вводились какие-нибудь новые омерзительные эпизоды, но каждый раз переписывалась одна и та же, иначе несуществующая, история. Перескажите-ка нам омерзительную часть. Что ж, один эротический сон, в частности, повторялся с идиотской настойчивостью в течение нескольких лет, до и после смерти Арманды. В этом сне, который психиатр (довольно странный тип, сын неизвестного солдата и цыганки) отверг как «слишком прямолинейный», ему предлагалась красавица, спящая на большом, украшенном цветами блюде, и набор инструментов, разложенных на подушке. Они различались по длине и ширине, а их число и набор менялись от сна ко сну. Они лежали в ряд, аккуратно выровненные: предмет с лиловой головкой из вулканизированной резины, длиною в ярд, затем толстый и короткий полированный стержень, затем снова длинная и тонкая штурковина, похожая на вертел, с чередующимися кольцами сырого мяса и полупрозрачного сала, и т. п. – примеры взяты наугад. Выбирать одно или другое – коралл, бронзу или ужасную резину – не имело большого смысла, поскольку, чтобы он ни брал, все меняло форму и размер и не могло быть как следует приспособлено к его собственной анатомии, обламываясь на пылающем кончике или переламываясь пополам между ног или костей более или менее расчлененной дамы. Следующий пункт он хотел бы подчеркнуть с самой полной и яростной антифрейдовской категоричностью. Эти онирические пытки не имели ничего общего – ни в прямом, ни в «символическом» отношении – с тем, что он испытывал в сознательной жизни. Эротическая тема была лишь одной из тем среди других, подобно тому как «Мальчик для утех» остался посторонним капризом по отношению ко всей беллетристике серьезного, слишком серьезного писателя, осмеянного в недавнем романе.

В другом, не менее зловещем ночном испытании он обнаруживал, что пытается остановить или направить струйку зерна или мелкого гравия из прорехи в текстуре пространства и ему всячески препятствуют паутинные, рассученные, волокнистые элементы, беспорядочные груды и полости, хрупкие обломки, расколотые колоссы. В конце концов он оказывался зажатым кучами отходов, и это была смерть. Менее пугающими, но, возможно, еще даже более опасными для рассудка были «лавиновые» кошмары в момент пробуждения, когда их образный ряд превращался в сход словесных коллювиев в долинах Тосс и Турн, чьи

серые округлые скалы, Roches étonnées[32], названы так из-за их озадаченной и как бы оскаленной поверхности, отмеченной кругами темных защитных очков (éscarquillages[33]). Сновидец – это идиот, не совсем лишенный животной смекалки; роковой изъян в его сознании соответствует невнятице, вызванной труднопроизносимыми фразами: «негодяи на риск скоры».

Как жаль, сказали ему, что он тут же не обратился к своему психоаналитику, когда кошмары усилились. Он ответил, что таковым не располагал. Очень терпеливо доктор возразил, что употребил местоимение не в притяжательном, а в расхожем бытовом смысле, как, например, говорят в рекламах: «Спрашивайте у своего бакалейщика». Обращалась ли когда-нибудь к аналитику Арманда? Если речь о миссис Пёрсон, а не о ребенке или кошке, то ответ отрицательный. В юности она, кажется, увлекалась необуддизмом и тому подобными вещами, но в Америке новые друзья склоняли ее пройти через то, что вы называете психоанализом, и она сказала, что, возможно, попробует, когда покончит со своей ориенталистикой.

Ему объяснили, что, упоминая ее запросто, по имени, его собеседник желал лишь создать непринужденную обстановку. Он всегда так делает. Вот только вчера он совершенно умиротворил другого заключенного, сказав: «Тебе лучше поделиться с дядей своими снами, иначе тебя могут поджарить на электрическом стуле». Замечал ли Хью, или, вернее, мистер Пёрсон, «деструктивные побуждения» в своих снах? – вот что еще не было выяснено до конца. Само понятие, возможно, следует прояснить. Так, скульптор мог бы сублимировать деструктивное побуждение, атакуя неодушевленный предмет зубилом и молотком. Прекрасные возможности для удовлетворения деструктивного побуждения открывает полостная хирургия: один уважаемый, хотя и не всегда удачливый практикующий врач признался в частной беседе, как трудно ему бывает удержаться, чтобы не вырезать каждый орган, попадающий в поле зрения во время операции. Всякого человека просто распирает от скрытых позывов, накопленных с младенческих лет. Хью не должен их стыдиться. Фактически в период полового созревания сексуальное желание возникает в виде замены желанию убивать, которое человек обычно удовлетворяет во сне; а бессонница – это просто страх осознать во сне свои бессознательные желания зверски убивать и совокупляться. Около восьмидесяти процентов всех снов, которыми наслаждаются взрослые мужчины, носят сексуальный характер. Ознакомьтесь с выводами Клариссы Дарк – она самостоятельно обследовала две сотни здоровых заключенных, тюремные сроки которых, разумеется, были сокращены на число ночей, проведенных в общей спальне Центра. И что же? У ста семидесяти восьми мужчин наблюдалась сильная эрекция во время фазы сна под названием «ГаРеМ» («Глаза Реагируют и Мечутся»), отмеченной видениями, вызывающими похотливое блужданье глаз, своего рода бесстыдное внутреннее глазение. Кстати, когда мистер Пёрсон начал ненавидеть миссис Пёрсон? Ответа нет. Может быть, ненависть была частью его чувства к ней с самой первой минуты? Ответа нет. Покупал ли он ей когда-нибудь свитер с высоким облегающим воротом? Ответа нет. Испытал ли он раздражение, когда она заметила, что ворот туговат?

«Меня вырвет, – сказал Хью, – если вы не перестанете допытывать меня

всем этим гнусным вздором».

17

Теперь мы обсудим любовь. Какие мощные слова, какое оружие хранится в горах, в подходящих местах, в особых тайниках гранитного сердца, за стальными поверхностями, окрашенными так, чтобы симитировать крапчатость соседних скал! Но когда в дни недолгого ухаживания и брака Хью Пёрсон хотел выразить свою любовь, он не знал, где искать слова, которые могли бы ее убедить, тронуть, вызвать яркие слезы на ее жестоких темных глазах! И наоборот, что-то невзначай сказанное им и не предназначенное для выражения сердечной боли и поэзии, какая-нибудь банальная фраза, могло вдруг вызвать в этой по существу несчастной женщине со сморщенной душой истерически счастливый отклик. Сознательные попытки терпели неудачу. Если, как изредка случалось, в самый сумрачный час, не имея ни малейших постельных намерений, он прерывал чтение, чтобы зайти в ее комнату и, завывая о своем обожании, подобраться к ней на коленях и локтях, как восторженный, неизвестный науке недревесный ленивец, то хладнокровная Арманда приказывала ему выпрямиться и перестать валять дурака. Самые пылкие обращения, какие он только мог придумать – моя принцесса, моя душенька, мой ангел, мой звереныш, мой изысканный хищник, – просто выводили ее из себя. «Почему, – спрашивала она, – ты не можешь говорить со мной обычным человеческим образом, как джентльмен разговаривает с леди, почему ты не можешь обойтись без всего этого шутовства, почему не можешь быть серьезным, простым и достоверным?» Но любовь, отвечал он, это что угодно, только не достоверность, реальная жизнь это нелепость, простачки смеются над любовью. Он пытался поцеловать подол ее юбки или укунить складку на ее штанине, поднять ее ступню, палец ее разъяренной ноги – и пока он так пресмыкался, его немзыкальный голос шептал, как бы самому себе на ухо, сентиментальную, экзотическую, редкую, заурядную пустяковщину и всячину, простое выражение любви становилось чем-то вроде деградировавшего птичьего ритуала, исполняемого одним самцом, без самки в поле зрения – длинная шея в прямом положении, затем в изогнутом, клюв опускается ныряющим движением, шея вновь выпрямляется. Все это заставляло его стыдиться самого себя, но он не мог остановиться, а она не могла его понять, потому что в такие моменты ему никак не удавалось найти подходящее слово, подходящую водоросль.

Он любил ее, несмотря на ее любовную непригодность. У Арманды было много раздражающих, хотя и не обязательно редких черт, всю совокупность которых он принимал как набор абсурдных подсказок в хитроумной головоломке. Она в лицо называла свою мать по-русски скотиной – не зная, естественно, что никогда ее больше не увидит после переезда с Хью в Нью-Йорк и смерти. Она любила устраивать тщательно спланированные вечеринки, и, независимо от того, как давно

состоялся тот или иной утонченный прием (десять месяцев, пятнадцать месяцев тому назад, или даже раньше, до замужества, в доме матери в Брюсселе или Витте), каждая «парти» и тема разговора навсегда сберегались в гудящей морозильной камере ее опрятного сознания. В ретроспективном воскрешении эти вечеринки представлялись ей звездами на занавеске вздувающегося прошлого, а гости — кончиками ее собственной личности: уязвимые места, к которым отныне следовало относиться с ностальгическим уважением. Если Джулия или Джун между прочим замечали, что не знакомы с критиком-искусствоведом Ш. (кузеном покойного Шарля Шамара), в то время как и Джулия и Джун, согласно регистратору в голове Арманды, присутствовали на вечеринке, последняя могла крайне неприязненно, презрительно растягивая слова, осудить ошибку и добавить, извиваясь в танце живота: «В таком случае вы, надо думать, не помните и тех маленьких сандвичей от “Отца Игоря” (какая-то особенная лавка), которые вам так понравились». Хью никогда не сталкивался с таким подлым нравом, с таким болезненным amour-propre[34], с такой эгоцентричной натурой. Джулия, катавшаяся с ней на лыжах и на коньках, находила ее милой, но большинство женщин отзывались о ней неодобрительно, и в телефонных толках передразнивали ее довольно жалкие приемчики нападения и отповеди. Если бы кто-нибудь начал говорить: «Незадолго до того, как я сломала ногу...», она бы победоносно подхватила так: «А я в детстве сломала обе ноги!» По какой-то необъяснимой причине она прибегала к ироничному и в целом оскорбительному тону, обращаясь к мужу на людях.

На нее порой находила какая-нибудь блажь. Во время их медового месяца в Стрезе, в последнюю ночь там (его нью-йоркская контора требовала его возвращения), она решила, что последние ночи статистически самые опасные в гостиницах, не оснащенных пожарными лестницами, а их отель действительно выглядел в высшей степени легковоспламенимым — на основательно-старомодный лад. Телевизионные продюсеры почему-то полагают, что нет ничего более фотогеничного и всецело увлекательного, чем хороший пожар. Арманда, смотревшая итальянские новости, была встревожена или притворилась встревоженной (она любила привлекать к себе внимание) одним из таких бедствий на местном экране — маленькие языки пламени, похожие на флажки для слалома, и большие, похожие на внезапных демонов, сходящиеся кривые водяных струй, как множество фонтанов в стиле рококо, и бесстрашные мужчины в блестящих плащах, руководящие всевозможными хаотичными действиями в фантазии о дыме и разрушении. Той ночью в Стрезе она настояла, чтобы они отрепетировали (он в нижнем исподнем для сна, она — в пижаме «Чудо-юдо») акробатический побег в штормовой мгле, спустившись по избыточно украшенному фасаду отеля с их четвертого этажа на второй, а оттуда на крышу галереи среди качающихся, протестующих деревьев. Хью тщетно пытался ее вразумить. Бойкая девушка заверила его, что, будучи опытной скалолазкой, знает, как это сделать, используя точки опоры то там, то здесь, декоративные элементы, многочисленные выступы и балкончики с перилами, коих предостаточно для совершения осторожного спуска. Она велела Хью следовать за ней и направлять на нее сверху электрический фонарик. Ему, кроме того, надлежало находиться достаточно близко, чтобы при необходимости помочь ей, удерживая ее на весу и таким образом увеличивая ее общую вертикальную длину, пока она нащупывает босой

ступней следующий выступ.

Несмотря на силу своих передних конечностей, Хью был на редкость неумелым антропоидом. Он полностью испортил героический замысел. Он застрял на карнизе сразу под их балконом. Его фонарик беспорядочно осветил небольшую часть фасада, прежде чем выскользнуть у него из рук. Он воззвал вниз со своего наседа, умоляя ее вернуться. Под ногами резко открылся ставень. Хью сумел взобраться обратно на балкон, все еще надрывно выкрикивая ее имя, хотя к этому времени был убежден, что она погибла. В конце концов, однако, она отыскалась в комнате на третьем этаже, где предстала перед ним завернутой в одеяло и, лежа на спине, невозмутимо курящей сигарету в постели незнакомца, который сидел на стуле у кровати и читал журнал.

Ее постельные причуды озадачивали и огорчали Хью. Он мирился с ними во время их поездки. Они стали обычной семейной рутинной, когда он вернулся со вздорной новобрачной в свои нью-йоркские апартаменты. Арманда постановила регулярно предаваться любви около времени вечернего чаепития, в гостиной, как на воображаемой сцене, непрерывно ведя непринужденную светскую беседу, прилично одетыми: он в лучшем своем деловом костюме и галстук в горошек, она в элегантном черном платье с глухим вырезом. В виде уступки природе, нижнее белье разрешалось приспустить, а то и расстегнуть, но только очень, очень сдержанно, без малейшей паузы в элегантной болтовне: нетерпение считалось неприличным, обнажение – чудовищным. Газета или книга на журнальном столике заслоняли того рода приготовления, без которых несчастный Хью не мог обойтись, и горе ему, если он дрогнет или замешкается во время самого совокупления; но намного хуже, чем ужасное вытягивание длинных подштанников из хаоса его ущемленной промежности или хрусткое соприкосновение с ее гладкими, как броня, чулками, было требование вести легкую беседу о знакомых, или политиках, или знаках зодиака, или прислуге, пока, не выказывая поспешности, мучительную процедуру приходилось тайком доводить до судорожного конца в скрюченном полусидячем положении на неудобной софе. Невеликая мужская сила Хью, пожалуй, не вынесла бы испытаний, если бы Арманда лучше, чем ей казалось, скрывала то возбуждение, которое вызывал в ней контраст между фиктивным и фактическим – контраст, который в конечном счете претендует на артистическую утонченность, если мы вспомним обычаи некоторых дальневосточных народов, в сущности, недоумков во многих других отношениях. Но по-настоящему подкрепляло Хью никогда не покидавшее его ожидание ошеломленного наслаждения, которое постепенно идиотизировало ее милые черты, несмотря на все ее усилия поддерживать беспечный диалог. В некотором смысле он предпочитал декорации гостиной еще менее нормальной обстановке тех редких случаев, когда она желала отдаться ему в спальне, глубоко под одеялом, пока она говорит по телефону, судача с подругой или разыгрывая незнакомца мужчину. Способность нашего Пёрсона сносить все это, находить разумные объяснения и т. д. вызывает у нас симпатию, но порой, увы, также искренний смех. К примеру, он говорил себе, что она отказывалась обнажаться, потому что стеснялась своих маленьких надутых грудок и шрама вдоль бедра – следствие лыжного столкновения. Глупый Пёрсон!

Была ли она верна ему на протяжении всех месяцев их брака,

проведенных в непостоянной, распушенной, веселой Америке? Во время их первой и последней американской зимы она несколько раз одна ездила кататься на лыжах в Аваль (Квебек) или Шут (Колорадо). Оставаясь в одиночестве, он запрещал себе мысленно погружаться в банальности измены – к примеру, воображать, как она держится за руку с каким-нибудь молодчиком или позволяет ему поцелуй на ночь. Такие банальности были для него столь же мучительными, как и сладострастное соитие. Пока ее не было, стальная дверь присутствия духа оставалась надежно закрытой, но как только она возвращалась, с загорелым и сияющим лицом, с точеной, как у стюардессы, фигурой, в этом синем жакете с плоскими пуговицами, блестящими, как золотые жетоны, тогда что-то ужасное открывалось в нем, и дюжина гибких атлетов принималась толпиться вокруг и наперебой растаскивать ее по всем мотелям его разума, хотя на самом деле, как мы знаем, за время трех поездок она насладились всей полнотой близости только с дюжиной отличных любовников.

Никто, и меньше всего ее мать, не мог взять в толк, отчего Арманда вышла за довольно заурядного американца с не самым прочным служебным положением, – но на этом нам пора закончить наше обсуждение любви.

18

Во вторую неделю февраля, приблизительно за месяц до того, как смерть разлучила их, Пёрсоны на несколько дней вылетели в Европу: Арманда – чтобы навестить мать (примерная дочь приехала слишком поздно), а Хью, по поручению своей фирмы, – чтобы посетить мистера Р. и другого американского писателя, тоже живущего в Швейцарии.

Вовсю лил дождь, когда он выбрался из такси перед большим, старым и уродливым загородным домом Р. над Версексом. Он прошел по засыпанной гравием дорожке, по обеим сторонам которой текли потоки пузырящейся дождевой воды. Дверь была приоткрыта, и он, ступая на половик, с веселым удивлением увидел Джулию Мур, стоящую спиной к нему у телефонного столика в прихожей. Она теперь носила прежнюю очаровательную прическу пажа, и на ней была та же оранжевая блузка. Он закончил вытирать ноги, когда она положила трубку и оказалась совершенно незнакомой девушкой.

«Простите, что заставила вас ждать, – сказала она, не сводя с него улыбающихся глаз. – Я замещаю мистера Тамуорта, пока он отдыхает в Марокко».

Хью Пёрсон прошел в библиотеку, удобно обставленную, но откровенно старомодную и совершенно недостаточно освещенную комнату, уставленную энциклопедиями, словарями, справочниками и авторскими экземплярами книг хозяина в многочисленных изданиях и переводах. Хью сел в клубное кресло и вынул из портфеля список вопросов, подлежащих обсуждению. Два главных вопроса заключались в следующем: как изменить некоторых слишком хорошо узнаваемых людей в типоскрипте «Траляций» и что делать с самим этим названием, невозможным в коммерческом отношении.

Вскоре явился R. Он не брился несколько дней и был облачен в несуразный синий комбинезон, который находил весьма удобным для распределения вокруг себя орудий своего ремесла: карандашей, шариковых ручек, трех пар очков, карточек, больших зажимов, круглых резинок и — в незримом состоянии — кинжала, после нескольких слов приветствия наставленного им на нашего Пёрсона.

«Я могу лишь повторить, — сказал он, рухнув в кресло, освобожденное Хью, и жестом предлагая ему занять такое же кресло напротив, — то, что я уже говорил не раз, а довольно часто: вы можете кастрировать кота, но каста моих персонажей неприкосновенна. Что же до названия, которое представляет собой вполне респектабельный синоним слова “метафора”, то никакие дикие жеребцы не выбьют его из-под меня. Мой врач посоветовал Тамуорту запереть мой погреб, что тот и сделал, спрятав ключ. Дубликат слесарь изготовит не раньше понедельника, а я, знаешь ли, слишком горд, чтобы покупать дешевые вина, которыми торгуют здесь в деревне, поэтому все, что я могу тебе предложить — ты заранее качаешь головой, и ты, сынок, чертовски прав, — это жестяную банку абрикосового сока. Теперь давай поговорим о названиях и пасквилях. Знаешь, когда я прочитал твое письмо, кровь ударила мне в лоб. Меня обвиняли в том, что я не прочь потискать малолетних, но от моих маленьких персонажей руки прочь, если позволишь мне каламбур».

Он принялся объяснять, что если настоящий художник решил создать персонажа на основе живого индивидуума, то любое переписывание, направленное на его маскировку, было бы равносильно уничтожению живого прототипа, как, знаешь, протыкают булавкой глиняную куколку, и какая-нибудь девушка падает замертво. Если сочинение представляет собой произведение искусства, если в нем не только вода, но и вино, тогда оно неуязвимо в одном отношении и ужасно хрупко в другом. Хрупко, потому что когда пугливый редактор заставляет писателя поменять «стройную» на «пухлую» или «штенку» на «блондинку», он портит одновременно и образ, и нишу, в которой тот стоит, и всю часовню вокруг него; а неуязвимо, потому что независимо от того, насколько значительно вы изменили образ, его прототип узнается по форме отверстия, оставшегося в фактуре повествования. Но помимо всего этого, субъекты, в изображении которых его обвиняют, слишком безучастны, чтобы объявить о своем присутствии и негодовании. На самом деле им скорее доставит удовольствие послушать толки в литературных салонах — с отчасти знающим видом, как говорят французы[35].

Вопрос названия — «Траляции» — это другой сапог в паре. Читатели не сознают, что названия бывают двух видов. Название первого вида подбирается недалеким автором или умным издателем после того, как книга окончена. Это просто наклеенная этикетка, по которой пристукивают тыльной стороной кулака. Бóльшая часть наших худших бестселлеров носит такого рода названия. Но есть и другой вид: название, которое сквозит в книге, как водяной знак, название, которое рождается вместе с книгой, название, к которому автор так привыкает за годы накопления исписанных страниц, что оно становится частью каждой из них. Нет, мистер R. не может отказаться от

«Траляций».

Хью рискнул заметить, что язык невольно добавляет «нс» после «а», образуя привычное слово «трансляции».

«Язык невежества!» – крикнул мистер R.

С топотком вбежала его маленькая хорошенькая секретарша и сказала, что ему не следует волноваться или перетруждаться. Великий человек с усилием поднялся из кресла и вытянулся во весь рост, дрожа и ухмыляясь, протягивая большую волосатую руку.

«Что ж, – сказал Хью, – я непременно сообщу Филу, как решительно вы настроены в отношении затронутых им вопросов. До свидания, сэр, на следующей неделе вы получите эскиз обложки».

«Бывай, скоро свидимся», сказал мистер R.

19

Мы снова в Нью-Йорке, и это их последний вечер вместе.

Подав им превосходный ужин (возможно, немного слишком сытный, но не избыточный – прожорливыми их нельзя было назвать), тучная Полин, femme de ménage[36], которую они делили с бельгийским художником, жившим в пентхаусе этажом выше, вымыла посуду и ушла в свое обычное время (в четверть десятого или около того). Поскольку у нее была раздражающая привычка ненадолго усаживаться перед телевизором, Арманда всегда ждала, пока она уйдет, прежде чем запускать его для собственного удовольствия. Сейчас она включила его, дала ему ожить, перешла на один канал, на другой – и щелчком прикончила изображение, фыркнув от отвращения (ее симпатии и антипатии по этой части не подчинялись никакой логике, она могла смотреть одну или две программы со страстной регулярностью или, наоборот, неделю не прикасаться к телевизору, как будто наказывая это дивное изобретение за проступок, известный только ей, а Хью предпочитал не обращать внимания на ее загадочные распри с актерами и обозревателями). Она раскрыла книгу, но тут позвонила жена Фила, чтобы пригласить ее на завтрашний предварительный просмотр лесбийской драмы с лесбийским составом актрис. Их беседа продолжалась двадцать пять минут, Арманда говорила конфиденциально приглушенным голосом, а Филлис отвечала так звучно, что Хью, который сидел за круглым столом, правя стопку гранок, мог бы слушать, кабы пожелал, обе стороны тривиального потока. Вместо этого он удовлетворился резюме, сообщенным ему Армандой, вернувшейся на серую плюшевую софу перед поддельным камином.

Как случалось и раньше, около десяти часов вечера сверху вдруг раздались резкие скрежеты и удары – живший над ними кретин с большой натугой перетаскивал свое нелепое изваяние («Pauline anide», согласно каталогу) из середины мастерской в угол, который она занимала по ночам. И как обычно, Арманда в ответ уставилась в

потолок и проворчала, что давно бы пожаловалась кузену Фила (управлявшему этим многоквартирным домом), если бы этот сосед не был таким дружелюбным и обходительным господином. Когда восстановился покой, она стала искать книгу, которую раскрыла перед телефонным звонком. Ее муж неизменно испытывал прилив особой нежности, примирявшей его с унылым или жестоким уродством того, что не слишком счастливые люди зовут «жизнью», всякий раз, как он подмечал в аккуратной, деловитой, трезвомыслящей Арманде красу и беспомощность человеческой рассеянности. Он нашел предмет ее трогательных поисков на журнальной полке рядом с телефоном и, возвращая его Арманде, получил позволение коснуться благоговейными губами ее виска и пряди светлых волос. Затем он вернулся к гранкам «Траляций», а она к своей книге – французскому путеводителю, в котором перечислялось множество великолепных ресторанов, отмеченных вилок и звездами, но не очень много «приятных, тихих, хорошо расположенных отелей» с тремя или более башенками, а иногда и с красной певчей птичкой на ветке.

«Вот милое совпадение, – заметил Хью, – один из его персонажей, в довольно непристойном отрывке... кстати, как правильно – “Савойя” или “Савой”?»

«Что за совпадение?»

«Да, один его персонаж сверяется с “Мишленом” и говорит: от Кондома в Гаскони до Пусси в Савоие не ближний свет».

«“Савой” это отель, – сказала Арманда и дважды зевнула, сначала сжимая челюсти, потом открыто. – Не знаю, почему я так устала, – добавила она, – но я знаю, что вся эта зевота только мешает заснуть. Я, пожалуй, попробую сегодня свои новые пилули».

«Постарайся представить себе, что скользишь на лыжах по очень гладкому склону. В молодости я мысленно играл в теннис, и это часто помогало, особенно если воображать новые, очень белые мячи».

Она еще немного посидела, погруженная в свои мысли, потом заложила страницу красной ленточкой и пошла на кухню за стаканом.

Хью любил читать гранки дважды: первый раз ради исправления недостатков текста, а второй – ради достоинств самого произведения. Он считал, что для дела в конечном счете лучше, чтобы зрительная проверка предшествовала умственному удовольствию. Сейчас он наслаждался второй стадией, и хотя уже не искал ошибок, все же не упускал шанса выправить пропущенный ляпсус – собственный или печатника. Он, кроме того, позволял себе с предельной скромностью пометать на полях второго экземпляра (предназначенного для автора) те места, в которых у него вызвали вопросы некоторые идиосинкразии стиля и орфографии, надеясь, что великий человек поймет, что под сомнение ставится не его гениальность, а грамматика.

После долгих совещаний с Филом было решено ничего не предпринимать по части возможных обвинений в диффамации, связанных с той откровенностью, с какой R. описал свою запутанную любовную жизнь. Он уже «однажды заплатил за это одиночеством и угрызениями совести и

теперь готов был заплатить звонкой монетой любому дураку, которого его история могла бы задеть» (сокращенная и упрощенная цитата из его последнего письма). В длинной главе гораздо более непристойного характера (несмотря на высокопарный стиль), чем похабные речи модных писателей, которых он критиковал, R. изобразил мать и дочь, осыпающих своего молодого любовника впечатляющим ассортиментом ласок на горном уступе над живописной пропастью и в других, менее опасных местах. Хью не был знаком с миссис R. достаточно близко, чтобы оценить ее сходство с матроной из книги (отвисшая грудь, дряблые ляжки, медвежье урчание во время совокупления и так далее), однако, судя по манерам и движениям, по придыханиям в речи, по многим другим чертам, которых ему самому не довелось узнать или отметить, но которые отвечали общей картине, дочерью несомненно была Джулия, хотя автор и сделал ее блондинкой и приглушил евразийский характер ее красоты. Хью читал с увлечением и вниманием, но сквозь прозрачность текстового потока он все еще правил гранки, как это пытаются делать некоторые из нас – исправляя опечатку, отмечая курсив, – его глаза и позвоночник (главный орган настоящего читателя) скорее сотрудничали, чем спорили друг с другом. Время от времени он задавался вопросом, что на самом деле означает та или иная фраза – на что именно намекает «римиформная» и как выглядит «балановая слива» – или ему следует исправить «б» на прописную и вставить «к» после «л»? Его домашний словарь был не столь проницателен, как громадный и потрепанный том, которым он пользовался в конторе, и теперь его ставили в тупик такие прелестные вещицы, как «все золото дерева кью» и «крапчатый небрис». Он поставил под сомнение среднюю часть в имени второстепенного персонажа – «Adam von Librikov», – поскольку немецкая частица фон («Адам фон Либриков»), казалось, спорила с остальным; или все сочетание было только лукавой перетасовкой букв? В конце концов он вычеркнул свой вопросительный знак, но зато восстановил «Правление Кн. Уда» в другом месте: менее притязательная корректор до него предположила, что здесь следует либо снять точку и дать второе и третье слово слитно, либо исправить на «кнут» – она была, как Арманда, русского происхождения.

Наш Пёрсон, наш читатель, не был уверен в том, что полностью принимает пышный и фальшивый стиль R., и все же в своих лучших проявлениях («серая радуга затравленной туманом луны») он был дьявольски сочным. Помимо этого Хью поймал себя на том, что пытается установить на основании вымышленных данных, в каком возрасте и при каких обстоятельствах писатель начал развращать Джулию: произошло ли это в ее детские годы – щекотал ее в ванне, целовал ее мокрые плечики, а потом однажды отнес ее, завернутую в большое полотенце, в свое логово, как усладительно описано в романе? Или он начал заигрывать с ней в ее первый студенческий год, когда ему заплатили две тысячи долларов за то, чтобы он в громадном зале перед университетской и городской публикой прочитал какой-то свой рассказ, хотя и напечатанный и перепечатанный до того много раз, но впрямь восхитительный? Как хорошо обладать такого рода талантом!

В начале двенадцатого он погасил свет в гостиной и открыл окно. Ветреная мартовская ночь нашла что потрогать в комнате. За полузадернутыми шторами электрическая вывеска, DOPPLER, сменила цвет на лиловый и осветила мертвенно-белые листы бумаги, оставленные им на столе.

Он дал глазам привыкнуть к полумраку соседней комнаты и вскоре тихонько прошел в нее. Первый сон у Арманды обычно сопровождался громким храпом. Поразительно, как такой стройной, такой изящной молодой женщине удавалось производить столь впечатляющую вибрацию. В начале их брака это беспокоило Хью, потому что казалось, что храп может продолжаться всю ночь. Но какой-нибудь посторонний шум, или толчок в ее сне, или тихое покашливание ее кроткого мужа, или что-то еще заставляло ее шевельнуться, вздохнуть, быть может чмокнуть губами или повернуться на другой бок, после чего она уже продолжала спать беззвучно. Такая смена ритма, по-видимому, произошла, когда он еще работал в гостиной, и теперь, дабы весь цикл не повторился, он старался раздеваться как можно тише. Позднее он вспомнил, как с особенной осторожностью выдвинул исключительно скрипучий ящик (в другое время он никогда не обращал внимания на его голос), чтобы взять свежую пару коротких подштанников, которые надевал вместо пижамы. Он выругался про себя из-за дурацкого плача старого дерева и воздержался от того, чтобы закрыть ящик, однако его подвели половицы, едва он на цыпочках двинулся к своей стороне супружеского ложа. Не этот ли звук разбудил ее? Да, этот, но скорее не разбудил, а разворошил часть ее сна, и она пробормотала что-то о свете. На самом деле ничто не нарушало мрака спальни, кроме косого луча, падавшего из гостиной, дверь которой он оставил приоткрытой. Он тихо закрыл ее и ощупью добрался до кровати.

Некоторое время он лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к другому непрерывному и слабому звуку – стуку капель о линолеум под неисправным радиатором отопления. Вы сказали, что подумали, что вас ждет бессонная ночь? Не совсем так. В действительности его клонило в сон, настолько, что не было никакой нужды принимать пугающе действенную «Пилюлю Морфи», к которой он изредка прибегал, но, несмотря на сонливость, он сознавал, что подкралось множество забот, готовых на него навалиться. Каких забот? Ах, обычных, житейских, ничего серьезного или особенного. Он лежал на спине и ждал, пока они сойдутся вместе, что они и сделали – в унисон с бледными пятнами, поднимавшимися вверх и занимавшими свое привычное место на потолке по мере того, как его глаза привыкали к темноте. Он думал о том, что его жена вновь симулировала женское недомогание, чтобы не подпустить его к себе; что она, вероятно, обманывала его многими другими способами; что он тоже в некотором смысле предал ее, утаив от нее одну ночь, проведенную с другой девушкой – добрачно, с точки зрения времени, но в пространственном отношении – здесь, в этой самой спальне; что подготовка к изданию чужих книг – работа унижительная; что никакая бесконечная поденщина или временная неудовлетворенность не имеют значения в свете его постоянно растущей, все более нежной любви к жене; и что ему следует посетить офтальмолога в один из дней в скором времени. Он мысленно заменил «б» на «в» и продолжил просматривать пестрые гранки, в которые теперь обращалась тьма за закрытыми глазами. Двойная систола резко вернула его в сознание, и

он пообещал своему неисправимому «я» ограничить ежедневное потребление сигарет до двух мгновений ока.

«И потом вы уснули?»

«Да. Возможно, я еще пытался разобрать расплывчатую печатную строку, но да, я уснул».

«Прерывистым сном, я полагаю?»

«Нет, напротив, давно я не проваливался в сон так глубоко. Видите ли, предыдущей ночью я почти не спал».

«Окей. Теперь вот что: известно ли вам, что психологи, состоящие при крупных тюрьмах, должны владеть, среди прочего, тем разделом танатологии, который посвящен средствам и способам насильственной смерти?»

Пёрсон устало издал отрицательный звук.

«Что ж, позвольте мне объяснить это следующим образом: полиция хочет знать, какое орудие применил преступник, а танатолог желает знать, почему и как оно было использовано. Покамест все ясно?»

Усталое подтверждение.

«Орудия – это, э-э... орудия. Фактически они могут быть инструментом работника, как, скажем, без своего угольника действительно не может обходиться плотник. Или орудия могут быть из костей и плоти, как вот эти (берет руки Хью, похлопывает каждую по очереди, кладет их себе на ладони для показа или как бы приступая к какой-то детской игре)».

Ручищи были возвращены Хью, как две пустые миски. Затем ему объяснили, что при удушении молодого совершеннолетнего человека обычно используется один из двух способов: любительская, не слишком эффективная лобовая атака и более профессиональный подход сзади. В первом случае восемь пальцев плотно обхватывают шею жертвы, в то время как два больших пальца сжимают его или ее горло; однако в этом случае существует риск того, что ее или его руки схватят вас за запястье или иным образом отразят нападение. Второй, гораздо более безопасный способ заключается в том, чтобы, подойдя со спины, сильно надавить двумя большими пальцами на заднюю часть шеи мальчика или, предпочтительно, девочки и сжать горло всеми остальными пальцами. Хватку первого типа мы называем между собой «Рouse»[37], а второго – «Гангстер». Мы знаем, что вы напали со спины, но возникает следующий вопрос: когда вы замыслили удушить свою жену, почему вы остановились на «Гангстере»? Не потому ли, что инстинктивно почувствовали, что его внезапный и энергичный захват дает наилучшие шансы на успех? Или вы руководствовались иными, субъективными соображениями, к примеру, мыслью о том, что вам будет противно наблюдать за изменением выражения ее лица, пока длится акт?

Ничего он не замыслил. Во время всего этого ужасного бессознательного акта он спал и очнулся, лишь когда они оба упали с

кровати на пол.

Вы сказали, что вам снилось, будто в доме пожар?

Совершенно верно. Пламя вырывалось отовсюду, и все, что можно было разглядеть, просвечивало сквозь алые полосы стеклопластика. Его случайная соложница распахнула окно. О, кто она такая? Она явилась из прошлого – гулящая, к которой он подошел на улице во время своей первой поездки за границу около двадцати лет тому назад, бедная девушка смешанного происхождения, хотя на самом деле американка и очень милая, по имени Джулия Ромео – фамилия значит «паломник» на архаичном итальянском, но разве все мы не паломники, и все наши сны – это анаграммы дневной яви. Он бросился за ней, чтобы не дать ей выпрыгнуть. Окно было большим и низким, с широким подоконником, обитым мягкой тканью и накрытым простыней, как было принято в этой стране льда и пламени. Что за ледники, что за рассветы! Джулия, или Джули, в эффектной пелене Доплера поверх светящегося тела, лежала на подоконнике с раскинутыми руками, все еще не отпустив оконных створок. Он выглянул вниз поверх нее, и там, далеко внизу, в глубине двора или сада, дрожали такие же клинья огня – вроде тех языков красной бумаги, которые скрытый вентилятор заставляет трепетать вокруг поддельных рождественских поленьев в праздничных витринах заснеженного детства. Спрыгнуть или попытаться спуститься, хватаясь за утолщения бельевых узлов (способы завязывания которых показывала в отражении на заднем плане его сна средневекового вида, похожая на фламандку продавщица с длинной шеей), казалось ему безумием, и бедный Хью сделал все, чтобы остановить Джульетту. Стараясь держать ее как можно лучше, он обхватил ее сзади за шею, его большие пальцы с квадратными ногтями вжались в ее освещенный лиловым светом затылок, а оставшиеся восемь пальцев сдавили ей горло. На экране научного кинематографа по ту сторону двора или улицы показывали извилистую трахею, в остальном же все стало вполне безопасным и удобным: он хорошо ухватил Джулию и уберег бы ее от верной смерти, если бы в своей самоубийственной борьбе за спасение от огня она каким-то образом не соскользнула с подоконника и не увлекла его за собой в пустоту. Что за падение! Что за глупышка эта Джулия! И как удачно, что г-н Ромео все продолжал сжимать, выкручивать и ломать этот кривой перстневидный хрящ, как показали рентгенограммы пожарных и горных проводников на улице. О, как они летели! Супермен, несущий младую душу в объятиях!

Удар о землю оказался гораздо менее жестоким, чем он ожидал.

Это бравада, Пёрсон, а не сон больного человека. Мне придется доложить о вас.

Он ушиб локоть, а ее ночной столик рухнул вместе с лампой, высоким стаканом и книгой, но, хвала Искусству, она была спасена, она была с ним, она лежала совершенно неподвижно. Он нащупал упавшую лампу и ловко зажег ее в этом необычном положении. Мелькнула мысль: что здесь делает его жена, распростертая ничком на полу с разметавшимися светлыми волосами, как если бы она летела? Затем он уставился на свои смущенные лапы.

Дорогой Фил,

это, вне всяких сомнений, мое последнее письмо к вам. Я уйду от вас. Я уйду из вашего издательского дома к другому, еще более крупному Издателю. В том Доме меня будут редактировать херувимы – или донимать опечатками черти, – смотря по тому, к какому отделу приписана моя бедная душа. Итак, прощайте, дорогой друг, и пусть ваш наследник на аукционе выучит за это письмо как можно больше.

Оно написано собственноручно по той причине, что я предпочел бы, чтобы его не читал Том Там или кто-то из его мужского пола машинисток. Я умираю от смертельной болезни после неудачной операции в единственной приватной палате болонского госпиталя. Милосердная молодая сестра, которая отошлет это письмо по почте, сообщила мне с ужасными режущими жестами кое-что, за что я заплатил ей так же щедро, как заплатил бы за ее услуги, будь я все еще мужчиной. На самом деле знание своего смертного часа – благо бесконечно более ценное, чем то, которым одаривают возлюбленного. По словам моей маленькой шпионки с миндалевидными глазами, великий хирург, да сгниет его собственная печень, солгал мне, когда вчера объявил с ухмылкой черепа, что operazione[38] была perfetta[39]. Что ж, так и есть – в том смысле, в каком Эйлер называл нуль идеальным числом. На деле они вспороли мне брюхо, бросили полный ужаса взгляд на тот мой разложившийся орган, который они называют fegato[40], и, даже не коснувшись его, снова меня зашили.

Не стану докучать вам неприятностями, связанными с Тамуортом. Видели бы вы, сколько самодовольства выражали заросшие шерстью губы этого вытянутого малого, когда он навещал меня нынче утром! Как вы знаете – как знают все, даже Марион, – он проник во все мои дела, включая сердечные, пролез в каждую щель, собирая каждое слово, которое я обронил с моим немецким акцентом, так что теперь он может биографировать покойника не хуже Босвелля и с тем же успехом, с каким он вил веревки из живого. Я также пишу своему и вашему поверенному о мерах, которые должны быть приняты после моего отбытия с тем, чтобы Тамуорт на каждом повороте своих лабиринтообразных планов упирался в преграду.

Единственное дитя, которое я когда-либо любил, – это восхитительная, глупенькая, вероломная малышка Джулия Мур. Каждый цент и сантим, принадлежащий мне, а также все оставшиеся сочинения, которые еще можно вырвать из когтей Тамуорта, должны достаться ей, сколь бы неясными и двусмысленными ни были мои указания в завещании: Сэм знает, на что я намекаю, и будет действовать соответственно.

Последние две части моего Опуса в ваших руках. Мне очень жаль, что Хью Пёрсона нет рядом, чтобы присмотреть за его публикацией. В своем ответном письме не пишите ни слова, что получили его, но вместо этого, своего рода шифром, который сказал бы мне, что вы приняли это письмо во внимание, сообщите мне, как старую добрую сплетню, кое–

какие сведения о нем — почему, например, его заключили в тюрьму на год — или больше? — если было установлено, что он действовал в состоянии эпилептического транса; почему его перевели в приют для душевнобольных злодеев после пересмотра его дела, если, как было доказано, он не совершал преступления? И почему следующие пять или шесть лет он перемещался между тюрьмой и сумасшедшим домом, прежде чем стал пациентом частной клиники? Кто, кроме шарлатанов, берется лечить сны? Пожалуйста, расскажите мне все это, потому что Пёрсон — один из самых милых людей, которых я знал, и еще потому, что в своем письме о нем вы можете тайком переправить любую секретную информацию этой бедной душе.

Знаете, бедная душа — подходящее слово. Моя горемычная печень тяжела, как отвергнутая рукопись; им удастся сдерживать гнусную гиену боли частыми инъекциями, но так или иначе она всегда присутствует за стеной моей плоти, подобно глухому грому непрерывной лавины, сметающей там, по ту сторону меня, все конструкции моего воображения, все ориентиры моего сознательного «я». Смешно, но когда-то я верил, что умирающие видят тщету вещей, суетность славы, страсти, искусства и так далее. Я полагал, что в сознании умирающего человека драгоценные воспоминания сокращаются до радужных пятен; но теперь я ощущаю как раз обратное: мои самые незначительные чувства и настроения и таковые же чувства всех людей приобрели гигантские размеры. Вся Солнечная система — не более чем отражение в хрустале моих (и ваших) ручных часов. Чем больше я чахну, тем сильнее разрастаюсь. По-моему, это довольно необычное явление. Совершенное неприятие любых религий, когда-либо придуманных человеком, и совершенное спокойствие перед лицом совершенного небытия! Если бы я мог объяснить это тройное совершенство в одной большой книге, она бы, несомненно, стала новой библией, а ее автор — основоположником нового вероучения. К счастью для моего самоуважения, эта книга написана не будет — не просто потому, что умирающий не может писать книг, но по той причине, что эта определенная книга никогда бы не выразила одним махом того, что можно понять лишь непосредственно.

Примечание, добавленное адресатом:

Получено в день смерти писателя. Зарегистрировать в разделе Repos — R.

22

Пёрсон терпеть не мог вида и ощущения своих ступней. Они были на редкость некрасивыми и чувствительными. Даже будучи взрослым человеком, он избегал смотреть на них, когда раздевался. Вследствие этого он избежал американской привычки ходить дома босиком — этого регресса через детство к более простым и бережливым временам. Как он содрогался при одной только мысли, что ноготь на пальце ноги может зацепиться за шелк носка (шелковые носки тоже исчезли)! Так женщину передергивает от скрипа вытираемого оконного стекла. Они были

узловатыми, они были слабыми, они всегда ныли. Покупка пары ботинок мало чем отличалась от посещения дантиста. Он бросил долгий неприязненный взгляд на предмет, купленный в Бриге по дороге в Витт. Ничто не упаковывается с такой дьявольской аккуратностью, как обувная коробка. Срывание бумаги разрядило нервное напряжение. Эта пара отвратительно массивных коричневых горных ботинок уже примерялась в магазине. Размер определенно был его, и столь же определенно они не были такими удобными, как уверял его продавец. Плотно облегают ногу, верно, но при этом жестко. Он со стоном натянул их и с проклятьями зашнуровал. Ничего, придется терпеть. Задуманный им подъем нельзя совершить в обычной обуви: в первый и единственный раз, когда он попытался это сделать, он то и дело оскальзывался на гладких скальных плитах. Эти башмаки, по крайней мере, должны хорошо удерживаться на предательских поверхностях. Еще он вспомнил волдыри, выскочившие от ношения похожей пары, но только замшевой, которую он купил восемь лет тому назад и выбросил, покидая Витт. Что ж, левый ботинок жал чуть меньше правого – хромое утешение.

Он сбросил темную толстую куртку и надел старую ветровку. Он дошел до конца коридора и преодолел три ступеньки перед лифтом: единственное назначение, которое он мог им приписать, состояло в том, чтобы предупредить об ожидавшем его страдании. Но он презрел рванный краешек боли и закурил сигарету.

Как нередко бывает во второсортных отелях, в этом лучший вид на горы открывался из окон коридора в северной части. Темные, почти черные скалистые вершины с белыми прожилками, некоторые хребты сливаются с угрюмым, затянутым тучами небом; ниже мех хвойных лесов, еще ниже – более светлая зелень полей. Меланхоличные горы! Превознесенные глыбы гравитации!

Дно долины с городком Витт и различными деревушками вдоль узкой реки состояло из окруженных оградами с колючей проволокой небольших унылых луговин, единственным украшением которых были пышно цветущие высокие фенхели. Прямая, как канал, река терялась в зарослях ольхи. Взгляд блуждал по сторонам, но не находил утешения ни в том, что было рядом, ни в том, что далеко – грязная коровья тропа, пересекающая свежескошенный склон, или плантация единообразных лиственниц на противоположной круче.

Первый этап его повторного посещения этих мест (Пёрсон имел склонность к паломничеству, как и его французский предок, католический поэт и почти святой) был посвящен прогулке по Витту к группе шале, расположенных на возвышавшемся над ним склоне. Сам городок в этот раз показался ему еще более неказистым и беспорядочным. Он узнал фонтан, банк, церковь, большой каштан и кафе. И еще там было почтовое отделение со скамейкой у двери, ждущей писем, которые так и не пришли.

Он прошел по мосту и не остановился для того, чтобы послушать заунывный шум ручья, который ничего не мог ему сказать. Вершину склона окаймляли ели, а за ними высился ряд других елей – туманные призраки или заменяющие их деревья – в серовато-белесом уборе под

дождевыми облаками. Была построена новая дорога и выросли новые дома, вытеснив скудные приметы местности, которые он помнил или думал, что помнит.

Теперь ему предстояло отыскать виллу «Настя», все еще сохранившую абсурдную уменьшительную форму русского имени умершей старухи. Она продала ее бездетной английской паре перед своей последней болезнью. Ему хотелось взглянуть на крыльцо, как смотрят на стеклянную поверхность, чтобы вложить в нее, будто в конверт, образ прошлого.

Хью замешкался на углу улицы. Сразу за этим углом женщина с лотка продавала овощи. *Est-ce que vous savez, Madame...*[41] Да, она знает: в конце этого переулка. Пока он справлялся у нее, из-за ящика, волоча лапы, выбралась большая белая дрожащая собака, и с шоком бесполезного узнавания Хью вспомнил, что восемь лет тому назад он останавливался на этом месте и видел эту самую собаку, которая даже тогда была уже довольно старой и теперь бросала вызов своему баснословному возрасту, только чтобы послужить его слепой памяти.

Окрестности были неузнаваемы – за исключением белой стены. Его сердце билось, как после тяжелого восхождения. Светловолосая девочка с ракеткой для бадминтона, присев на корточки, подобрала с тротуара волан. Пройдя еще немного вперед и выше, он нашел виллу «Настя», теперь выкрашенную в небесно-голубой цвет. Все ее окна были закрыты ставнями.

23

Выбрав одну из помеченных знаком троп, ведущих в горы, Хью узнал другую деталь прошлого, а именно почтенного инспектора скамеек (загаженных птицами и таких же старых, как он сам), которые догнивали там и тут в тенистых уголках – бурые листья внизу, зеленые сверху – вдоль показательно идиллической тропинки, поднимавшейся к водопаду. Он вспомнил трубку инспектора, украшенную богемскими гранатами (под стать фурункулам на носу ее владельца), и еще привычку Арманды обмениваться со стариком грубовато-похабными комментариями на швейцарско-немецком, пока тот изучал сор под треснувшими досками сиденья.

Теперь в этом горном округе к услугам туристов было несколько дополнительных маршрутов и подъемников, а также новое шоссе от Витта до станции канатной дороги, к которой Арманда и ее приятели обычно поднимались пешком. В свое время Хью внимательно изучил публичную карту местности, большую *Carte du Tendre*[42] – или Карту Терзаний, развернутую на уличном щите возле почтовой конторы. Если бы он захотел сейчас со всеми удобствами добраться до ледниковых склонов, он мог бы воспользоваться новым автобусом, ходившим от Витта до Драконитовой станции канатной дороги. Он, однако, хотел это сделать старым изнурительным способом и пройти по пути наверх через незабвенный лес. Он надеялся, что драконитовая гондола оправдает ожидания памяти: тесная кабина с двумя скамейками, обращенными друг к другу. Она поднималась вверх, держась приблизительно в двадцати

ярдах от полосы дернистого склона в просеке между елями и кустами ольхи. Каждые тридцать секунд или около того она с внезапным дребезгом и встряской натыкалась на опору, но в остальном скользила с достоинством.

Память Хью соединила в один путь несколько лесных троп и проселочных дорог, которые вели к первому трудному этапу восхождения, а именно к нагромождению валунов и зарослям рододендронов, через которые нужно было продираться наверх, чтобы достичь канатной дороги. Неудивительно, что он вскоре сбился с пути.

Его память тем временем продолжала держаться своего собственного направления. Опять он тяжело дышал, следуя за ее безжалостным курсом. Опять она дразнила Жака, красивого швейцарского юношу с лисьими рыжеватыми волосками на теле и мечтательными глазами. И опять она флиртовала с эклектичными близнецами-англичанами, которые называли лощины «Cool Wars», а гребни – «Ah Rates»[43]. Хью, несмотря на свое прекрасное сложение, не обладал ни крепкими ногами, ни выносливыми легкими, чтобы угнаться за ними даже в памяти. И когда четверка ускорила темп восхождения и исчезла со своими жестокими ледорубами, мотками веревки и другими орудиями пыток (снаряжение, преувеличенное невежеством), он оперся на скалу и, глядя вниз, казалось, видел сквозь движущийся туман образование тех самых гор, по которым ступали его мучители, кристаллическая кора поднималась вместе с его сердцем со дна древнего моря. Впрочем, обычно его спутники настаивали на том, чтобы он прекращал брести за ними еще до того, как они выйдут из леса – унылой чащи из старых елей с крутыми грязными тропинками и зарослями мокрого иван-чая.

Теперь он взбирался все выше, пробираясь через этот лес, дыша так же тяжело, как и в прошлом, когда он не отставал от золотистого затылка Арманды или огромного рюкзака на голой мужской спине. Как и тогда, тесный носок правого ботинка вскоре содрал кусочек кожи на суставе третьего пальца, из-за чего там возник красный глазок, горевший теперь сквозь каждую истертую мысль. Наконец он выбрался из леса и достиг изрезанного скалами поля с сараем, который, как ему показалось, он вспомнил, но ручья, в котором он однажды вымыл ноги, и сломанного моста, внезапно перекинувшегося через пропасть времени в его сознании, нигде видно не было. Он двинулся дальше. Стало как будто немного светлее, но вскоре туча вновь накрыла солнце своей пятерней. Тропа привела к выпасным лугам. Он заметил большую белую бабочку, распростертую на камне. Прозрачные края ее бумажных на вид крыльев, испещренных черными крапинами и пятнами линялого багреца, имели неприятную гофрированную текстуру и слегка дрожали на безрадостном ветру. Хью не любил насекомых, а это казалось ему особенно отталкивающим. Тем не менее прилив необычного милосердия взял верх над его желанием раздавить бабочку слепой подошвой. Движимый смутным соображением, что она, вероятно, обессилена и голодна и была бы рада, если бы ее пересадили на ближайшую булавочную подушечку одного из тех небольших розовых цветов, он склонился к ней, но она с шелестом и шумным шорохом увернулась от его носового платка, неуклюже взмахнула крыльями, преодолевая земное притяжение, и энергично унеслась прочь.

Он подошел к указателю. До Ламмершпица сорок пять минут пути, до Римперштейна два с половиной часа. Нет, этот маршрут не ведет к глетчерной гондоле. Сообщенные указателем расстояния казались такими же смутными и унылыми, как бред.

За указателем вдоль тропы тянулись округлые серые валуны с пятнами черного мха и бледно-зеленого лишайника. Он посмотрел на облака, скрывавшие очертания далеких вершин или провисавшие между ними, как лишний жир на теле. Не стоило продолжать это одинокое восхождение. Пролегал ли хоть раз ее путь по этой тропе, отпечатался ли когда-нибудь замысловатый рисунок ее подошв на этой глине? Он осмотрел остатки одинокого пикника – яичную скорлупу, слущенную пальцами другого одинокого туриста, сидевшего здесь несколькими минутами ранее, и смятый пластиковый пакетик, который быстрые движения женских рук когда-то с помощью щипчиков наполнили колечками белых яблок, черным черносливом, орехами, изюмом и липкой мякотью сушеного банана – всем тем, что к этой минуте уже было усвоено. Серость дождя скоро поглотит все вокруг. Он почувствовал первый поцелуй на своей лысине и повернул обратно к лесу и своему вдовству.

Такие дни, как этот, дают зрению передохнуть и предоставляют больше свободы другим органам чувств. Земля и небо утратили все свои краски. Дождь либо шел, либо притворялся, что идет, либо дождя вовсе не было, и все же казалось, что он идет – в том смысле, который только некоторые старые северные диалекты могут выразить изустно или, скорее, не выразить, а как бы отразить призраком звука, издаваемого моросью в мареве благодарных розовых кустов. «Дождь идет в Виттенберге, но не в Виттгенштейне». Темноватая шутка в «Траляциях».

24

Прямое вмешательство в жизнь какой-нибудь персоны не входит в наши намеренья; с другой, траляционно говоря, стороны, судьба человека не является цепью predetermined звеньев: у некоторых «будущих» событий больше шансов сбыться, чем у других, окей, но все они химеричны, и каждая причинно-следственная серия всегда только дело случая, даже если люнет уже сомкнулся на твоей шее и толпа кретинов затаила дыхание.

Ничего, кроме хаоса, не вышло бы, если бы одни из нас выступали за мистера Х., а другие за мисс Джулию Мур, чьи увлечения далекими диктатурами обнаружили свое полное несоответствие интересам ее больного старого поклонника мистера (ныне лорда) Х. Самое большее, что мы можем сделать, направляя своего фаворита по наилучшему пути, при обстоятельствах, не влекущих причинения вреда другим, это действовать подобно дуновению ветра и оказывать самое легкое, самое косвенное воздействие – стараясь, к примеру, вызвать сон, который, как мы надеемся, наш любимчик вспомнит как пророческий, если вероятное событие действительно произойдет. На печатной странице слова «вероятное» и «действительно» тоже следует, по крайней мере слегка, выделить курсивом, дабы указать на легкое дуновение ветра,

склоняющего эти образы (в двояком смысле слова – как буквенных знаков, так и персон). В сущности, мы зависим от курсива даже в большей мере, чем авторы детских книг с их лукавой затейливостью.

Человеческую жизнь можно сравнить с персоной, пляшущей вокруг самой себя во множестве форм и обликов: так в нашей первой книжке с картинками спящего мальчугана окружали овощи – зеленый огурец, синий баклажан, красная свекла, Картофель-rège, Картофель-fils[44], девчоночного вида спаржа и, о, множество других, их ronde[45] кружится все быстрее и быстрее и постепенно образует из слившихся воедино цветов прозрачное кольцо вокруг мертвой персоны или планеты.

Еще одна вещь, от которой мы должны воздерживаться, – это объяснять необъяснимое. Люди научились жить с черным бременем, громадным ноющим горбом: предположением, что «реальность» может быть всего лишь «иллюзией». Было бы несравнимо ужаснее, если бы само осознание того, что вы сознаете сновидческую природу реальности, тоже было сном, врожденной галлюцинацией! Однако не следует упускать из вида, что не бывает миража без точки схода, точно так же, как не бывает озера без замкнутого круга надежной суши.

Мы показали нашу потребность в кавычках («реальность», «иллюзия»). Воистину, символы, которыми Хью Пёрсон до сих пор усеивает поля корректурных листов, обладают метафизическим или зодиакальным значением! «Прах к праху» (мертвецы смешивают как надо, в этом, по крайней мере, можно не сомневаться).

Пациент одной из психиатрических клиник Хью, плохой человек, но хороший философ, бывший в то время смертельно больным (отвратительная фраза, которую не излечить никакими кавычками), сделал для Хью в его Альбоме Клиник и Тюрем (своего рода дневник, который он вел в те ужасные годы) следующую запись:

Принято считать, что если человек установит факт жизни после смерти, он также разрешит тайну Бытия или окажется на пути к ее решению. Увы, нет никаких оснований полагать, что две эти проблемы пересекаются или сочетаются.

Оставим тему на этой эксцентричной ноте.

Чего же ты ждал от своего паломничества, Пёрсон? Простого зеркального повторения убеленных временем страданий? Сочувствия от старого камня? Принужденного воссоздания невосполнимых мелочей? Поисков утраченного времени в совершенно ином смысле, чем ужасное

«Je me souviens, je me souviens de la maison où je suis né»[46] Гудгрифа или действительно Прустовых исканий? Не считая одного случая в конце своего последнего восхождения, он не испытал здесь ничего, кроме скуки и горечи. Нет, что-то еще заставило его вновь приехать в унылый серый Витт.

Не вера в призраков. Какому привидению захочется посещать полузабытые глыбы материи (он не знал, что Жак погребен под шестифутовым слоем снега в Шуте, Колорадо), изменчивые маршруты, альпийскую клубную хижину, добраться до которой ему помешало какое-то заклятье и название которой в любом случае безнадежно смешалось с «Драконитом», возбуждающим средством, более не выпускаемым, но все еще рекламируемым на заборах и даже на отвесных скалах. И все же что-то связанное с призрачными появлениями побудило его проделать долгий путь с другого континента. Постараемся внести сюда некоторую ясность.

Почти каждый сон, в котором она являлась ему после смерти, разыгрывался не в декорациях американской зимы, а в окружении швейцарских гор и итальянских озер. Ему не удалось найти даже то место в лесу, где ватага маленьких туристов прервала незабываемый поцелуй. Ему требовалось восстановить момент соприкосновения с ее внутренним образом в обстановке, точно соответствующей его воспоминаниям.

Вернувшись в отель «Аскот», он жадно съел яблоко, со стоном отторжения стянул измазанные в глине ботинки и, не обращая внимания на свежие язвы и сырые носки, с облегчением надел пару городской обуви. Сейчас он вновь примется за мучительную задачу!

Полагая, что небольшая зрительная встряска поможет ему вспомнить номер комнаты, которую он занимал восемь лет тому назад, он прошел по всей длине коридора третьего этажа и, провожаемый лишь пустыми взглядами номеров, вдруг остановился: уловка удалась. Он увидел очень черные цифры 313 на очень белой двери и немедленно вспомнил, как говорил Арманде (которая обещала его посетить и не желала, чтобы ее объявляли): «Для того, чтобы запомнить, следует представить себе три фигурки в профиль: заключенный, ведомый двумя конвоирами, один спереди, другой сзади». Арманде на это возразила, что ассоциация для нее чересчур прихотливая и что она просто запишет номер в блокнотик, который носит в сумочке.

За дверью затыкала собачонка — знак того, сказал он себе, что комната занята основательно. Несмотря на это, он ушел с чувством удовлетворения, с ощущением, что вернул себе важный фрагмент своего точно определенного прошлого.

Затем он спустился вниз и попросил белокурую девушку за стойкой портье позвонить в отель в Стрезе и узнать, могут ли они предоставить ему дня на два комнату, в которой восемь лет тому назад останавливались мистер и миссис Пёрсон. Его название, сказал он, звучит как «Beau Romeo»[47]. Она повторила его в верной форме, но сказала, что выяснение может занять некоторое время. Он подождет в холле.

Там было всего два постояльца: женщина, которая закусывала в дальнем углу (ресторан был закрыт, так как в нем еще не прибрались после фарсовой драки), и швейцарский коммерсант, листавший старинный номер журнала (собственно, именно тот, который Хью оставил здесь восемь годами ранее, — однако эта линия жизни никем не была прослежена). Стоявший рядом со швейцарским джентльменом столик был завален отельными проспектами и довольно свежей периодикой. Его локоть покоился на «Трансатлантике». Хью потянул журнал к себе, и швейцарец резко, как на пружине, выпрямился в кресле. Извинения и контризывинения перешли в беседу. Английский мосье Уайльда во многих отношениях напоминал английский Арманды, как по грамматике, так и по интонации. Его буквально потрясла статья в этом номере «Трансатлантика» (заимствует его на минуту у Хью, слянявит палец, находит нужное место и, прихлопывая по странице тыльной стороной пальцев, возвращает журнал открытым на поразившей его статье).

«Речь идет о человеке, убившем свою жену восемь лет тому назад и —»

Консьержка, стойку и бюст которой он видел в миниатюре со своего места, жестами подавала ему сигналы. Она поспешно вышла из своей загородки и устремилась к нему.

«Никто не отвечает, — сказала она. — Хотите, чтобы я попробовала еще раз?»

«Да, о да, — сказал Хью, вставая и сталкиваясь с кем-то (с женщиной, которая, завернув оставшийся от ветчины жир в бумажную салфетку, покидала холл). — Да. О, простите. Да, непременно. Позвоните в справочную или еще куда-нибудь».

«Так вот, этому убийце восемь лет назад даровали жизнь, не казнили (Пёрсону столько же лет тому назад тоже была дарована жизнь, в более старом смысле, но он растратил, растратил все в болезненном сне!), а теперь его вдруг освободили, потому что, видите ли, он был примерным заключенным и даже научил сокамерников таким вещам, как шахматы, эсперанто (он убежденный эсперантист), лучшему рецепту тыквенного пирога (по роду занятий он кондитер), знакам зодиака, карточной игре джин-рамми и всему такому прочему. Для некоторых людей, увы, Гал (что на разговорном английском значит девчонка) — это всего лишь единица ускорения, применяемая в геодезии».

Просто жуть берет, продолжал швейцарский джентльмен, используя выражение, которое Арманда переняла у Джулии (ныне леди Х.), действительно жуть берет от мысли, как в наши дни носятся с преступниками. Вот только сегодня один вспыльчивый официант, обвиненный в краже у гостиницы ящика «Dôle» (которого мосье Уайльд, между прочим, не стал бы рекомендовать), так ударил метрдотеля в глаз, что тот заплыл и почернел. И как же, по мнению его собеседника, поступила администрация отеля, — вызвала полицию? Нет, мистер, и не подумала. Eh bien[48], на более высоком (или низком) уровне дела обстоят ничуть не лучше. Приходилось ли когда-нибудь его двуязычному собеседнику задумываться о проблемах тюрем?

Ох, приходилось. Он сам угодил в тюрьму, потом в клинику, снова в тюрьму, был дважды судим за то, что задушил американскую девушку (ныне леди Х.): «На каком-то этапе моим сокамерником оказался настоящий монстр – в течение целого года. Если бы я был поэтом (но я всего лишь корректор), я бы описал вам божественную природу одиночного заключения, блаженство незапятнанного ватерклозета, свободу мысли в идеальной тюрьме. Цель тюрем (улыбаясь мосье Уайльду, который смотрел на свои часы и все равно мало что видел), конечно, не в том, чтобы исправить убийцу, как и не только в том, чтобы его наказать (как можно наказать человека, у которого есть лишь то, что при нем, внутри него, вокруг него?). Их единственная цель, прозаическая, но единственная, которая имеет смысл, – помешать убийце совершить новое злодеяние. Перевоспитание? Досрочное освобождение под честное слово? Миф, шутка. Чудовища не поддаются исправлению. А воришек не стоит перевоспитывать, в их случае достаточно наказания. В последнее время в *soi-disant*[49] либеральных кругах наблюдаются определенные прискорбные тенденции. Их суть сводится к тому, что душегуб, который считает себя жертвой, является не только убийцей, но и слабоумным».

«Пожалуй, мне пора идти», сказал бедный обмякший Уайльд.

«Психиатрические лечебницы, общие палаты, клиники для сумасшедших преступников – все это мне тоже хорошо знакомо. Жить в одной палате с тремя десятками непредсказуемых идиотов – это ад. Я инсценировал насилие, чтобы меня поместили в карцер или заперли в отделении строгого режима проклятой лечебницы – в несказанном раю для такого рода пациентов, как я. Притворяться сумасшедшим было моим единственным шансом остаться в здравом уме. То был тернистый путь. Красивой и дюжей санитарке нравилось отвешивать мне промеж двух бэкхендов одну пощечину справа – и я возвращался к своему благословенному одиночеству. Я должен добавить, что каждый раз, как рассматривалось мое дело, тюремный психиатр указывал в отчете, что я отказывался обсуждать то, что он на своем профессиональном жаргоне называл “супружеским сексом”. Я с грустью рад и горд сказать, что ни охранники (среди которых попадались люди гуманные и остроумные), ни инквизиторы-фрейдисты (поголовно болваны или мошенники) не смогли сломить или как-нибудь изменить сию печальную персону, каковой я являюсь».

Мосье Уайльд, решивший, что перед ним пьяный или безумец, громко топая, удалился. Хорошенькая консьержка (плоть есть плоть, красное жало по-французски *l'aiguillon rouge*[50], и любовь моя не была бы против) вновь принялась жестикулировать. Он встал и подошел к ее стойке. Отель в Стрезе сейчас восстанавливают после пожара. *Mais*[51] (подняв прелестный указательный пальчик) –

Всю свою жизнь, и мы рады это отметить, наш Пёрсон испытывал прелюбопытное ощущение (знакомое трем известным теологам и двум второстепенным поэтам), что за его спиной – так сказать, у его плеча – находится незнакомец, который выше, несравнимо мудрее, увереннее, сильнее и лучше в нравственном отношении, чем он. Фактически то был его главный «умбральный спутник» (один клоунский критик сделал R. выволочку за этот эпитет), и если бы при нем не было этой прозрачной

тени, мы бы не стали утруждать себя рассказом о нашем дорогом Пёрсоне. Преодолевав короткое расстояние, отделявшее его кресло в холле от очаровательной шеи, пухлых губ, длинных ресниц и скрытых прелестей девушки, Пёрсон чувствовал, как что-то или кто-то предупреждает его, что ему следует немедленно покинуть Витт и отправиться в Верону, Флоренцию, Рим, Таормину, раз Стреза недоступна. Он не внял своей тени и по большому счету, возможно, был прав. Мы полагали, что у него впереди еще несколько лет плотских утех; мы были готовы как по волшебству перенести эту девушку в его постель, но, в конце концов, тут уж ему решать, ему умирать, если ему так хочется.

Mais! (чуть сильнее английского «but» или даже «however»[52]) у нее были для него и хорошие новости. Он ведь хотел перебраться на третий этаж, не так ли? Он может это сделать сегодня же вечером. Дама с собачкой уедет до ужина. Довольно забавная история. Оказалось, что ее муж занимается присмотром за собаками, хозяевам которых нужно отлучиться на время. Наша дама, сама отправляясь в поездки, обычно брала с собой маленького зверька, выбирая какого-нибудь из самых грустных. А сегодня утром позвонил ее муж и сказал, что хозяин собачки вернулся домой раньше и, страшно негодуя, требует своего питомца обратно.

26

Отельный ресторан, мрачноватое, обставленное в деревенском стиле заведение, был почти пуст, но на другой день ожидалось два больших семейства, а затем, во второй, более дешевой половине августа, должен был или должен будет (складки грамматических времен сильно путаются, когда речь заходит об этом здании) заструиться довольно милый ручеек немецких туристов. Новая невзрачная девушка в фольклорном костюме, обнажавшем значительную часть ее пышной сливочной груди, заменила младшего из двух официантов, а левый глаз грозного метрдотеля скрывала черная повязка. Нашего Пёрсона должны были переместить в комнату 313 сразу после ужина; он отпраздновал предстоящее событие, выпив свою достаточно разумную дозу спиртного – Кровавый Иван (водка с томатным соком) перед гороховым супом, бутылка рейнского под свинину (выданную за «телячьи котлеты») и двойной бренди к чашке кофе. Мосье Уайльд отвернулся, когда помешанный или одурманенный наркотиком американец проходил мимо его стола.

Комната оказалась именно такой, в какой он хотел бы или когда-то хотел (опять спутанные времена!) ждать ее появления. Кровать в юго-западном углу была аккуратно убрана покрывалом, и горничную, которая должна была или могла бы через некоторое время постучать, чтобы ее постелить, не впустили или не впустили бы – если бы входы и выходы, двери и кровати все еще существовали. На ночном столике рядом с новой пачкой сигарет и дорожными часами лежала красиво завернутая коробка с зеленой фигуркой девушки-лыжницы, просвечивающей сквозь двойную пелену. Прикроватный коврик – преувеличенное полотенце того же бледно-голубого цвета, что и покрывало, – все еще был засунут под

ночной столик, но поскольку она заранее отказалась (капризная! чопорная!) остаться у него до рассвета, то она не увидит, она никогда не увидит, как этот коврик исполнит свой долг по приему первых солнечных лучей и первого касания пальцев Хью, заклеенных пластырем. Букет колокольчиков и васильков (их разные оттенки вступали в ссору влюбленных) был поставлен помощником управляющего, уважавшего чувства, или самим Пёрсоном в вазу на комод рядом с заношенным галстуком последнего, который был третьего оттенка синевы, но из другого материала (сериканет). При должной фокусировке можно было различить энергичное продвижение по внутренностям Пёрсона кашицы из ростков фасоли и картофельного пюре, красочно смешанной с розоватым мясом, и в этом пейзаже со змеями и пещерами виднелись два-три яблочных зернышка – скромные путники, оставшиеся от более ранней трапезы. Сердце у него по форме напоминало слезу и было слишком маленьким для такого детины.

Вернувшись к надлежащему уровню, мы видим черный дождевик Пёрсона на крючке и его угольно-серый пиджак на спинке стула. В северо-восточном углу освещенной лампой комнаты, под карликовым письменным столом со множеством бесполезных ящиков, на дне корзины для бумаг, недавно очищенной лакеем, сохранился обрывок бумажной салфетки и пятно жира. На заднем сиденье «Amilcar'a», которым правит жена собачника, уезжающая обратно в Трюкс, спит маленький шпиц.

Пёрсон зашел в ванную, опорожнил мочевой пузырь и подумал о том, чтобы принять душ, но теперь она могла уже прийти в любую минуту – если вообще придет! Он натянул свой элегантный свитер с высоким воротом-горловиной и нашел последнюю таблетку антацида в zapomнившемся, но не сразу найденном кармане пиджака (занятно, как непросто некоторым людям с первого взгляда определить правую и левую стороны висящего на спинке стула пиджака). Она всегда говорила, что настоящий мужчина должен быть одет безупречно, но при этом ему не следует мыться слишком часто. По ее словам, мужской душок из gousset[53] может быть весьма привлекательным в определенных ситуациях, и только дамам и горничным надлежит пользоваться дезодорантами. Никогда в жизни он ничего и никого не ждал с таким волнением. Его лоб покрывала испарина, его била дрожь, коридор за дверью был длинным и тихим, немногочисленные постояльцы находились главным образом внизу, в холле, болтая, или играя в карты, или просто счастливо качаясь на мягкой грани дремоты. Он обнажил кровать и откинулся головой на подушку, в то время как каблуки его ботинок по-прежнему касались пола. Новичкам нравится наблюдать за такими увлекательными мелочами, как ямка на подушке, видимая сквозь чело, лобную кость, пульсирующий мозг, затылочную кость, затылок и черные волосы персоны. В начале нашего нового бытия, всегда завораживающего, иногда пугающего, такого рода невинное любопытство (ребенок, играющий со змеистыми отраженьями в ручье, африканская монахиня в арктическом монастыре, с восторгом трогая хрупкую пушистую головку своего первого одуванчика) не является чем-то необычным, особенно если за персоной и тенями связанной с ним материи следят от юности до смерти. Пёрсон, эта персона, находился на воображаемой грани воображаемой вершины блаженства, когда слышались шаги Арманды – вычеркивающие оба «воображаемой» на корректурных полях (всегда недостаточно широких для правок и

замечаний!). Именно здесь оргазм искусства пронизывает позвоночник с несравнимо большей силой, чем любовный экстаз или метафизический ужас.

В этот момент ее медленного и уже неизгладимого проявления сквозь прозрачную дверь его комнаты он испытал восторг туриста при взлете, и – если использовать неогомеровскую метафору – земля накренилась и затем вновь приняла свое горизонтальное положение, и практически в один миг и мах мы оказались в тысячах футов над землей, а облака (легкие ватные облака, очень белые, разделенные более или менее широкими интервалами) как будто лежали на обширном предметном стекле в небесной лаборатории, и сквозь это стекло, далеко внизу, были видны кусочки пряничной земли, изрезанный склон холма, круглое озеро цвета индиго, темная зелень сосновых лесов, вкрапления деревень. А вот и стюардесса несет яркие напитки, и это Арманда, которая только что приняла его предложение выйти за него замуж, хотя он предупредил ее, что она многое преувеличивает: удовольствие от нью-йоркских вечеринок, значительность его должности, будущее наследство, канцелярское предприятие его дяди, горы Вермонта – и тут аэроплан взрывается с ревом и надсадным кашлем.

Кашляя, наш Пёрсон сел в постели посреди удушающей тьмы и нащупал переключатель лампы, но щелчок возымел столь же мало действия, как попытка согнуть парализованную ногу. Поскольку кровать в его прежнем номере на четвертом этаже стояла в другом, северном углу, он бросился к двери и распахнул ее, вместо того, чтобы попробовать бежать (что, как он думал, он сможет сделать) через окно, приоткрытое и открывшееся еще шире, как только смертоносный сквозняк втянул дым из коридора в комнату.

Пламя, питаемое на первых порах смоченными в мазуте тряпками, подложенными в подвал, а затем поддержанное более летучим горючим, предусмотрительно разбрызганным здесь и там, по лестницам и стенам, быстро распространилось по всему отелю, хотя, «к счастью», как писала местная газета на следующее утро, «погибло всего несколько человек, так как было занято всего несколько комнат».

Теперь факелы поднимались по лестницам парами, тройками, рядами краснокожих, рука об руку, язык за языком, с веселым гудом и трескотней. Пёрсона, однако, заставил отступить обратно в комнату не жар их вспышек, а черный едкий дым; прошу прощенья, сказал учтивый пламень, удерживая дверь, которую он тщетно пытался закрыть. Окно захлопнулось с такой силой, что стекла разлетелись россыпью рубинов, и прежде чем задохнуться насмерть, он сообразил, что внутреннему пожару способствовала бушующая снаружи буря. В конце концов удушье заставило его попытаться спастись, выбравшись наружу и спустившись вниз, но на этой стороне ревущего здания не было ни выступов, ни балконов. Когда он достиг окна, длинный, с лавандовым кончиком язык пламени заплясал перед ним, взметнувшись вверх, чтобы изящным жестом руки в перчатке преградить ему путь. С обрушением перегородок из штукатурки и дерева стали слышны крики, и одним из последних его заблуждений была мысль о том, что это крики идущих к нему на помощь людей, а не вопли собратьев по бедствию. Кольца размытых красок кружились вокруг него, на миг напомнив ему детскую картинку в

страшной книжке о торжествующих овощах, кружащих все быстрее и быстрее вокруг мальчика в ночной рубашке, отчаянно пытающегося пробудиться от радужного головокружения сновидческой жизни. Последним ее видением была накалившаяся добела книга или коробка, ставшая совершенно прозрачной и полрой. Вот, я полагаю, оно: не грубая боль физической смерти, а ни с чем не сравнимые муки таинственного ментального маневра, необходимого для перехода от одного состояния бытия к другому.

Тише, сынок, едешь – дальше, знаешь ли, будешь.

Андрей Бабилов

Сквозняк из рая

There are more things in Heaven and Earth, Horatio, / Than are dreamt of in your philosophy.

Hamlet

1

Свой следующий после толстой «Ады» (1969) короткий роман «Сквозняк из прошлого» Владимир Набоков задумал осенью 1968 года и начал сочинять год спустя в Монрё по свежим впечатлениям от пребывания на швейцарском горнолыжном курорте Адельбоден («Ужасно холодно, сыро, противно», – записал он в дневнике), но вскоре отложил работу из-за его медленного продвижения и других проектов. По-настоящему он вернулся к нему только 30 июня следующего года, когда в «Гранд-отеле» другого горного курорта Зас-Фе записал в дневнике: «После долгих нащупываний и фальстартов “Сквозняк из прошлого” внезапно ожил (20:15, после раклета с белым вином)»[54]. Окруженный снежными вершинами городок занял, по-видимому, свое место в ряду прототипов скучноватого Витта, описанного в романе, с его фуникулерами и лыжными трассами. Работа продолжалась затем в старинном французском Туртуре, снова в Швейцарии (в Анзере, где рядом с отелем шли строительные работы, что нашло свое отражение в романе) и в Италии. 28 марта 1972 года Вера Набокова писала сыну Дмитрию из итальянской Монцы: «Папочка почти кончил маленький чудный новый роман»[55]. В составленной для «производственных» нужд русско-английской промемории Набоков изложил дальнейший ход работы над книгой:

<...> Я кончилъ Transp. Things <«Сквозняк из прошлого»> 1.IV.<1972>

Transp. Things (mailed McGraw-Hill typescript) 7.IV.<1972> and another copy of typescript to Dm. for checking. <машинопись послана в «McGraw-Hill», а вторая копия машинописи передана Дмитрию для проверки.>

Tr. Things proof received 4.VIII.<1972> [sent duplicate to Dm. for checking] <корректурные гранки «Сквозняка из прошлого» получены... второй экземпляр послан Дмитрию для проверки> гдѣ онъ былъ?

Transp. Things page proof read by Dm. in Saanen[56] August (11–23) <Гранки «Сквозняка из прошлого» проверены Дмитрием в Занене 11–23 августа>

Tr. Thing<s> out Oct. 13.<1972> <«Сквозняк из прошлого» опубликован 13 октября 1972 г.>[57]

На зарождение сюжета романа, как отметил Брайан Бойд, мог повлиять сон, увиденный Набоковым в марте 1968 года: ему приснилось, что в отеле пожар и что он спас «Веру, свои очки, машинописный текст “Ады”, свои зубные протезы и паспорт – в этом порядке!»[58]. В конце ноября того же года, все еще завершая «Аду», он записал в дневник идею нового романа:

«Свинья вы, г-н Тамуорт», раздался низкий голос в соседней комнате.

Замысел короткого романа: сквозь тонкую стену и щелястую дверь квартирант (скажем, Атман) слышит каждый звук и каждое слово в соседней комнате. Эти случаи учащаются, пока постепенно другая комната не берет верх и люди в ней не начинают слушать смежную с ними жизнь Атмана[59].

О квартиранте Атмане (преподавателе французской литературы в американском колледже) Набоков задумал написать рассказ еще в 1951 году, но из дневниковых заметок ничего не вышло, часть материала была использована в «Пнине», часть – в рассказе «Сестры Вейн». В «Сквозняке» Атман стал эпизодическим закулисным персонажем, а г-н Тамуорт (по названию английской породы свиней), секретарь знаменитого писателя «мистера R.», – действующим, но второстепенным лицом. Тема прозрачности стен и доступности чужой жизни в этом наброске только бегло намечена, однако в нем уже определены важные черты героя будущего романа – одиночество и незащищенность.

Емкий и исчерпывающий конспект «Сквозняка», его философско-тематический исток, обнаруживается в поэме «Бледный огонь», написанной в 1961 году для одноименного романа (строки 549–556):

Презирая всех богов, со включением большого «Б»,

IPH[60] заимствовал периферийные осколки

Мистических прозрений и предлагал советы

(Янтарные очки против затемнения жизни),

Как не впасть в панику, пока тебя превращают в духа:

Бочком[61], скользя, как выбрать гладкую кривую и лететь, словно на салазках,

Навстречу плотным предметам, проскальзывать сквозь них

Или давать другим сквозь вас передвигаться[62].

Здесь мы находим некоторые основные линии будущей книги: посмертный опыт, превратности немыслимой метаморфозы, прозрачность душ и предметов. В еще более глубоком слое авторского прошлого завязь «Сквозняка» обнаруживается в стихотворной драме «Смерть» (1923) и в повести «Соглядатай» (1930), в которой самоубийца Смуров, схожим с героем «Смерти» образом полагающий, что он мертв, по выходе из госпиталя видит привычный Берлин глазами призрака: «я знал теперь, что после смерти земная мысль, освобожденная от тела, продолжает двигаться по кругу <...> и что потусторонняя мука грешника именно и состоит в том, что живучая его мысль не может успокоиться, пока не разберется в сложных последствиях его земных опрометчивых поступков. <...> Я видел себя со стороны тихо идущим по панели, – я умилился и робел, как еще неопытный дух, глядящий на жизнь чем-то знакомого ему человека»[63].

Пять лет спустя Набоков вновь обратился к теме потусторонности в «Приглашении на казнь» (1935), в котором проблема фатального одиночества и «непрозрачности» Цинцинната в мире этом разрешается его переходом в мир иной: «И Цинциннат пошел среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему»[64]. «Сквозняк из прошлого» подхватывает эту концовку – Хью Пёрсон в закольцованной композиции книги после смерти направляется в ту же сторону, встречаемый голосом подобного ему и даже знакомого существа, его *spiritus familiaris*, причем условности «тутошнего» мира «Приглашения» и «преступления» Цинцинната, заключенного в камеру за «гносеологическую гнусность», в «Сквозняке» отвечает релятивная топонимика основного места действия, фиктивность «преступления» Хью (схожим образом осужденного за свою подозрительную инаковость) и его застрявшая в прошлом гостиничная комната, из которой нельзя выйти. Варьируя в позднем английском романе темы и мотивы «Соглядатай» и «Приглашения», Набоков задается вопросами, которые в более ранних книгах лишь подразумеваются, – о степени проницаемости для духов человеческих и предметных сущностей, о мучительности перехода из материального состояния в идеальное, об эфемерности категорий прошлого и будущего за границей бытия.

Читатель, малознакомый с Набоковым, не читавший его незаконченного русского романа «Solus Rex» (1940) и «спиритического» английского рассказа «Сестры Вейн» (1951), может счесть всю эту inferнальную параферналию поздней иронической интерпретацией популярного некогда в Англии и Америке жанра ghost story. Особенность же Набокова состоит в том, что, принимаясь в разные годы за «роман призрака», он всякий раз избирал наиболее трудный и по самой своей сути чуждый пародийности (заметной во многих других его вещах) метод изложения, добиваясь такого эффекта, о котором в свое время эмигрантский критик Георгий Адамович, Набокова не терпевший, с чудовищной проницательностью писал так:

Сирин все ближе и ближе подходит к теме действительно ужасной: к смерти... Без возмущения, протеста и содрогания, как у Толстого, без декоративно-сладостных безнадежных мечтаний, как у Тургенева в «Кларе Милич», а с непонятным и невероятным ощущением «рыбы в воде»... Тема смерти была темой многих великих и величайших поэтов, но были эти поэты великими только потому, что стремились к ее преодолению или хотя бы бились головой о стену, ища освобождения и выхода. Тут же перед нами расстилается мертвый мир, где холод и безразличие проникли уже так глубоко, что оживление едва ли возможно. Будто пейзаж на луне. И тот, кто нас туда приглашает, не только сохраняет полное спокойствие, но и расточает все чары своего необыкновенного дарования, чтобы переход совершился безболезненно [65].

2

Название романа, «Transparent Things» (буквально: прозрачные предметы, но также и явные, очевидные вещи), подразумевает прозрачность людских душ (по одному из значений слова «thing» – создание, живое существо), и на всем его протяжении всезрящий наблюдатель и рассказчик R. заглядывает, как в окна, в чужие судьбы, в прошлое и настоящее интересующих его людей. Тема романа, раскрытая Набоковым в нарочно составленном с разъяснительной целью «интервью», – «потустороннее проникновение в запутанный клубок случайных судеб» [66]. Повествование ведется post mortem из нескольких точек прошлого, лучи которых сходятся в условном настоящем – смерти героя, с которой начинается и которой кончается книга. Что многоопытный R. выбирает среди известных ему при жизни людей покойника-ученика или подмастерье, следует из первых же строк романа – обращения R. от первого лица (в первой главе повествование ведется от первого лица, затем – от третьего, время от времени прерываемое вмешательством этого автора-наблюдателя): «Вот персона, которая мне нужна. Салют, персона! – Не слышит». О том же идет речь и в финале книги, когда ведущий Пёрсона до самой его трагической смерти рассказчик вновь обращается к нему (и на этот раз Хью должен его услышать): «Easy, you know, does it, son». Этой фразой пребывающий в мире ином «мистер R.», как он именуется (или именует себя) в романе (его инициал, по замечанию Д.Б. Джонсона, представляет собой зеркальное русское «Я» –

обращенное, следовательно, к «ты», зашифрованному в имени Хью – Hugh – you), встречает отлетающую душу Пёрсона (person'a – человека). Идиомы «easy does it» разделяется разговорным «you know» (т. е., в новом свете метаморфозы героя, Hugh know), и вся фраза прочитывается так: «Тише, сынок, едешь – дальше, знаешь ли, будешь».

Слова мистера R. подготовлены предыдущим предложением, в котором тоже используется разделенная идиома («this is it» – началось, вот оно): «Последним ее [“сновидческой жизни”] видением была накалившаяся добела книга или коробка, ставшая совершенно прозрачной и полой. Вот, я полагаю, оно: [This is, I believe, it] не грубая боль физической смерти, а ни с чем не сравнимые муки таинственного ментального маневра, необходимого для перехода от одного состояния бытия к другому» (курсив Набокова). Засвидетельствовав смерть, R., подобно дантовскому Вергилию встречающий Хью в царстве мертвых, заботливо остерегает его от опасности поспешного или слишком резкого движения или высвобождения («чтобы переход совершился безболезненно»).

В пользу того, что в названии этого короткого, но сложного романа, почти целиком состоящего из искусных формул, подразумеваются скорее одушевленные, чем неодушевленные предметы, говорит еще одно значение слова «thing» – литературное произведение. Люди, герои, фигуры – только части книги, их жизни – произведения, со своими завязками и развязками, что напоминает финал первого английского романа Набокова, в котором служащий госпиталя путает умершего Найта (Knight) с другим, еще живым пациентом мосье Киганом (Kegan) – Киган – Книга. Выразительное и многомерное в оригинале, при переводе на русский язык английское название романа теряет всю эту богатую игру значений и становится осязаемо плоским, как извлеченный из моря окатыш или реквизит фокусника после его выступления. Подбираясь все ближе и ближе к буквальной передаче его смысла и звучания, пришлось бы оперировать чем-то вроде сияющих «Сквозных сущностей», однако, к счастью, сам автор нашел решение не только более удачное, но и менее вычурное.

3

В одной из давних своих работ исследователь и переводчик Набокова Геннадий Барабтарло, который с конца 1970-х годов состоял в переписке с женой писателя, а затем посещал ее в Монтрё, оставил ценное свидетельство:

Может быть, здесь уместно упомянуть, для пользы интересующихся метафизикой Набокова или ради будущего серьезного переводчика романа «Transparent Things», что вдова Набокова на мой вопрос, как лучше перевести название этой книги <...> отвечала, не задумываясь, как о чем-то давно решенном, что по-русски он должен называться «Сквозняк из прошлого». Это слова из стихотворения [Набокова] 1930 года <...> [67]

«Сквозняк из прошлого» – слова из берлинского стихотворения Набокова «Неродившемуся читателю», опубликованного 7 февраля 1930 года в газете «Руль» (вошло в сб. Набокова «Стихи» 1979 года под названием «Будущему читателю»):

Ты, светлый житель будущих веков,
ты, старины любитель, в день урочный
откроешь антологию стихов,
забытых незаслуженно, но прочно.

И будешь ты как шут одет, – на вкус
моей эпохи фракной и сюртучной.
Облокотись. Прислушайся. Как звучно
былое время – раковина муз!

Шестнадцать строк, увенчанных овалом
с неясной фотографией... Посмей
побрезговать их слогом обветшалым,
опрятностью и бедностью моей.

Я здесь, с тобой. Укрыться ты не волен.
К тебе на грудь я прянул через мрак.
Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк
из прошлого... Прощай же. Я доволен[68].

Здесь говорится о незримом присутствии в настоящем давно сгинувшего поэта, его неистребимого духа, о преодолении завесы времени, отделяющей его от читателя, и схожим образом в романе умерший писатель R. находится поблизости от своего читателя (и корректора) Пёрсона, – то стараясь незаметно предостеречь его, то направить, пока тот жив, пока можно что-то исправить в ходах его печальной

судьбы. «Самое большое, что мы можем сделать, направляя своего фаворита по наилучшему пути, при обстоятельствах, не влекущих причинения вреда другим, – замечает R., – это действовать подобно дуновению ветра и оказывать самое легкое, самое косвенное воздействие...» Для героя книги в последние годы его жизни этот барон R. – только малопрятная и полузабытая фигура из прошлого, памятная лишь благодаря тому, что его юная возлюбленная случайно и мимолетно побывала в роли любовницы Хью. Впервые отдаленное прошлое в романе сквозит в третьей главе (в которой упоминается Шекспир), в истории карандаша, найденного Хью в номере гостиницы. Затем проступает в главе шестой, в описании путешествующего из Швейцарии в Италию русского писателя второй половины XIX века, задумавшегося над рукописью своего романа, навеянного чтением Гёте. Но чем дальше, тем меньше отвлеченные предметы далекого прошлого привлекают жадного повествователя, а спутанный клубок знаков и знамений ближайшего прошлого его подопечного Хью, напротив, не выходит из фокуса его внимания. По замечанию Д.Б. Джонсона, «Мистер R., как рассказчик и дух, использует свои особые способности, чтобы точно определить те части прошлого, которые, кажется, предопределяют судьбу Хью. Есть три взаимосвязанных комплекса смертельных мотивов, которые пронизывают жизнь и смерть Хью: огонь, падение и удушье». Джонсон прослеживает развитие этих мотивов: первый проблеск возникает, когда в Трюксе в магазине одежды, куда Хью зашел вместе с отцом, не хватает продавцов из-за пожара (случившегося в апартаментах супружеской четы); он возобновляется, когда Хью ведет Джулию Мур на авангардный спектакль, который прерывается угрозой пожара и эвакуацией; пожар занимает важное место в романе R. «Силуэты в золотом окне», который Арманда читает, когда Хью впервые встречает ее (в их разговоре упоминается сцена, в которой девочка поджигает кукольный домик и сжигает дотла всю виллу); мотив усиливается, когда Арманда во время медового месяца настаивает на том, чтобы они с Хью выбрались из гостиницы через окно, проверив таким образом возможность спасения в случае пожара (Хью терпит фиаско и на этой репетиции, и во время самой финальной катастрофы). Все эти линии сходятся в необыкновенно подробном и связном кошмаре Хью, во время которого он в нью-йоркской квартире «спасает» от пожара свою давнюю случайную соложницу, а на самом деле в сомнамбулическом трансе душит свою жену. Наконец, сам Хью гибнет в отеле из-за поджога, устроенного, по-видимому, вспыльчивым официантом, которого накануне рассчитали за кражу ящика вина[69].

Вещи и время становятся сквозистыми лишь для бесплотного испытателя, но умение постигать прошлое, как и всякая наука, требует знаний, навыков, наставника. И духоводитель R. наставляет Хью не только как более опытный покойник, но скорее как тонкий сердцевед, проживший долгую жизнь и отошедший в мир иной с недюжинным запасом знаний о человеческой и мирской природе.

Еще одно, на этот раз косвенное свидетельство того, что в русской версии названия романа Набоков видел строчку из своего старого стихотворения, мы находим в его позднем стихотворении 1976 года, написанном за полгода до смерти, в котором он использовал метафору «сквозняка» в схожем контексте:

Еще прожить бы десять лѣтъ,
Въ туманѣ славы тая
И только поправляя пледъ
При сквознякахъ изъ рая!

VN

16–XII–76[70]

В романе сквозняки из прошлого становятся поистине райской отрадой для пытливого ума R. (чья библиотека была заставлена словарями и энциклопедиями), которому остается только сдерживать себя, чтобы не предаться оргии всезнания. Кроме пунктирной линии к предмету и русскому названию романа 1972 года, эти стихи примечательны тем, что упоминание в них славы, кажущееся на первый взгляд неловким проявлением набоковского апломба, напоминает (намеренно или нет – другой вопрос) его же загадочную, если не туманную, поэму «Слава» (1942), с ее знаменитыми строками о тайне, которой счастливый автор поделиться не вправе. (Занятно, что после слов «а точнее сказать я не вправе» следует утверждение, совершенно опрокидывающее слова из позднего стихотворения о желании «таять в тумане славы»: «Оттого так смешна мне пустая мечта / о читателе, теле и славе»).

В предисловии к посмертно изданному сборнику стихов мужа 1979 года Вера Набокова обратила внимание читателей «на главную тему Набокова», потусторонность. Ближе всего, пишет она, он подошел к ней в стихотворении «Слава», «где он определил ее совершенно откровенно, как тайну, которую носит в душе и выдать которую не должен и не может»[71].

* * *

Когда на замковой площадке Эльсинора морозной ночью Гамлет, преодолев страх, последовал за призраком отца, тот, прежде чем вернуться «в мучительный и серный пламень», сказал ему, что если бы не запрет выдавать живому тайны загробной «темницы», он мог бы поведать «такую повесть, легчайшее слово которой растерзало бы ему душу и оледенило кровь». Хью Пёрсон, как и сам Набоков, потерявший в молодости своего отца, обретает покровителя в образе старого писателя R., который привычно и добродушно называет его «сыном» до и после своей смерти и который очень близко подводит его к знанию, способному круто изменить его судьбу... Однако «прямое вмешательство в жизнь какой-нибудь персоны, – отмечает мудрый R., – не входит в наши намеренья».

Перевод выполнен по изданию: Nabokov V. Novels 1969–1974 / Ed. by Brian Boyd. N.Y.: The Library of America, 1996. В этом издании учтены исправления и уточнения, сделанные Набоковым (а также Верой и Дмитрием Набоковыми) в авторских экземплярах романа.

Комментарии

При подготовке комментариев нами учитывались наблюдения и сведения, содержащиеся в следующих изданиях и публикациях:

Барабтарло Геннадий. Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011.

Бойд Брайан. Владимир Набоков. Американские годы. Биография / Пер. с англ. М. Бирвуд–Хеджер, А. Глебовской, Т. Изотовой, С. Ильина. СПб.: Симпозиум, 2010.

Набоков Владимир. Собр. соч. американского периода: В 5 т. / Сост. С. Ильина и А. Кононова. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 5. С. 619–624 (комментарии С. Ильина).

Набоков Владимир. Просвечивающие предметы. СПб.: Азбука, 2014. С. 366–379 (комментарии А. Долинина).

Bruss S. Paul. The Problem of Text: Nabokov's Last Two Novels // Nabokov's Fifth Arc. Nabokov and Others On His Life's Work / Ed. by J.E. Rivers and Ch. Nicol. Austin: The University of Texas Press, 1982. P. 296–307.

Johnson D. Barton. Transparent Things // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. N.Y. & L.: Routledge, 1995. P. 725–732.

Maddox Lucy. Nabokov's Novels in English. Athens: The University of Georgia Press, 1983. P. 130–141.

Nabokov Vladimir. Novels 1969–1974 / Ed. by B. Boyd. N.Y.: The Library of America, 1996. P. 815–824 (примечания Б. Бойда).

Nakata Akiko. Some Spiritual Subtexts Hidden in Transparent Things // Revising Nabokov Revising. The Proceedings of the International Nabokov Conference in Kyoto / Ed. by M. Numano, T. Wakashima. Kyoto: The Nabokov Society of Japan, 2010. P. 169–174.

Steward Garrett. Death Sentences. Styles of Dying in British Fiction. Cambridge: Harvard University Press, 1984. P. 331–344.

Вот персона, которая мне нужна. — Основные значения англ. person (произносится «пёрсон»), послужившего фамилией для героя, — человек, личность, особа, человеческое существо (в отличие от животных). С середины XIII в. в церковной латыни «person» в богословском употреблении означало «одно из Лиц Троицы»; значения «чье-либо физическое существо, живое тело» относятся к концу XIV в. Потусторонний повествователь, играя словами, выделяет среди других людей именно его, Хью Пёрсона, своего помощника в литературно-издательских делах, и именно его земную участь он намерен исследовать. На протяжении романа он нередко обыгрывает его имя (Hugh созвучно с англ. you — ты, Арманда на французский манер называет его Ю), а также вторую часть фамилии, обращаясь к нему «son» (сын). Первое предложение книги, «Here is the person I want», напоминает не только слова Понтия Пилата об Иисусе Христе «Ессе homo» (лат. «Се человек», букв. «вот человек»), но и фразу Диогена, ставшую крылатой, «Ищу человека». Нарциссичного, уверенного в себе и насмешливого рассказчика интересуют в первую очередь индивидуальные человеческие черты, проявления доброты, нежности и слабости незадачливого Пёрсона, «одного из самых милых людей, которых я знал», по его словам в предсмертном письме.

Как предположил В.П. Старк, Набоков мог назвать своего героя по имени владельца типографии М.С. Персона, издателя альманаха «Два пути» (Пг., 1918), в котором были напечатаны стихи Набокова и его однокашника по Тенишевскому училищу Андрея Балашова (Старк В.П. Владимир Набоков и библиография / В.В. Набоков. Указатель литературы, опубликованной на русском языке в СССР, странах СНГ и государствах Балтии / Сост. Г.Г. Мартынов. СПб.: Фолио-пресс, 2001. С. 24). Вместе с тем стоит учесть, что имя Пёрсон Набоков использовал задолго до «Сквозняка» в «Лолите» (1955): «и едва ли следовало быть знатоком Кольриджа, чтобы раскусить пошлую подковырку в адресе: “А. Пёрсон, Порлок, Англия”» (Ч. II, гл. 23. Перевод мой). В русской авторской версии «Лолиты» это место переделано («А. Person» был заменен на П.О. Темкина из Одессы, штат Техас), а в оригинале оно отсылает к хорошо известной англоязычному читателю истории создания поэмы «Кубла Хан, или Видение во сне» (1816). По позднему воспоминанию С. Кольриджа, ему приснилась прекрасная поэма, которую он после пробуждения начал записывать, но его отвлек пришедший по делу «человек из Порлока»; после его ухода ясно видевшиеся поэту строки совершенно забылись. «Person from Porlock» — рабочее название первого американского романа Набокова «Bend Sinister» («Под знаком незаконнорожденных» или «Левая перевязь», 1947).

Когда мы фокусируем внимание на материальном объекте... — См. пояснение Набокова относительно употребления в книге авторского местоимения «мы» в его интервью 1972 г. (Приложение, I). Под «мы», кроме того, могут подразумеваться такие же опытные духи, как мистер R., способные пронизывать время и материю.

...облик отеля «Аскот» («Аскот»!)... – Ирония вызвана тем, что второсортный отель носит аристократическое английское название: на ипподроме городка Аскот, расположенного вблизи Виндзорского замка, с XVII в. проводятся королевские скачки («Royal Ascot»).

Мнемоптический – контаминация двух прилагательных – мнемонический (мнемоника или мнемотехника – совокупность приемов, облегчающих запоминание и увеличивающих объем памяти путем образования ассоциаций) и оптический.

...стал управляющим <...> «Мужестика в Фуле» (во всяком случае, так это прозвучало) <...> снимок «Мажестика в Куре» <...> его королевской мужественности. – Обыгрывается название роскошных отелей «Мажестик»: англ. majestic (величественный) и выражение «His Majesty» (Его Величество). Кур (Chur) – город в немецкоязычной части Швейцарии, столица кантона Граубюнден (упоминается в Ч. 4 «Ады»), – в искаженном восприятии становится Фулой (в оригинале «Majestic in Chur» искажается как «Fantastic in Blur»: причудливый или нереальный в неясных очертаниях). Каламбур «Fantastic – Majestic» продолжается в словах «his fantastic majesty», которые для поддержания ряда созвучий мы передаем словами «его королевской мужественности».

...год рождения Шекспира, когда был открыт графит... – В 1564 г., в год рождения У. Шекспира, в Англии были открыты залежи графита.

Илия Борроудейл. – Намек на Илью-пророка (отвечающий в романе теме смерти в огне, так как Илия вознесся на небо в огненной колеснице; ср. рассказ Набокова «Гроза», 1924) и Борроудейльское месторождение графита в английском графстве Камберленд.

...в мире, который построил Джек. – Подразумевается английская народная сказка в стихах «This Is the House That Jack Built» («Вот дом, который построил Джек»), известная в различных версиях. В романе двое персонажей носят имя Джек.

Notre vente triomphale de soldes. Наши опавшие плоды триумфально распроданы... – В этой французской фразе Пёрсон-старший принял сущ. vente (продажа) за прил. venté (ветренный), используя для его перевода англ. windfall (паданец; плод, сбитый ветром).

...«алебастрид», имитация арагонита, вырезанная <...> суровым Арманом Рейвом, который задушил сестру своего друга... – Под «алебастридом»

подразумевается зернистый гипс, имитирующий твердый кальцит или арагонит – полупрозрачный и иногда полосчатый минерал. Арман (Armand) – мужская форма имени героини романа Арманды (с ней прямо ассоциируется фигурка лыжницы), в то время как его фамилия оказывается по-своему «говорящей»: она напоминает англ. *rave* (бред; бешенство; страстное увлечение – все эти значения важны для сюжета романа) и фр. *rave* (репа; редис), отвечающее финальному мотиву кружения овощей вокруг спящего мальчика в «страшной» детской книжке.

Мужское окончание и отсутствие акута испортили непреднамеренный каламбур <...> эти смелые позы... – Слова вывески («Три фотографии / три позы») каламбурно прочитываются как *photos osées* (смелые фотографии) и *poses osées* (смелые позы). Три любовницы Хью в романе – Джулия (Джультетта) Ромео, Джулия Мур и Арманда Шамар.

6

Бостонский душитель. – С этим прозвищем связывают имя американского серийного убийцы и насильника итальянского происхождения Альберта де Сальво, который орудовал в Бостоне в 1962–1964 гг. Его история стала широко известна после выхода на экраны в 1968 г. американской картины «Бостонский душитель». Приговоренный к пожизненному заключению в 1967 г., де Сальво все еще находился в тюрьме, когда Набоков сочинял «Сквозняк из прошлого», и был зарезан в тюремном лазарете в ноябре 1973 г. уже после публикации романа. Проф. Акико Наката раскрыл важную связь темы прозрачности душ и вещей в романе с историей Бостонского душителя: к поимке убийцы был привлечен голландский парапсихолог Питер ван дер Хурк (известный как Питер Хуркос), якобы обладавший даром ясновидения. «Пожимая руку незнакомцу, – утверждал он, – я узнаю о нем всё: его характер, его личную жизнь, даже в каком доме он живет. От простого прикосновения его руки я получаю серию изображений, как на экране кинотеатра. <...> С небольшими погрешностями я могу сказать, что происходило с людьми, которых я встречаю, что происходит и что произойдет. <...> Прикасаясь к предмету, я вижу всё <...> достаточно лишь кратковременного прикосновения к любому объекту <...>» (Hurkos P. *Psychic: The Story of Peter Hurkos*. N.Y.: Bobbs Merrill, 1961. Цит. по источнику, указанному в преамбуле к настоящим комментариям: Nakata A. *Some Spiritual Subtexts Hidden in Transparent Things*. P. 171–172). Далее исследователь отмечает, что Набоков мог быть знаком со статьей в журнале «Life» (номер от 6 марта 1964 г.) о сотрудничестве Хуркоса с полицией по раскрытию дела Бостонского душителя.

...его друг, художник Кандидатов... – По всей видимости, условная фигура (невольнo вызывающая в памяти абстракциониста Кандинского, принадлежащего к другой эпохе). Это искусственное имя может указывать на англ. *candid* (искренний, прямой) и ироничное выражение *candid friend* (прямолинейный, бестактный друг).

...десятимильной прогулки до ближайшего казино. – Намек на Ф.М. Достоевского, проигрывавшего значительные суммы в европейских казино и написавшего после одного из таких проигрышей роман «Игрок» (1866).

Как указано Набоковым в «интервью» 1972 г. (см. Приложение, I), «призрачный наблюдатель переносится в середину прошлого века и видит русского путешественника, второстепенного Достоевского, ночевавшего в этой комнате между швейцарским казино и Италией». Поскольку Набоков считал самого Достоевского писателем второстепенным, русский беллетрист в «Сквозняке» может относиться к авторам третьего ряда, как, вероятно, его приятель художник Кандидатов — к второстепенным художникам (см., впрочем, следующий коммент. относительно кандидатуры Тургенева).

...в синей тетрадке, купленной в Женеве <...> с набросками романа под рабочим названием «Фауст в Москве». — В 1973 г. в рецензии на «Сквозняк из прошлого» С. Карлинский заметил, что в 1867–1868 гг. в Женеве останавливался Ф.М. Достоевский. Его героя, Ивана Карамазова («Братья Карамазовы», 1880), называли «русским Фаустом». Другой вероятный прототип безымянного русского писателя, И.С. Тургенев, тоже много путешествовавший по Европе, был автором эпистолярной повести «Фауст. Рассказ в девяти письмах» (1856). К этому следует добавить, что некоторые мотивы этой повести, связанные со смертью возлюбленной и верой в привидения, близки роману Набокова. Вместе с тем «Фауст в Москве» может быть заимствованным названием: драма австрийского драматурга и философа культуры Курта Бечи (1920–1988) «Faust in Moskau» (1963) была опубликована в его сб. «Дионисийская трилогия» в 1969 г.

мениск — в оптике: линза, поверхности которой имеют одинаковое направление кривизны.

7

...делил со своим сокурсником Джеком Муром (не родственником) две комнаты... — Уточнение в скобках связано с тем, что далее возникает Джулия Мур, падчерица Р., чья фамилия (Moore) анаграмматична фамилии Джулии Ромео (Romeo), с которой, как сказано в конце предыдущей главы, Хью в Женеве расстался на долгие годы (она возникнет вновь в его нью-йоркском кошмаре). Помимо более очевидной отсылки к «Ромео и Джульетте» Шекспира, фамилии двух кратковременных любовниц Хью напоминают о венецианском мавре Отелло (англ. Moor — мавр), который задушил и заколол свою жену Дездемону в постели.

8

Анакреонт умер <...> удушенный «винным скелетом»... — Анакреонт, Анакреон (VI в. до н. э.), греческий лирик, уроженец ионийского города Теос, прославился как жизнелюбивый (даже в глубокой старости) певец чувственной любви, пиршеств и вина. По версии Плиния Старшего, он умер, поперхнувшись виноградной косточкой.

...шахматисту Алехину цыганка предсказала, что его в Испании убьет мертвый бык. — А.А. Алехин (1892–1946), русский, советский и

французский шахматист, четвертый чемпион мира по шахматам, подвергнутый в 1945–1946 гг. международному бойкоту за сотрудничество с нацистами, был найден мертвым в кресле перед столиком с шахматной доской в номере отеля «Парк» португальского Эшторила. По официальной версии, причиной его смерти стала асфиксия, вызванная попаданием в дыхательные пути кусочка мяса. По другой версии, Алехина отравили в ресторане после получения известия о проведении в Лондоне его матча с советским гроссмейстером М.М. Ботвинником за звание чемпиона мира, а смерть в результате несчастного случая была инсценирована (Шабуров Ю. Алехин. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 209–210). Предсказание цыганки о смерти Алехина – по всей видимости, один из многочисленных апокрифов о последних годах его жизни, источник которого неизвестен. В романе преследующая героя тема удушения соотнесена с отелями как символами временного пристанища (Алехин, косвенно Айседора Дункан и С. Есенин, см. коммент. к гл. 26).

Атман – одно из ключевых понятий в религиозно-мифологической системе индуизма, высшее «Я» человека. В ведийской литературе Атман употребляется как местоимение («я», «себя»), затем в значении «тело» и, наконец, как обозначение субъективного психического начала, индивидуального бытия, «души». В последнем отношении Атман выступает в соотношении с объективной первичной реальностью – Брахманом; постижение их тождества составляет одну из главных заповедей индуизма. Здесь следует обратить внимание на то, что другой работодатель Пёрсона, писатель R., оказывается связанным с этим персонажем: «R» прочитывается как зеркальная русская «Я», и, следовательно, использование бесплотным повествователем местоимения «мы» может указывать на участие Атмана (тоже покойного) в изложении этой истории. Замечание о том, что Атман был мошенником, сближает его с еще одним покойником в книге, управляющим гостиницей Кронигом, самоубийство которого полусерьезно названо формой служебного подлога.

В 1951 г. в дневниковых набросках трагикомичной истории о своем «новом квартиранте» мистере Атмане, преподавателе французской литературы в колледже (найденном в конце концов мертвым в своей комнате), Набоков отметил, что его курьезное имя «напоминает об “adman’e” [сотрудник рекламного агентства] и всеобъемлющем “я” на санскрите» (The New York Public Library. W. Henry & A. Albert Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov papers / Manuscript box / Diaries, 1943–1973).

Кромлех (соотносится с «млеко», «milch», «milk») явно символизирует Великую Мать <...> менгир («mein Herr») явно мужского рода. – Приведенная этимология двух археологических терминов не имеет научной основы: кромлех (от валлийского crom – кривой, изогнутый, и llech – (плоский) камень) – древнее сооружение, как правило, позднего неолита или раннего бронзового века, представляющее собой несколько вертикальных камней, установленных на земле и образующих одну или несколько концентрических окружностей. Менгир (мейнхир) – распространенный в Бретани простейший мегалит в виде установленного человеком грубо отесанного камня или каменной глыбы, у которой вертикальные размеры превышают горизонтальные. Это слово образовано

вовсе не от нем. *mein Herr* (мой господин), а от бретонского *maen-hir* — длинный камень. Как отметил Б. Бойд, в третьей главе романа Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта», вышедшего в том же 1969 г., что и набоковская «Ада», упомянуто, что ученый дед главного героя Чарльза под конец жизни занимался раскопками на своих землях, разыскивая «кромлехи и менгиры, кремневые орудия и могильники эпохи неолита».

...миссис Фланкард <...> роман которой под названием «Олень»... — Устаревшим английским охотничьим термином *flankard* называли наросты на боках оленя «между шеей и плечами» (*Cascoigne G. The Noble Art of Venerie or Hunting. London, 1611. P. 128*).

«Мистер R.», как его называли в редакции (у него было длинное двухсоставное немецкое имя с дворянской частицей между замком и утесом)... — Далее будет сообщен его титул: барон; однако имя писателя (из которого взят лишь инициал R.?) не называется. Замок по-немецки *Schloss*, а утес (скала) — *Felsen* или (в более специальном значении) *Bergklippe*. Не исключено, что Набоков подразумевал иные значения с намеком на известный немецкий род, ср. возникающую далее аллюзию на немецких аристократов Турн-унд-Таксис (*von Thurn und Taxis*). Немецкие бароны были в роду у самого Набокова, о чем он писал в «Других берегах»: его бабкой по линии отца была баронесса фон Корф, древнего вестфальского рода. Буквой «г» начиналось имя кузена и друга детства Набокова, рано погибшего барона Рауша (Юрика) фон Траубенберга, фамилия которого тоже делится на две части (букв. «Виноградная гора»). На высокое происхождение «мистера R.» может указывать то обстоятельство, что «R.» в официальных английских бумагах — принятое сокращение от *Rex*, *Regina* (лат. король, королева), что напоминает название неоконченного романа Набокова «*Solus Rex*» (1940), отчасти возобновленного позднее в «Бледном огне» (1962), с его загадочной королевской фигурой Ч. Кинбота / Боткина (Карла Ксаверия Всеслава). К тому же «R.» может указывать на «*Russian*» (русский) и таким образом на русско-немецкое происхождение писателя.

9

Арманда Шамар. *La particule aurait juré avec la dernière syllabe de mon prénom.* — Частица (*de*) как бы оспаривает последний слог моего имени. Т. е. если отделить от ее имени (*Armande*) последний слог, то выйдет *Arman de Chamar*, что указывало бы на дворянское происхождение. Схожим образом, как позднее заметит Хью по другому поводу, немецкая частица *von* (фон) в имени *Adam von Librikov* «спорила с остальным».

Кажется, у Байрона встречается «*chamar*», что в очень благородной восточной среде значит «павлиний веер». — Ирония состоит в том, что помимо значения «веер или опахало из перьев», символа знатности, «*chamar*» (чамары) — название одной из низших индийских каст, наследственным занятием членов которой является выделка кож, обдирка туш животных. Не случайно далее будет сказано, что мать Арманды была

«дочерью богатого торговца скотом» и внучкой сельского ветеринара (к тому же Арманда называла ее по-русски скотиной). Упоминание Дж. Г. Байрона может подразумевать не веер, а фр. *simarre* (длинное женское платье), родственное ит. *zimarra* (сутана) и устаревшему англ. *sumar* или *simar*, *сumar* (свободная женская накидка или платье); последнее слово, что отметил А. Долинин, Байрон использовал в финале «турецкой повести» «Гяур» (1813), в котором герой рассказывает об увиденном им призраке своей умершей возлюбленной Лейлы: «I saw her; yes, she lived again; / And shining in her white *sumar*» («Я увидел ее, да, она вновь была жива; / И сияла в своем белом платье»).

Ouvre ta robe, Déjanire, чтоб я взошел sur mon bûcher. – Д.Б. Джонсон заметил, что эти слова («Расстегни свое платье, Деянира... на свой костер») взяты из стихотворения Альфреда де Мюссе «К Жули» (1832), «в котором страстный поэт клянет свою растраченную жизнь и говорит, что превратится в пепел, как Геракл на своей скале» (Johnson D. Barton. *Transparent Things* // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. P. 727). Имя возлюбленной в этих стихах (Julie) эквивалентно именам двух любовниц Пёрсона, Джулии (Джультетте) Ромео и Джулии Мур. Мюссе использует сюжет греческой мифологии о жене Геракла Деянире, которая из ревности пропитала кровью кентавра Несса хитон мужа, полагая, что таким образом сохранит его любовь. Однако кровь Несса превратилась в яд, и хитон прирос к телу Геракла, причиняя ему невыносимые страдания. Узнав об этом, Деянира покончила с собой. Геракл же отправился на гору Эту, разложил костер, взошел на него и попросил спутников зажечь огонь. Когда пламя охватило Геракла, с неба спустилась туча и унесла его на Олимп, где он был принят в сонм бессмертных богов. Таким образом в отсылке к Мюссе обнаруживается намек на судьбу героя романа.

10

...манекен, все время был обращен спиной, словно его отворачивала вместе с креслом скрытая квартирная хозяйка Шерлока... – Подразумевается рассказ А. Конан Дойла «Пустой дом» (1903), включенный в сб. «Возвращение Шерлока Холмса» (1905).

...сходство с кинозвездой Рубенсоном, когда-то игравшим во Флориде старых гангстеров; однако такого актера не существовало. – Как заметил Д.Б. Джонсон, под Рубенсоном мог подразумеваться Эдвард Г. Робинсон, сыгравший в нуаре Дж. Хьюстона «Ки-Ларго» (1948) роль отвратительного гангстера Джонни Рокко, который в Ки-Ларго (Флорида) со своей бандой захватывает гостиницу. Вместе с тем, на наш взгляд, написание этого имени в оригинале (Reubenson) указывает на библейского Рувима (Reuben), старшего сына Иакова от его жены Лии, который лишился первородства за то, что согрешил с наложницей отца Валлой. Набоков, кроме того, мог подразумевать ассоциацию с фламандским художником Питером Паулем Рубенсом (Rubens), который в пятьдесят три года взял в жены шестнадцатилетнюю девушку.

Ноктурия (или никтурия) – нарушение мочевыделения, приводящее к необходимости просыпаться ночью по малой нужде.

...Тамуорт: как английская порода свиней... – Тамуортская свинья (по названию города в английском графстве Стаффордшир) – одна из старейших пород домашних свиней, рыжего цвета, происходящая, как считается, от диких кабанов.

Траляция. – В оригинале редкий английский термин «tralatitions» (использование слова или выражения в переносном смысле; метафора), происходящий от того же латинского значения *tralatio*, *translatio* (передача, перемещение, перевод, метафора), которое мы использовали для русского эквивалента с учетом игры слов в гл. 18.

11

«Умелые штучки». – В оригинале англ. «Cunning Stunts» (букв. «Хитрые трюки»), представляющее собой спунеризм от нецензурного «stunning cunts» (ловкие или сногшибательные влагалища или суки). В итальянском переводе романа, подготовленном Дмитрием Набоковым («Cose trasparenti», 1975), схожим образом обыгрывается ит. *fiche giucose*.

...крепкого Джимми Мэйджера... – Обыграны значения англ. *major* – майор; совершеннолетний, главный, большой.

...во время короткой гирлянды дней, проведенных с Джимом... – Как указал Б. Бойд, здесь обыграна строка А.Э. Хаусмана (1859–1936), одного из любимых английских поэтов Набокова, из стихотворения «To an Athlete Dying Young» («Атлету, умершему молодым», сб. «Шропширский парень», 1896): «The garland briefer than a girl's» (гирлянда короче, чем у девушки), т. е. погибший спортсмен носил лавры победителя меньше срока увядания цветочной гирлянды или венка девушки.

12

Как это часто бывает в книгах R., «на звонок никто не ответил». – Автоаллюзия на Ч. II, гл. 29 «Лолиты»: Гумберт звонит в дверь дома Лолиты в Коулмонте, но только на второй звонок ему открывают; затем в гл. 35 на его стук в дверь дома Куильти никто не отзывается.

Родезия – непризнанное государство, существовавшее в 1965–1979 гг. в Южной Африке на территории британской колонии Южная Родезия и современного Зимбабве.

voyeur malgré lui – т. е. вуайерист поневоле, что напоминает, по замечанию А. Долинина, название комедии Ж.-Б. Мольера «Лекарь поневоле» («*Le Médecin malgré lui*», 1666).

...производители миленьких снимков <...> десятилетняя девчушка, мечта лютвиджианца... – Настоящее имя английского писателя Льюиса Кэрролла

(1832–1898) Чарльз Лютвидж Доджсон. Будучи холостяком, он питал влечение к отроковицам и сделал множество фотоснимков девочек в театральных костюмах, красивых платьях, иногда и полуобнаженных, однако современные исследователи утверждают, что его влечение оставалось платоническим и диктовалось эстетическими интересами (Гарднер М. Аннотированная «Алиса» // Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье / Изд. подг. Н.М. Демурова. М.: Наука, 1978. С. 255).

13

...не *rafale* по-французски и не *рафалович* по-русски... – В последнем завершённом романе Набокова «Взгляни на арлекинов!» (1974) в шутилом контексте возникает схожая фамилия Рапаллович, отсылающая, помимо итальянского Рапалло, к известной фамилии Рафаловичей и к эмигрантскому поэту С.Л. Рафаловичу (1875–1943), стихи которого Набоков рецензировал в 1927 г. (Набоков В. Взгляни на арлекинов! / Пер., коммент. А. Бабилова. М.: АСТ: Corpus, 2023. С. 52–53). Употребление фр. *rafale* может показаться не столь случайным и безобидным в контексте романа, если вспомнить, что помимо шквала или порыва ветра это слово имеет значение «вспышка», а в военной терминологии – огневой шквал.

...знаменитую новеллу Р. «Три формы времени». <...> светский человек <...> ужинает на освещенной веранде с тремя декольтированными красавицами, Алисой, Беатой и Виолеттой <...> А. – прошлая любовь, Б. – его настоящая любовница, В. – будущая жена. – Сюжет так и не написанного рассказа с таким названием Набоков изложил в дневнике 1951 г. (запись от 24 января, впервые приведенная Б. Бойдом во втором томе биографии Набокова):

Три формы времени

Трудная для рассказа тема, но она зреет во мне с ноября. Молодой мужчина (Y) приглашен на ужин приятелем, ныне женатым на бывшей любовнице Y (но не знающим о ее отношениях с Y в прошлом). Другие гости – молодая пара (он с Y не знаком, она только совсем недавно стала любовницей Y). Девушка, приглашенная хозяином, чтобы дополнить равное мужчинам число женщин, не приходит – они ждут, потом садятся за стол – ужин при свечах, летняя ночь после дождя, французское окно открыто, за ним крошечный чугунный балкон (в Париже).

Занятное волнующее чувство превосходства и тайны, клубок воспоминаний и неистовая надежда на то, что мужа его молодой любовницы пригласят заменить обычного аккомпаниатора знаменитой, но уже очень старой певицы, который, как говорят, болен. В какой-то момент Y и женщина из его прошлого выходят на балкон, где они стоят, облокотившись на мокрые перила, – внизу блестит темная улица, уличный фонарь просвечивает сквозь изумрудные листья липы – она догадалась о том, какая сложилась ситуация. Телефонный звонок с юга – аккомпаниатор болен – муж нынешней возлюбленной должен уйти прямо сейчас, жена остается. Все садятся вместе, пьют кофе и т. д.

Чудесный трепет от сознания того, что сейчас он ответит ей через дорогу в свою комнату (в окне горит свет, остался непотушенным). Девушка, которая должна была стать шестой среди гостей, у двери вызывает на минуту хозяина (умер муж сестры), не входит, У слышит ее голос. Она станет его следующей и самой большой любовью. [На полях без указания места вставки:] Они читают мое стихотворение (английский прозаический перевод) (Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov papers / Manuscript box / Diaries, 1943–1973. Перевод мой).

14

Что-то сказочное, казалось, пропитывало своей варварской притворной любезностью все попытки взобраться на зубцы ее Дракона. – В оригинале выражение *rose water* (розовая вода; притворная любезность; слащавость), что иронично отвечает на «любезность» спутников Хью, которым, в сущности, нет до него дела; англ. *dragon* имеет значение (которое, по-видимому, здесь учтено) человек сурового нрава; мегера, стерва.

15

...книжная жакетка для «Кристи и других девчонок» – автобиографии великого лыжника... – Обыгран специальный термин «криси» или «христиания» – вид поворота на параллельных лыжах.

«поцелуй бабочки». – Английское выражение *butterfly kiss* восходит ко второй половине XIX в. и означает нежный, почти незаметный поцелуй, похожий на прикосновение крылышек бабочки.

16

коллювий, коллювиальное отложение (от лат. *colluvio* – скопление, беспорядочная груда) – обломочный материал, накопившийся на склонах гор или у их подножия.

...в долинах Тосс и Турн... – В оригинале *Toss and Thurn*, вымышленные названия, образованные от англ. *toss and turn* (беспокойно метаться и ворочаться) и от имени аристократического немецкого рода Турн-унд-Таксис (*von Thurn und Taxis*), запустившего в Европе первую регулярную почтовую службу.

Обращалась ли когда-нибудь к аналитику Арманда? Если речь о миссис Пёрсон, а не о ребенке или кошке... – Ирония Пёрсона вызвана фамильярностью доктора, назвавшего по имени незнакомую женщину в присутствии ее мужа.

Необуддизмом в середине XX в. называли учение Наваяна («Новая

колесница») – современную интерпретацию буддизма Б.Р. Амбедкара, лидера одноименного религиозного течения, перешедшего из индуизма в буддизм. 14 октября 1956 г. Амбедкар на церемонии посвящения дал двадцать два обета и призвал своих сторонников поступить так же. Наваяна отвергает многие практики и доктрины буддизма (такие как отречение от монашества, карма, возрождение в загробной жизни, сансара, медитация, просветление). В 1957 г. вышла книга Амбедкара «Будда и его Дхамма», ставшая священной для его последователей.

Ознакомьтесь с выводами Клариссы Дарк – она <...> обследовала две сотни здоровых заключенных... – Автоаллюзия на другую последовательницу ненавистного Набокову фрейдизма д-ра Бианку Шварцман (в имени и фамилии которой тоже обыграны белый и черный цвета) в «Лолите»: «каждый год не меньше 12 % взрослых американцев мужского пола <...> ежели верить доктору Бианке Шварцман <...> проходят через тот особый опыт, который “Г.Г.” описывает с таким отчаянием» (Набоков В. Лолита / Заметка, примеч. А. Бабилова. АСТ: Corpus, 2021. С. 18). Кларисса – от clair (светлый), Дарк – от dark (темный).

...во время фазы сна под названием «ГаРеМ» («Глаза Реагируют и Мечутся») – каламбур с физиологическим понятием «фаза быстрого сна», которая характеризуется повышенной активностью головного мозга, по-английски REM (rapid eye movement – быстрое движение глаз).

17

Аваль (Квебек) или Шут (Колорадо) – вымышленные топонимы, первый из которых образован путем контаминации англ. avalanche (лавины) с названием города Лаваль в провинции Квебек, а второй от англ. chute (крутой скат; спуск) и фр. chute (падение). См. коммент. к гл. 25.

18

...другого американского писателя, тоже живущего в Швейцарии. – В швейцарском «Палас-отеле» Монрё с 1961 г. и до своей смерти в 1977 г. жил американский писатель Владимир Набоков.

19

«Pauline anide» – т. е. «Полина бесформенная», от английского медицинского термина anidean (бесформенный, аморфный). Кроме того, могут подразумеваться аониды – в греческой мифологии музы искусства, обитавшие в Аонии (Беотии), – особенно если учесть, что в русском языке Полина или Полинария – это разговорная форма имени Аполлинария, что означает относящаяся к (богу) Аполлону.

...персонаж сверяется с “Мишленом”... – Французская шинная компания «Мишлен» с начала XX в. выпускает дорожные карты и туристические путеводители.

...от Кондома в Гаскони до Пусси в Савойе... – реальные топонимы: Кондом (или Кондом-ан-Арманьяк) – коммуна на юго-западе Франции в департаменте Жер (Окситания), и Пюси (Pussy – написание аналогично английскому грубому названию женщины или влагалища) – деревня в коммуне Ла-Лешер (Савойя).

...сквозь прозрачность текстового потока он все еще правил гранки, как это пытаются делать некоторые из нас... – т. е. духи, которым прошлое книги (стадии ее создания и материализации) доступно так же, как прошлое человека и его опыт. «Thing» в названии романа означает не только вещь, предмет и вещество, но и обстоятельство, случай, создание, живое существо и литературное (или музыкальное) произведение.

...на что именно намекает «римиформная» и как выглядит «балановая слива»... – Первое слово намекает на вагину (англ. rimiform – бот. имеющий продольную щель или борозду, от лат. rima – щель), второе – на головку полового члена (от лат. balanus – желудь). В оригинале игра слов: balanic (балановый) – Balkanic (балканский).

...«все золото дерева кью» и «крапчатый небрис»... – «Kew tree» один из синонимов гинкго; название происходит, по-видимому, от «Kew Gardens» – лондонских королевских ботанических садов Кью, в которых растет один из старейших экземпляров гинкго. Это редкое название Набоков мог выбрать ради сближения с именем героя: Hugh – You – Kew. Небрис – шкура молодого оленя, которую носил Дионис и в честь которого в Древней Греции ее надевали мужчины и женщины во время процессий и празднеств. Линия к роману миссис Фланкард «Олень».

...в имени второстепенного персонажа – «Adam von Librikov», – поскольку немецкая частица фон («Адам фон Либриков»), казалось, спорила с остальным... – Анаграмматическое имя этого персонажа с русифицированной фамилией действительно иного, не немецкого происхождения: Libric напоминает лат. libri (книги) и вместе с «Адамом» намекает на первочеловека и Библию. На ту же мысль наводит значение фамильной приставки von, которая в немецком языке означает буквально «из». Таким образом, «Адам из книг» отсылает в том числе к героям Набокова (Vladimir Nabokov) Адаму Фальтеру из «Solus Rex» и Адаму Кругу из «Bend Sinister».

...«Правление Кн. Уда» <...> здесь следует либо снять точку и дать второе и третье слово слитно, либо исправить на «кнут» – она была, как Арманда, русского происхождения. – В оригинале шутка строится на том, что корректор подозревает в «Reign of Cnut» («Правление Кнуда») ошибочно написанное и неприличное «Reign of Cunt» (англ. cunt – груб. влагалище) и предлагает в последнем слове соответственно переставить буквы. Наш перевод сохраняет, с заменой женского органа на мужской, возможность скабрезного прочтения этого места. Со всем тем «Правление Кнуда» – невинное историографическое понятие: конунг (князь) Кнуд Великий (Кнуд Могучий, также Кнут, 994/995–1035) –

король Дании, Англии и Норвегии, правивший так называемой Империей Северного моря, т. е. тремя этими объединенными королевствами. По-английски его имя традиционно пишется как Cnut, реже Canute. Любопытно, что русское слово «кнут», как считается, происходит от древнескандинавского knútr – узел.

20

...вывеска, DOPPLER, сменила цвет на лиловый... – В этой главе обыгрывается понятие «Эффект Доплера» (Doppler shift) – так называется открытие австрийского математика и физика К.А. Доплера (1803–1853), установившего, что движение источника колебаний навстречу наблюдателю ведет к увеличению частоты колебаний, воспринимаемых наблюдателем, а удаление – к уменьшению частоты. Если источник видимого света приближается к нам, длина видимой нами волны укорачивается, и мы наблюдаем так называемое фиолетовое смещение – из всех видимых цветов гаммы светового спектра фиолетовому соответствуют самые короткие волны (вот почему у Набокова вывеска меняет цвет на лиловый). Ср. далее в этой главе: «Джули, в эффектной пелене Доплера...» (Julie, wore a Doppler shift). Англ. shift означает не только «изменение», «смещение», но также женское платье «рубашка».

...ограничить ежедневное потребление сигарет до двух мгновений ока. – В оригинале выражение to a couple of heartbeats обыгрывает фразеологизм in a heartbeat (в мгновение ока) и намекает на сердечные перебои из-за чрезмерного потребления сигарет: наложение мыслей.

танатология (букв. наука о смерти) – раздел теоретической и практической медицины, изучающий непосредственные причины смерти, клиничко-морфологические проявления и динамику умирания. Мотивы этой главы, связанные с убийством мужем (любовником) жены (любовницы), получают развитие в замысле последнего незавершенного романа Набокова «Оригинал Лауры» (1975–1977), одним из предварительных названий которого было «Dying Is Fun» («Умирать – это весело»).

...Джулия Ромео – фамилия значит «паломник» на архаичном итальянском... – Совмещены имена двух юных любовников, гибнущих в конце трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Имя Ромео происходит от греческого или позднелатинского слова, означавшего «римлянин» или «из Рима»; в средневековой Италии возникло иное значение – «паломник в Рим». Примечательно, что мотив паломничества, связанный в романе с темой смерти, сопутствует самому Пёрсону, о котором позднее будет сказано: «Пёрсон имел склонность к паломничеству, как и его французский предок, католический поэт и почти святой».

Супермен, несущий младую душу в объятиях! – Свою трактовку образа популярного героя американских комиксов Набоков изложил в стихотворении «The Man of To-Morrow's Lament» (букв. «Жалоба Человека Будущего»), написанном в 1942 г., но оставшемся неопубликованным до недавнего времени. В его финале заходит речь о

полете Супермена: «Вот почему, где б в красной епанче, / рейтузах синих, в золотом луче / я ни летал, преследуя громил...» (Набоков В. Поэмы 1918–1947. Жалобная песнь Супермена / Сост., предисл., коммент. А. Бабикова. М.: АСТ: Corpus, 2023. С. 208. Перевод мой). Слова о молодой душе в объятиях сверхчеловека (в оригинале «a young soul in his embrace»), как заметил А. Долинин, отсылают к следующим строкам из «Ангела» (1831) М.Ю. Лермонтова: «По небу полуночи ангел летел, / И тихую песню он пел <...> Он душу младую в объятиях нес / Для мира печали и слез».

бравура – показная смелость, бесцельно-дерзкое поведение; бравурная музыкальная пьеса.

21

В том Доме меня будут редактировать херувимы – или донимать опечатками черти, – смотря по тому, к какому отделу приписана моя бедная душа. – По наблюдению Г. Стюарта, эти сравнения автора с книгой и его души с произведением напоминают известную шутивную автоэпитафию Бенджамина Франклина: «Тело Б. Франклина, печатника, покоится здесь, подобно обложке старой книги, содержимое которой вырвано и лишено надписей и позолоты – пища для червей. Но произведение не будет полностью утрачено, ибо оно, как он верил, появится еще раз, в новом и более совершенном Издании, отредактированном и исправленном Автором». Другой возможный источник – шутивные каламбурные слова Д. Китса, которые он просил передать своему издателю перед смертью: «Скажите Тейлору, что я скоро появлюсь во втором издании – на типографских листах и в холодной печати» (англ. in sheets может означать не только «на листах бумаги», но и «в полотнищах» или «в саванах») (Steward G. Death Sentences. Styles of Dying in British Fiction. Cambridge, 1984. P. 341. Перевод мой).

Том Там. – Подразумевается Тамуорт.

...биографировать покойника не хуже Босвелля... – Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель и мемуарист, автор двухтомной «Жизни Сэмюэля Джонсона» (1791), знаменитого английского критика, лексикографа и поэта. Книгу Босуэлла считают величайшей биографией на английском языке; отрывок из нее Набоков взял для эпиграфа к роману «Бледный огонь».

Зарегистрировать в разделе Repos – R. – Игра с английскими словами repository (хранилище, репозиторий, но также и склеп), repose (отдых, сон, но и вечный покой) и repossession (вновь вступать во владение имуществом). Учítывая, что R. в письме касается, кроме прочего, юридических вопросов, первое слово может указывать на лат. herosco – предъявляющий требования. «Приписка получателя», по-видимому, шутка самого R., решившего таким образом закончить свое письмо (а не оборвать его на слове, выделенном курсивом), на что, по догадке Г. Стюарта, указывает его инициал-подпись в конце. Добавим к этому, что «Repos» содержит анаграммы слов Pero (перо) и Perso –

часть фамилии Пёрсона, высшим достижением которого, как сказано в гл. 8, стало «Перо Пёрсона».

22

Первый этап его повторного посещения этих мест... – Схожим образом в рассказе Набокова «Возвращение Чорба» (1925) герой, у которого жена погибла во время свадебного путешествия, поехал обратно через все те места, где они побывали вдвоем, в том числе через Швейцарию, «где он ничего не узнал, кроме гостиниц». «Ему казалось, что если он соберет все мелочи, которые они вместе заметили, если он воссоздаст это близкое прошлое, – ее образ станет бессмертным и ему заменит ее навсегда» (Набоков В. Полное собрание рассказов / Сост., примеч. А. Бабилова. СПб., 2016. С. 200).

...Пёрсон имел склонность к паломничеству, как и его французский предок, католический поэт и почти святой... – В оригинале слова Person... saint, как заметил Б. Бойд, указывают на литературный псевдоним французского поэта и дипломата Сен-Жон Перса, лауреата Нобелевской премии 1960 г. (Saint-John Perse, настоящее имя Алексис Леже или Сен-Леже, 1887–1975), после 1940 г. жившего в США. Saint – святой, Perse близко к Person.

...большая белая дрожащая собака <...> которая даже тогда была уже довольно старой и теперь бросала вызов своему баснословному возрасту... – Возможная ироничная отсылка к черному пуделю в «Фаусте» Гёте, который увязался за Фаустом на улице и потом в его доме принял облик Мефистофеля. В свете фаустовской линии в романе любопытно отметить, что появление собаки другого рода, маленького размера, дважды предвосхищает смерть героев: в гл. 5, перед смертью Пёрсона-старшего, упоминаются «часики с изображением собачонки на циферблате», в двух последних главах, перед смертью самого Хью, – маленький шпиц.

23

Carte du Tendre (точнее, «Carte de Tendre» или «Carte du pays du Tendre») – упомянутая в «Аде» «Карта Страны Нежности», т. е. воображаемой земли, которая была включена в первый том романа Мадлены де Скюдери (1607–1701) «Клелия, римская история» (1654–1660). В этой книге анализ любовного чувства и различные этапы любовной жизни облекаются в форму аллегорической топографии, «создание карты <...> связано с разговором, во время которого галантная римлянка Клелия объясняет своим слушателям, “как далеко от Новообретенной Дружбы до Нежности”» (Голубков А.В. У истоков прециозности: французская галантная топография 1650–х гг. // Вестник КГУ. 2016. № 6. С. 51). «Tendre» у Скюдери представляет собой имя собственное, как в свою очередь Набоков в «Сквозняке» схожим образом обыграл швейцарские топонимы Versoix (Версуа), Les Diablerets (Дьяблере) в эротическом или макабрическом ключе (Версекс,

Дьяблонне).

Ламмершпиц, Римперштейн – вымышленные гибридные названия, образованные от нем. spitz (острый) и stein (камень) и англ. rammer (свайный молот) и limper (хромоногий), а также напоминающие немецкие топонимы Ламмерсдорф (округ Аахен) и Хаммерштайн (Hammerstein); в последнем подмечается каламбур с англ. hammer (молоток) и проводится линия к англ. rammer (hammer – rammer – lammer – limper – rimper).

Дождь либо шел, либо притворялся, что идет, либо дождя вовсе не было <...> «Дождь идет в Виттенберге, но не в Виттгенштейне». – Как отметил Б. Бойд, здесь подразумевается рассуждение из «Философских исследований» (1953) австрийско-британского философа и логика Людвиг Витгенштейна (Wittgenstein, в русской транскрипции традиционно Витгенштейн, 1889–1951), одного из создателей аналитической философии. Вместе с тем фамилия философа, помимо самого Витта, в котором происходит действие, соотнесена с немецким Виттенбергом, в университете которого учился шекспировский Гамлет и преподавал Мартин Лютер. Кроме того, в этих лже-топонимах обыграны следующие значения: нем. Witterung (погода; метеорологические условия), Stein (камень), Berg (гора), причем первая часть в обоих топонимах ассоциирована также с англ. witty (остроумный). В параграфах 352–358 указанного труда Витгенштейн обсуждает действие закона исключенного третьего и проблему формы выражения: «В словах “Третьего не дано” <...> выражается лишь то, что мы не в состоянии отвлечь взгляд от этой картины, – картины, которая выглядит так, словно в ней уже должны содержаться и проблема и ее решение, в то время как мы чувствуем, что это не так. <...> фраза “Он либо испытывает данное ощущение, либо же нет” прежде всего вызывает в нашем сознании некую картину, которая, казалось бы, уже безошибочно определяет смысл этих высказываний. <...> Грамматические колебания между критериями и симптомами создают впечатление, будто вообще существуют только симптомы. Мы говорим, например: “Опыт учит, что, когда барометр падает, идет дождь; но он учит и тому, что в случае дождя мы испытываем определенные ощущения сырости и холода или же такие-то зрительные впечатления”. Приводится и тот довод, что чувственные впечатления могут нас обманывать. Но при этом упускается из виду, что этот факт, что ощущения вводят нас в заблуждение относительно дождя, находит свое основание в дефиниции. <...> Дело не в том, что наши чувственные впечатления могут нас обмануть, а в том, чтобы мы понимали их язык. <...> Человек склонен говорить: “Дождь либо идет, либо не идет – иное дело, как я это узнаю, как до меня доходит весть об этом”. Ну а поставим такой вопрос: что я называю известием о том, что идет дождь”? (Или же и об этом сообщении я располагаю только сообщением?) Что же тогда придает этому “сообщению” характер сообщения о чем-то? Не дезориентирует ли нас здесь форма выражения?» (Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира / Сост. К. Королева. М. – СПб., 2003. С. 380–381. Пер. М.С. Козловой).

...даже если люнет уже сомкнулся на твоей шее... – Такое название (от фр. *lunette* – круглое отверстие) носит часть гильотины, деревянное приспособление с круглым отверстием, фиксирующее шею казнимого.

...мисс Джулию Мур, чьи увлечения далекими диктатурами обнаружили свое полное несоответствие интересам ее больного старого поклонника... – Подразумевается поездка Джулии в СССР, где ее обещали познакомить с молодым поэтом, в которого она была заочно влюблена и на которого хотела произвести впечатление (гл. 13).

...не бывает миража без точки схода... – В теории перспективы точкой схода называют точку на линии горизонта, в которой сходятся все прямые линии, перпендикулярные плоскости изображения. В системе классической линейной перспективы все построения осуществляются между точкой зрения (в центре мыслимого круга горизонта) и точкой схода.

«Прах к праху» (мертвецы смешивают как надо, в этом, по крайней мере, можно не сомневаться). – Обычно произносимые при погребении слова из «Книги общих молитв» («The Book of Common Prayer»): «...we therefore commit his/her body to the ground; earth to earth, ashes to ashes, dust to dust; in sure and certain hope of the Resurrection...» (поэтому мы предаем его/ее тело земле; земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху; с уверенностью и с твердой надеждой на Воскресение) подхватываются в аллюзии на разговор Гамлета с Горацио на эльсинорском кладбище: «...Александр умер, Александра похоронили, Александр превращается в прах; прах есть земля; из земли делают глину; и почему этой глиной, в которую он обратился, не могут заткнуть пивную бочку?» (акт V, сц. 1. Пер. М. Лозинского). В оригинале романа под англ. *mixer* подразумевается значение: бармен, человек, который смешивает напитки.

...плохой человек, но хороший философ, бывший в то время смертельно больным <...> Принято считать, что если человек установит факт жизни после смерти, он также разрешит тайну Бытия <...> нет никаких оснований полагать, что две эти проблемы пересекаются или сочетаются. – Схожая мысль высказана в «Логико-философском трактате» (1921) Л. Витгенштейна: «Решается ли какая-нибудь загадка тем, что я буду вечно воплощаться? Не столь ли же загадочна эта вечная жизнь, что и настоящая? Решение загадки жизни в пространстве и времени находится за пределами пространства и времени. (Никакие естественно-научные проблемы здесь не решаются)» (Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 215. Пер. В. Руднева). Ср. замечание А. Шопенгауэра во втором томе «Parerga и Paralipomena» (§ 160): «Самоубийство может также рассматриваться как эксперимент, как вопрос, который человек ставит природе и на который он хочет вырвать у нее ответ, а именно: какой перемене подвергаются бытие человека и его познание с наступлением смерти? Но это – дурно придуманный эксперимент, потому что он уничтожает тождественность того сознания, которое должно бы было получить ответ» (Шопенгауэр А.

Собр. соч.: В 6 т. / Общ. ред. и сост. А. Чанышева. М., 2001. Т. 5. С. 242. Пер. Ю.И. Айхенвальда). Упоминание о смертельной болезни философа также может быть отнесено к Витгенштейну, который умер от рака в 1951 г.

25

Поисков утраченного времени в совершенно ином смысле, чем ужасное «Je me souviens, je me souviens de la maison où je suis né» Гудгрифа <...> Прустовых исканий? – Как отметил Бойд, французские строки представляют собой перевод начала стихотворения Томаса Гуда (1799–1845) «I Remember, I Remember» («Я помню, я помню», 1827). Имя поэта (Hood) по созвучию превращено в Goodgrief (букв. хорошее горе) – английская идиома «good grief» используется для выражения удивления, тревоги, испуга и служит эвфемизмом для выражения «good God» (боже правый; боже мой!). Темы воспоминания и утраты – ключевые в многотомном романе М. Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени» (1913–1927), английский перевод которого в 1920-х гг. подготовил Ч.К. Скотт Монкриф. Избранное им английское название «Поисков», «Remembrance of Things Past» («Воспоминание о прошлом», букв.: «Воспоминание о прошедших вещах»), заимствованное из сонета Шекспира, перекликается с названием стихотворения Гуда (и настоящего романа Набокова), в то время как собственная фамилия переводчика, Moncrieff, созвучна с grief и по-французски каламбурно прочитывается как mon cri – мой крик или плач (что, как мы полагаем, Набоков мог учитывать, выстраивая свой англо-французский каламбурно-ассоциативный ряд).

...Жак погребен под шестифутовым слоем снега в Шуте, Колорадо... – Акико Наката отметил здесь автоаллюзию на сцену спиритического сеанса в рассказе «Сестры Вейн»: «Явился Оскар Уайльд и французской скороговоркой, изобиловавшей ошибками и обычными англицизмами, туманно обвинил покойных родителей Цинтии в чем-то, что у меня записано как “плагиатизм”. Один назойливый дух поведал непрошенные сведения о том, что он, Джон Мур, и его брат Билл были углекопами в Колорадо и погибли при обвале <...>» (Набоков В. Полное собрание рассказов. С. 670). Как установил Д. Эггеншвайлер, Джон Мур действительно был одним из тридцати шахтеров, погибших в Колорадо в 1883 г. В гл. 7 романа возникает сокурсник и сосед Хью по комнате Джек Мур (Джек – уменьшительная форма имени Джон), причем там же упоминается спиритический сеанс, на котором присутствовал Хью; относительно Уайльда см. ниже коммент. к этой главе.

Альпийская клубная хижина (нем. Clubhütten) – так называются горные хижины-приюты, которые обслуживаются отделениями различных альпийских клубов.

«Beau Romeo» – подразумевается фешенебельный «Grand Hotel des Iles Borromées», открытый в итальянской Стрезе (Пьемонт) на озере Маджоре в 1863 г. Отель описан в романе Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!» (1929).

«Трансатлантик» – переименованное название одного из старейших и уважаемых американских журналов «Атлантический океан» («The Atlantic», до начала 2000-х гг. «The Atlantic Monthly», основан в 1857 г.), в котором печатались английские рассказы и стихи Набокова.

Уайльд. – Как заметила Л. Мэддокс, это имя отсылает к Оскару Уайльду (1854–1900) и его «Балладе Реддингской тюрьмы» (1898), в которой есть такие строки: «Да, красной кровью и вином / Он руки обагрив, / Когда любимую свою / В постели он убил» и «Пускай до Страшного суда / Лежит спокойно он, / Пусть не ворвется скорбный стон / В его последний сон, – / Убил возлюбленную он, / И потому казнен» (пер. Н. Воронель).

...Гал (что на разговорном английском значит девчонка) – это всего лишь единица ускорения, применяемая в геодезии... – Каламбур с англ. gal (девушка, девчонка) и Gal (Гал или галилео) – единица измерения ускорения, обычно используемая в точной гравиметрии; определяется как 1 см на секунду в квадрате. Замечание персонажа по фамилии Уайльд о том, что «девчонка» для него ничего не значит, вновь может намекать на 0. Уайльда, осужденного на два года тюрьмы и исправительных работ за мужеложество и развращение молодых людей.

«Dôle» – швейцарское вино из кантона Вале.

«умбральный спутник» подразумевает значения англ. umbra (тьма; дух умершего, призрак), но также и лат. umbra (тьма; спутник; призрак умершего).

Дама с собачкой уедет до ужина. – Более позднее упоминание о том, что порода ее собаки – шпиц, указывает на несчастливую в браке героиню рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой» (1899) Анну Сергеевну, у которой был белый шпиц.

26

...Кровавый Иван (водка с томатным соком)... – По-видимому, русская водка побуждает рассказчика иронично ассоциировать коктейль «Кровавая Мэри» (получивший свое название, как считается, по имени английской королевы Марии I Тюдор, прозванной Кровавой за расправы над сторонниками англиканства) с жестоким Иваном Грозным. Набоков мог иметь в виду, кроме того, что после трагедии на Ходынском поле в 1896 г. прозвище Кровавый стало применяться также к Николаю II.

сериканет (в оригинале sericanette) – неологизм, образованный от английского текстильного термина seric (из шелка, шелковый) и от англ. Serica (букв. Страна шелка) – названия в античных источниках части Северного Китая в эпоху династий Чжоу, Цинь и Тан. Уменьшительный суффикс – ette используется в торговых названиях (ср. leatherette – ледерин, искусственная кожа).

На заднем сиденье «Amilcar'a» <...> спит маленький шпиц... – Набоков использует марку легендарной французской автомобильной компании, в

1921–1940 гг. выпускавшей модели под тем же названием. «Амилькар», упомянутый также в романе эмигрантского поэта и писателя Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» (1932), стал печально известен после того, как 14 сентября 1927 г. в Ницце длинная шаль Айседоры Дункан, американской танцовщицы, в 1922–1923 гг. жены Сергея Есенина, попала в ось заднего колеса открытой спортивной модели «Amilcar CGSS», вследствие чего она была задушена, едва автомобиль тронулся с места (см.: Kurth P. Isadora: a Sensation Life. Boston: Little, Brown, 2001. P. 556). Причем, как и безымянная дама в романе Набокова, Дункан отъезжала от гостиницы. Таким образом в образе «дамы с собачкой», уезжающей на «амилькаре», Набоков совместил два источника: литературный (намек на чеховский рассказ с его линией к истории неверной и несчастливой Арманды) и исторический – случайную смерть Дункан от удушения, напоминающую о том, что Хью непреднамеренно задушил свою жену. Неудачный брак Есенина и его смерть от асфиксии в гостинице «Англетер» (ср. с упоминанием Алехина, тоже умершего от асфиксии в гостинице) – еще одна связанная с «амилькаром» возможная аллюзия на трагическую судьбу набоковского героя, который в молодости, как мы помним, сочинял стихи.

...пушистую головку своего первого одуванчика... – В оригинале редкое значение англ. clock – пушистая круглая головка с семенами, особенно у одуванчика.

Вот, я полагаю, оно: не грубая боль физической смерти... – В оригинале разговорное выражение *this is it* (вот оно; началось), которое Набоков использовал 9 января 1973 г. в схожем контексте в записи сна: «Проснулся на рассвете. Дневная часть мозга все еще на сонной скорости. “Вот оно!”, подумал я мрачно и, сев, увидел, что между кроватью и окном уже поставлены две гильотины, одна против другой (“ну, конечно, так это делается – в спальне”»)» (Я/сновидения Набокова / Сост., коммент. Г. Барабтарло. Перевод Геннадия и Аллы Барабтарло. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. С. 122).

Тише, сынок, едешь – дальше, знаешь ли, будешь. – В оригинале идиома «*easy does it*», по смыслу соответствующая русской поговорке тише едешь – дальше будешь, разделяется разговорным «*you know*» (знаешь) и заканчивается разговорным обращением «*son*» (сынок). Фразу «*easy does it, son*» повторял герой романа-бестселлера Харпер Ли «Убить пересмешника» (1960) адвокат и вдовец Атикус Финч. «Сквозняк из прошлого» имеет некоторые тематические переклички с этим романом.

Русский текст в романе

В «Сквозняке из прошлого» русские слова и выражения встречаются значительно реже, чем в предыдущем («Ада») и следующем («Взгляни на арлекинов!») романах Набокова. Тем не менее в этой книге обращение к русской лексике имеет тот же эффект теневого присутствия

русскоязычного автора, пишущего по-английски, но не упускающего случая отметить двуязычную звуковую ассоциацию (Diablonnet – яблони; Настя – nasty; immemorial – море) или особенность речи русскоговорящего персонажа («Она в лицо называла свою мать по-русски скотиной»).

В романе использованы следующие русские слова и выражения (в оригинале латиница, в скобках указаны номера глав): Кандидатов (6), Настя (12), Анастасия Петровна (12), яблони (12), рафалович (13), сугроб (13), Жениха привела (15), скотина (17), Игорь (17), Чудо-юдо (17), море (23), Иван (26).

Андрей Бабилов

Приложение

I

Из книги интервью и статей «Кредо»

(Strong Opinions, 1973)

Нью-йоркская газета, для которой предназначалось это интервью, данное по переписке в 1972 году, отказалась его публиковать. Вопросы моего интервьюера были сокращены или стилизованы.

Критикам «Сквозняка из прошлого», похоже, нелегко было охарактеризовать его тему.

Его тема – всего лишь потустороннее проникновение в запутанный клубок случайных судеб. Среди рецензентов нашлось несколько внимательных читателей, превосходно написавших о книге. Однако ни они, ни, разумеется, обычные критикашки не разглядели структурного узла этой истории. Могу ли я объяснить его простую и элегантную суть?

Вы-то определенно можете.

Позвольте мне привести строки из первой страницы, которые озадачили мудрых и ввели в заблуждение глупых: «Когда мы фокусируем внимание на материальном объекте <...> самый акт концентрации способен нас невольно погрузить в его историю». По ходу книги приводится

несколько примеров таких прорывов сквозь «натянутую плеву» настоящего. Раскрывается собственная история карандаша. Раскрывается еще, в более поздней главе, прошлое убогой комнаты, где, вместо того, чтобы сосредоточиться на Пёрсоне и проститутке, призрачный наблюдатель переносится в середину прошлого века и видит русского путешественника, второстепенного Достоевского, ночевавшего в этой комнате между швейцарским казино и Италией.

Другой критик отметил...

Да, я подхожу к этому. Рецензенты моей небольшой книги впали в беззаботное заблуждение, предположив, что видеть вещи насквозь – профессиональная функция романиста. На самом деле такого рода обобщение не только представляет собой унылую банальность, но и фактически неверно. В отличие от таинственного наблюдателя или наблюдателей в «Сквозняке из прошлого», романист, как и все смертные, чувствует себя более комфортно на поверхности настоящего, чем в иле прошлого.

Так кто же этот наблюдатель; кто эти выделенные курсивом «мы» в четырнадцатой строке романа; кто, ради всего святого, этот «я» в его самой первой строчке?

Решение, мой друг, настолько очевидно, что почти неловко его сообщать. Однако вот оно. Побочной, но забавно-деятельной фигурой моего романа является г-н R., американский писатель немецкого происхождения. Его письменный английский точнее разговорного. Беседуя с кем-нибудь, R. имеет удручающее обыкновение вставлять кстати и некстати машинальное «знаешь» немецкого эмигранта, и, что еще хуже, он использует ни к селу ни к городу, искажает или дополняет самые избитые американские клише. Хороший пример – его навязчивое, хотя и вполне благонамеренное предостережение в последней строке моей последней главы: «Тише, сынок, едешь – дальше, знаешь ли, будешь».

Некоторые рецензенты усмотрели в г-не R. портрет или пародию на г-на N.

Верно. Их привело к этому заключению простое верхоглядство, основанное, я полагаю, на том, что оба – писатели, оба – натурализованные граждане США и оба живут или жили в Швейцарии. К началу «Сквозняка» г-н R. уже мертв, а его последнее письмо помещено в «репозиторий» в конторе его издателя (смотри мою двадцать первую главу). Здравствующий писатель не только несравнимо более талантливый художник, чем г-н R., но последний в своих «Траляциях» на самом деле прыскает ядом зависти в адрес Адама фон Либрикова (Adam von Librikov), приводящего в бешенство своей улыбкой (девятнадцатая глава), – анаграмматический псевдоним, который может

расшифровать любой ребенок. На пороге моего романа Хью Пёрсона встречается дух или духи – возможно, его покойный отец или покойная жена; более вероятно – покойный мосье Крониг, бывший управляющий отелем «Аскот»; а еще вероятнее – призрак мистера R. Это обещает триллер: чей дух продолжит вторгаться в сюжет? Одна вещь, во всяком случае, вполне прозрачна и несомненна. Как уже сообщалось в этом истолковании, в последней строке книги только что умершего Хью приветствует не кто иной, как развоплощенный, но все еще довольно гротескный мистер R.

Понимаю. А чем вы заняты теперь, барон Либриков? Новым романом? Мемуарами? Натягиваньем носов болванам? [72]

Почти готовы два тома рассказов и сборник эссе, и новый чудный роман уже переступил своей ножкой порог моей двери[73]. Что же касается натягивания носов болванам, то я этим не занимаюсь. Мои книги, все мои книги, предназначены не болванам, не кретинам, которые считают, что мне нравятся длинные латинизмы, не свихнувшимся ученым, отыскивающим сексуальные или религиозные аллегории в моих сочинениях, – нет, мои книги адресованы Адаму фон Л., моей семье, нескольким проницательным друзьям и всем родственным мне душам во всех уголках мира, от индивидуальной кабины в американской библиотеке до кошмарных глубин России[74].

II

Из интервью Le Figaro littéraire

«Владимир Набоков, самый американский из русских авторов»

(13 января 1973 г.) [75]

Ваш новый роман?

Название романа, который недавно вышел в Америке, – «Сквозняк из прошлого». Бестелесное существо, душа романиста, только что умершего от болезни печени, вызывает к тем трудностям, которые испытывают призраки при восприятии нашего мира, держась на уровне нашего настоящего, не погружаясь в прошлое сквозь прозрачность человеческих вещей или сущностей. Это очень забавный роман. Он, однако, не предназначен широкому читателю[76].

III

Владимир Набоков – Катерине Фокс [77]

«Монтрё-Палас»

Монтрё, Швейцария

24 января 1973

Дорогая миссис Фокс,

Благодарю вас за письмо от 19 января, в котором вы сообщаете, что «Таймс» хотела бы приобрести отрывок «Сквозняка из прошлого», от начала стр. 3 и до конца стр. 19. Я, однако, не могу согласиться с неоговоренным пропуском последнего предложения на стр. 5 («А теперь позвольте нам вернуться к пронизаемым предметам») и с исключением третьей главы (стр. 6–8). Эта третья глава является не только неотъемлемой частью темы, но и ключом ко всему повествованию. Ее исключение привело бы, среди прочего, к тому, что читатель, купивший книгу, пропустил бы всю стопку из 19 страниц, полагая, что все они уже были прочитаны им в «Таймс», и оказался бы таким образом обманутым в отношении совершенно необходимой главы.

В схожем случае, в другом периодическом издании, я предложил не только отметить рядом отточий пропуск определенной сцены, но и добавить примечание о том, что выпущенный отрывок непременно в свое время порадует читателя опубликованной книги.

Это единственный компромисс, на который я могу пойти[78].

С искренним почтением,

Владимир Набоков

Примечания

1

Очаровательная комната на четвертом этаже.

2

Первый или нижний этаж (фр.).

3

Синий банк (фр.).

4

Готовое платье. Наша триумфальная распродажа остатков (фр.).

5

Омар по-американски (фр.).

6

Мой господин (нем.).

7

«Женевский журнал» (фр.).

8

Частица как бы оспаривает последний слог моего имени (фр.).

9

Краях (фр.).

10

Расстегни свое платье, Деянира... на свой костер (фр.).

11

Расскажите мне о вашем... очень профашистский? (фр.)

12

Но вовсе нет (фр.).

13

Родинка (букв.: зернышко красоты) (фр.).

14

Посыльные (в гостинице, ресторане); уст. слуга в охотничьей ливрее (стоявший на запятках кареты). Прямое значение – охотник, егерь, ловчий (фр.).

15

Вместе (фр.).

16

Патапуф (фр. пузан; толстяк).

17

Тогда пойдем в дом (фр.).

18

Вуайерист поневоле (фр.).

19

Винный погребок (швейц.).

20

Ровно в семь (фр.).

21

Опущена начальная «h» в названии газеты «Herald Tribune», что подчеркивает особенность произношения Арманды.

22

Имя (псевдоним) для поездок.

23

Снежный шквал (фр.).

24

Бесцеремонность (фр.).

25

Она же (фр.).

26

Желто-голубая большая берцовая кость.

27

Кафе «Глетчер» (фр.).

28

Godille (фр.) и Wedeln (нем.) – родственные техники коротких сопряженных поворотов на горных лыжах.

29

Закусочная (фр.).

30

Приветствую (нем.).

31

Невзгоды (фр.).

32

Изумленные скалы (фр.).

33

Французский неологизм для использованного в оригинале англ. goggles – защитные (круглые) очки, вытаращить (широко раскрыть) глаза, изумленный взгляд.

34

Самолюбие (фр.).

35

D'un air entendu.

36

Домашняя работница (фр.).

37

Большой палец (фр.).

38

Операция (ит.).

39

Идеальная (ит.).

40

Печень (анат. ит.).

41

Знаете ли вы, мадам... (фр.)

42

Карта Страны Нежности (фр.).

43

Прохладные войны (с намеком на Cold War – Холодная война)... ах, уровни, величины (англ.): искажение специальных французских терминов couloirs (кулуары – лощины в склоне горы между скал и скальных сбросов) и arêtes (узкие скальные гребни, выступы).

44

Отец... сын (фр.).

45

Хоровод (фр.).

46

Я помню, помню дом, в котором был рожден (фр.).

47

Красивый (красавец) Ромео (фр.).

48

Ну что же (фр.).

49

Так называемый (фр.).

50

Фр. *aiguillon* (жало насекомых) в переносном значении, которое здесь подразумевается, – возбудитель, стимул.

51

Но (фр.).

52

Но... однако.

53

Подмышечная область (фр.).

54

Boyd B. Vladimir Nabokov. The American Years. Princeton, 1991. P. 577. Здесь и далее перевод мой.

55

Harvard University. Houghton Library / Vladimir Nabokov papers.
Letters from Vladimir and Vera Nabokov to Dmitri Nabokov 1952–1977.

56

Занен – коммуна в Швейцарии на юго-западе кантона Берн.

57

Houghton Library / Vladimir Nabokov papers. Box 12, fol. 207. Книга вышла в нью-йоркском издательстве «McGraw-Hill».

58

Boyd B. Vladimir Nabokov. The American Years. P. 531.

59

Boyd B. Vladimir Nabokov. The American Years. P. 565.

60

«Институт подготовки к потустороннему».

61

В оригинале sidle – т. е. скорее «двигаясь робко».

62

Набоков В. Бледный огонь / Пер. В. Набоковой, примеч. В. Набоковой, А. Бабилова. АСТ: Corpus, 2022. С. 63. Последняя строка этого отрывка в оригинале как будто предвосхищает имя и фамилию Хью Пёрсона: «Or let a person circulate through you» («Или позволить какой-нибудь персоне / циркулировать внутри вас»).

63

Набоков В. Соглядатай / Заметка, примеч. А. Бабилова. М.: АСТ: Corpus, 2021. С. 30. Курсив мой.

64

Набоков В. Приглашение на казнь / Заметка, примеч. А. Бабикова. М.: АСТ: Corpus, 2021. С. 252.

65

Адамович Г. Перечитывая «Отчаяние» // Последние новости. 1936. 5 марта. С. 3. Цит. по: Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова. Сост., коммент. Н.Г. Мельникова и О.А. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 126. Курсив мой.

66

См. Приложение, I в настоящем издании.

67

Барабтарло Г.А. Сверкающий обруч. О движущей силе у Набокова. СПб.: Гиперион, 2003. С. 121. В «Сочинении Набокова» он добавил, что в этой книге не только предметы прозрачны, «но и сами эти духи – тоже things в полушутливом английском хождении этого слова», и что в названии романа «перелив смысла в обоих направлениях, что почти никогда не поддается обычному переводу» (с. 37).

68

Привожу эти стихи по тексту первой публикации (но по правилам современной орфографии).

69

Johnson D. Barton. Transparent Things // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. N.Y. & L.: Routledge, 1995. P. 726–727.

70

Houghton Library / Vladimir Nabokov papers. Box 12, fol. 207a.
Впервые: Бабинов А. Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. СПб.:
Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 760.

71

Набоков В. Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 3.

72

В оригинале «Cocking a snoot», обыгрывающее выражение to cock a
snook – показать длинный нос (кому-либо).

73

Сборник эссе, статей и интервью – «Strong Opinions» («Стойкие
убеждения», по авторизованной русской версии названия – «Кредо»,
1973), роман – «Взгляни на арлекинов!»(1974).

74

Nabokov V. Strong Opinions. N.Y.: Vintage, 1990. P. 194–196. Здесь и
далее перевод мой – А.Б.

75

Набоков подготовил ответы в конце ноября 1972 г.

76

Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and
Letters to the Editor by Vladimir Nabokov / Ed. by B. Boyd and A.
Tolstoy. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2019. P. 417.

77

Nabokov V. Selected Letters. 1940–1977 / Ed. by D. Nabokov and M.J.
Bruccoli. San Diego et al., 1989. P. 506.

78

Отрывок в «Таймс» не был опубликован.